

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Поколенческий анализ
современной России

политология **социология** культурология антропология

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

Неприкосновенный Запас

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС



The Moscow School of Social and
Economic Sciences

A GENERATIONAL
ANALYSIS OF
CONTEMPORARY
RUSSIA

Editors:

YURI LEVADA

TEODOR SHANIN

Analytic Center
Yuri Levada

The Moscow School of
Social and Economic
Sciences

NEW LITERARY REVIEW
МОСКВА • 2005

Московская высшая школа
социальных и экономических наук

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ
СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ

Под редакцией:

ЮРИЯ ЛЕВАДЫ

ТЕОДОРА ШАНИНА

Аналитический Центр
Юрия Левады

Московская высшая
школа социальных и
экономических наук

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2005

УДК 316.346.36

ББК 60.542.11

О-87

Редактор серии

И. Калинин

О-87 Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 328 с.

В статьях сборника, который представляет собой избранные материалы рабочего семинара по проблемам поколенческого анализа, действовавшего в Московской высшей школе социальных и экономических наук в 2000—2003 гг., рассматриваются смысловой состав понятия «поколение» и границы его применимости в эмпирической работе историка, демографа, социолога. «Проблема поколений», анализируемая в данном сборнике, включается в специфические условия отсроченной или задержанной модернизации, заблокированного социального продвижения, прежде всего — на примере России XIX—XX вв. Кроме того, авторы сборника рассматривают ценности и установки молодых поколений российского общества в нынешний момент и во временной динамике. Книга носит междисциплинарный характер, в ней анализируются данные социальной истории, результаты социологических опросов, биографические источники, литературные тексты.

УДК 316.346.36

ББК 60.542.11

ISBN 5-86793-370-9

© Авторы, 2004

© Ю. Левада, Т. Шанин, сост., 2005

© Новое литературное обозрение, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	9
-----------------------	---

Раздел 1 ПОКОЛЕНИЯ И НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

<i>Теодор Шанин</i> История поколений и поколенческая история	17
<i>Ю. А. Левада</i> Поколения XX века: возможности исследования	39
<i>Б. В. Дубин</i> Поколение: смысл и границы понятия	61
<i>В. В. Семенова</i> Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии	80
<u>В. П. Данилов</u> О возможностях поколенческого анализа в познании исторического процесса в России	108
<i>Д. И. Олейников</i> Поколения в истории России XIX века	146
<i>В. М. Воронков</i> Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР	168
<i>А. М. Никулин</i> Возвращение поколений человечества Андрея Платонова	201
<i>Наталья Арлаускайте</i> Между жестом и словом (о литературном поколении и ненациональной истории литературы)	212

Раздел 2
МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

<i>Ю. А. Левада</i>	
Заметки о проблеме поколений	235
<i>Б. В. Дубин</i>	
Между всем и ничем	245
<i>В. А. Ядов</i>	
К вопросу об исторической миссии молодого поколения	253
<i>В. С. Магун, М. В. Энговатов</i>	
Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг.	261

CONTENTS

IN PLACE OF AN INTRODUCTION	9
-----------------------------------	---

Chapter 1 **GENERATIONS IN SOCIETAL ANALYSIS**

<i>Teodor Shanin</i> History of generations and generational history	17
<i>Yurii Levada</i> Generations of the 20th century: possibilities of study	39
<i>Boris Dubin</i> A generation: the conceptual meaning and its boundaries ...	61
<i>Viktoriya Semenova</i> Contemporary conceptualizations and empirical approaches to the issue of "generation" within sociology ...	80
<u><i>Viktor Danilov</i></u> The possibilities of generational analysis and Russia's historical process	108
<i>Dmitrii Oleinikov</i> Generations in the history of the 19th century Russia	146
<i>Viktor Voronkov</i> A study of the "1960th generation" as protest movement within the USSR	168
<i>Alexander Nikulin</i> Andrei Platonov: the returning generations	201
<i>Natalya Arlauskaitė</i> Between a gesture and a word: on the notion of literal generation and non-national history of literature	212

Chapter 2
THE YOUNG GENERATION IN CONTEMPORARY
SOCIOLOGICAL STUDIES

<i>Yurii Levada</i>	
Furner notes on the problem of generations	235
<i>Boris Dubin</i>	
Between “everything” and “nothing”	245
<i>Vladimir Yadov</i>	
The issue of “historical mission of a young generation”	253
<i>Vladimir Magun, Mickail Engovatov</i>	
Inter generational dynamics and young generations life demands and resources: 1985–2001	261

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Книга подводит итоги работы семинара, посвященного исследованию проблемы поколений и действовавшего в течение почти трех лет (с мая 2000 по март 2003 г.) на базе Московской высшей школы социальных и экономических наук. Идея проведения семинара принадлежала двум людям — ректору Московской школы Теодору Шанину и Юрию Леваде, директору «Аналитического Центра Юрия Левады».

Весной 2000 г. речь шла только об одной-двух встречах, для того чтобы исследователи, как-то соприкасавшиеся с этой темой, могли поделиться своими соображениями друг с другом. Надо сказать, что непосредственным поводом для организации встреч послужило то, что Теодор Шанин вынашивал идею представить взгляд на историю России с точки зрения «смены поколенческих серий», иначе говоря, написать историю России как историю смены поколений. Знакомство с мнениями социологов должно было поддержать развитие в российской гуманитарной науке нового направления — «Исторической социологии», т.е. «экспликации» социологического знания в историческую дисциплину, для получения качественно нового представления о характере социальных процессов второй половины XIX — XX вв. в России. Подготовительная работа к встрече с коллегами, проводившаяся в форме небольших интервью, показала, что в Москве среди социологов и историков есть такие, кто не только знаком с теоретическими исследованиями К. Мангейма и С. Н. Айзенштадта по этой тематике, но и те, кто

так или иначе опираются на них в собственных работах. Юрий Александрович Левада высказал предположение, что одной встречи будет недостаточно, и посоветовал провести несколько семинаров для того, чтобы получить более или менее систематическое представление о том, что сделано в этом направлении. Первые удачно прошедшие встречи положили начало обсуждению, и семинар приобрел характер постоянно действующего. Семинар носил междисциплинарный характер, в его работе принимали участие социологи, историки, демографы, педагоги. В меж- и внутридисциплинарных спорах столкнулись разные взгляды на проблему. В итоге стало ясно, что имеет смысл представить эти работы в виде сборника.

Наиболее вероятные направления книги, посвященной исследованиям данной тематики, являются следующие: либо собственная теоретическая модель изучения поколений, либо использование уже известных моделей для описания социальных процессов в России. Однако многие авторы сборника — участники данного семинара выбрали третий — **«рефлексивный» путь** и постарались не только выяснить, **какие основные подходы к проблеме поколений существуют в теоретической социологии** на сегодняшний день, но и получить ответы на следующие вопросы:

1. С чем связана популярность идеи «поколений», при каких условиях она актуализируется, каково назначение и смысл этого понятия?

2. Каковы возможности и границы использования понятия «поколение» и концепции «смены поколений» в социальных и гуманитарных дисциплинах — истории, социологии?

Представленные в сборнике работы отличаются тем, насколько каждый автор готов допустить в собственном исследовании описание на основе устоявшихся представлений о поколениях в России? Одни, отдавая себе отчет в том, что разделение на «поколения» — явление ментальной сферы, тем не менее принимают за условие анализа **существование по-**

колений как социальных общностей — когорт, групп, серий, другие — в большей степени склонны размышлять о том, с чем связано желание описать объективные социальные процессы **при помощи конструкта «поколений»?** Пожалуй, наиболее ярко та и другая позиции представлены в работах Д. И. Олейникова, предлагающего взглянуть на историю России XIX в. как на чередование «активных» (сильных) и «пассивных» (слабых) поколений: «гамлетов» и «донкихотов» (назовем ее «дескриптивной»), и Б. В. Дубина (ее отличает большая дистанция — желание разобраться в том, что стоит за конструктом «поколение»?).

Материалы книги разбиты на два раздела. **Первый** посвящен возможностям **теоретического исследования проблемы «поколений».** Работы дополняют одна другую, связаны между собой и позволяют увидеть панораму методологических подходов, существующих в западной науке; здесь рассматриваются возможности и границы использования понятия в социологических и исторических исследованиях. В открывающих этот раздел статьях Теодора Шанина и Юрия Александровича Левады речь идет о причинах, заставляющих искать новые ракурсы исследования социальных явлений, и об основных сложностях, с которыми сопряжено обращение к данной теме. т. шанин рассматривает историю развития понятия «поколения» как инструмент исторического анализа в западной и российской науке и предлагает ее продвижение вперед, развивая понятие «наддетерминизма» (*overdetermination*) исторических причинностей.

Объективное содержание понятия «поколение» и возможности его применения в социологии и истории наиболее заметное отражение нашли в работах Б. В. Дубина, Ю. А. Левады и В. П. Данилова. Б. В. Дубин анализирует понятие «поколение», соединяющее индивидуализирующую функцию и фиксацию смены норм, предлагает обзор основных подходов к проблеме (К. Мангейма, Ш. Н. Айзенштадта, М. Мида, Л. фон Визе, В. Пиндера и др.) и наконец переходит к особенностям

постановки проблемы поколений в современном российском обществе. Автор статьи показывает, что разделение и противопоставление поколений в последние годы носило отнюдь не возрастной, а социальный характер: противостояние разных жизненных стратегий и ценностей получило оформление в привычной метафоре конфликта «отцов» и «детей».

Известный историк В. П. Данилов размышляет о том, насколько полезен для исторического исследования анализ «поколений», и обосновывает взгляд, согласно которому изучение истории по принципу выделения «поколений» не может выступать самостоятельным фактором исторического анализа. В работе представлена точка зрения, противоположная взгляду историка Д. И. Олейникова, соединившего исторический анализ с культурно-историческим подходом к проблеме поколений К. Мангейма. Отношение В. П. Данилова к теме, связанной с поколениями, менялось. Виктору Петровичу была присуща повышенная ответственность за слово, чуждость пафосу «первооткрытия». Заинтересованный возможностью обогащения инструментария исторического исследования, он тем не менее исключительно трудно работал над статьей, несколько раз готов был отказаться от участия в публикации, затем снова принимался за текст. По стечению обстоятельств она стала последней его работой, завершенной незадолго до трагической гибели в Москве 16 апреля 2004 г.

В раздел включены и статьи Ю. А. Левады, В. В. Семеновой, посвященные личностным характеристикам и ценностным установкам «поколений», выделяемых в истории России XIX и XX вв. В. В. Семенова на основе данных опросов ВЦИОМ исследует лексические формы самопрезентации поколений и приходит к неожиданным заключениям о сходстве причины самоидентификации «со своим поколением» представителей разных возрастных групп. По мнению исследователя, социальные функции «поколения» в условиях современной России не совпадают с тенденциями на Западе.

Исследования В. М. Воронкова и А. М. Никулина объединяет то, что их авторы «сфокусировали» свои взгляды на «поколениях» России XX в. — «поколении двадцатых» и «шестидесятниках». Обе статьи служат иллюстрацией к работам, в которых представлен своеобразный «срез» российских поколений; при этом статья А. М. Никулина интересна еще и тем, что в ней ставится вопрос о взаимоотношениях личности с «доминирующим поколением», претендующим на «определение духа современности»; материалом для исследования служат произведения А. Платонова. Другой «связкой» статей и тем являются работы Александра Никулина и Наталии Арлаускайте, которые объединяют анализ поколенческой проблематики в беллетристике. Особенная важность литературоведения для поколенческого анализа нашла свое выражение еще в работах Мангейма.

Второй раздел книги продолжает тему, поднятую в статьях Б. В. Дубина, В. В. Семенов и Ю. А. Левады и связанную с самореализацией, ценностями и стратегиями молодого поколения в современной России. В особенности Ю. А. Левада рассматривает здесь проблему возникновения конструкций — «смена», «разрыв» поколений, возникающих в момент противостояния «оторвавшихся групп» общества доминирующей традиции и жестко организованным «вертикальным» системам.

В тексте Б. В. Дубина дается сравнительный анализ европейской и российской традиции восприятия **социальной роли «ребенка»**. Автор не только показал эволюцию европейских представлений, но и проблематизировал особенности специфически российского «негативного» взгляда на ребенка, сохраняющегося в массовом сознании и по сей день. В. А. Ядов особый акцент делает на значении **внешнего фактора** — мирового политического контекста — в определении наиболее предпочтительного для молодого поколения россиян сценария самореализации. В статье В. С. Магуна и М. В. Энгватова изложены материалы важного исследования, посвященного из-

менению жизненных притязаний выпускников школ начиная с 1980-х годов, проведенного в России и на Украине.

Авторы сборника надеются, что эта первая книга по данной теме послужит базой для продолжения исследований поколений в теоретическом и прикладном направлениях. Междисциплинарный характер издания может обеспечить интерес к нему широкого круга специалистов в области гуманитарных наук: социологов, историков, а также исследователей истории литературы и художественной культуры.

Раздел 1

ПОКОЛЕНИЯ И НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

ИСТОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ И ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Теодор ШАНИН

1. «Поток фактов» и инструменты познания

Фильм «Расемон» — незабываемая картина Куросавы состоит из четырех частей. В первой дается описание: по лесу идет самурай, ведя коня, а на коне его жена, на них нападает бандит и, убив самурая, насилует женщину. Далее — три истории о том, что произошло, рассказанные бандитом, женщиной и возвращенным из мира теней самураем. Они совершенно разные. Очевидцы не лгут — они просто видят и помнят по-разному. Очеловеченная картина, в которую заложена субъективность рассказчика, богаче описания. Каждый из рассказов несет в себе не только срез действительности, но и индивидуальную смысловую нагрузку. В образах, запечатлевшихся в сознании, выражены как внешний мир, так и субъекты и пути познания.

Для профессионального историка, как и для профана, вспоминающего собственную биографию, между потоком фактов и их осознанием стоят каналы и инструменты познания: чувственные отражения, смысловые предрасположения, так же как и понятия, модели, теории и мифологемы — все то, что великий социолог прошлого назвал «линзами...» через

© Т. Шанин, 2005

которые люди видят действительность»¹, а также влияние личного опыта и формулирование вопросов. Метафору «линз» здесь стоит расшифровать: смотря с их помощью, видишь определенную часть картины четче, но вне «фокуса» отражение реальности теряет остроту или даже исчезает совсем.

Центральным аспектом исторических наук и характеристикой их «школ» являются задействованные единицы анализа, принятые в качестве фундаментальных. Для примера влияния этой категории «линз» даже при описании последовательности событий достаточно взять традиционное для многих учебников истории деление по столетиям, так часто игнорирующее влияние такой «нарезки» материала на его видение. Варьирование этого разделения некоторыми из современных историков в таких понятиях, как «длинный» XIX век и «короткий» XX век², показывает, как изменение фокуса восприятия акцентирует по-разному характеристики и причинности изучаемых процессов. Концепция «длинного» XIX в. и «короткого» XX в. для российской истории проливает, как мне кажется, не менее интересный свет на картину истории страны.

В современной России идет крупный спор по другой теме, которая касается единиц анализа, принимаемых историками как фундаментальные. Завязотость открывших для себя новую парадигму сторонников «цивилизованного анализа» в духе Броделя в споре против «классового» анализа и «пятихвостки» этапов — обязующие догмы советской историографии — заставляет часто забывать как об относительности этих споров, так и о существующих альтернативах. Предпочитаемые единицы и парадигмы и анализа представляют определенные срезы действительности и инструменты ее познания. Они дают ответы на определенные вопросы, оставляют в тени

¹ Mills C.W. *Power, Politics and People*. N.Y., 1963. P. 406.

² Хобсбаум определил «короткий XX век» как годы 1914–1985 (XI). Еще раньше в употребление, особенно среди историков науки, вошло понятие «длинный XVI век».

(или даже отбрасывают в «тень») другие. Абсолютизация инструментов познания превращает их часто из линз в шоры. По-видимому, ответом должен стать здесь принципиальный антимонизм, особенно важный на родине Плеханова, догматизм которого так часто всплывает в высказываниях россиян, которые и имени его не помнят¹. Перед лицом богатства очеловеченной действительности, образно говоря, сумка разных аналитических инструментов, употребляемых по мере необходимости мастерами-строителями Средневековья, куда более полезна исследователю, чем поиски и споры о монопольном, всеобъемлющем и окончательном суперинструменте.

Понятие «поколение» — широко распространенная аналитическая категория языка повседневности, беллетристики и СМИ, хотя и менее популярно в науке. Оно существует параллельно, но не альтернативно другим категориям анализа и системам видения. Вопросами являются здесь как характер этого понятия (что дает, а что ограничивает в видении этот инструмент познания), так и причины его сравнительно ограниченного употребления историографией.

2. Истоки современного поколенческого анализа

Поколенческое видение биографического и исторического материала своими истоками уходит в древность предписьменных времен. Легенды тюрков, саги Севера и сказания Полинезийских островов, книги Библии и хроники династий Египта и Междуречья повторяют формулу «А породил Б, а он породил В» как важнейший стержень индивидуальной и коллективной памяти и идентификации. Ранние историографические модели

¹ См.: Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 507–731; Шанин Т. Четыре с половиной аграрные программы Ленина // Отечественные записки. 2004. № 1 (16).

часто опирались на генеалогические цепочки правителей, видя в них основную причину в определении ритмов, заложенных в истории и хрониках. Как пример можно привести здесь циклическую теорию истории Ибн Хальдуна в XIV в. с его обязательным чередованием завоеваний бедуинских династий и племен, их оседанием в городах, обогащением и потерей воинственных характеристик последующими поколениями, а затем завоеванием их же новыми пустынными племенами¹.

Начало современного этапа поколенческого анализа можно отнести к XIX в. А. Конг и Дж. С. Милль говорят о смене поколений как о важнейшей динамике, заложенной в истории. Дж. Дромел, А. Корно и Г. Ферар во Франции 1860–1870-х годов в своих работах пытались определить эти поколения эмпирически и количественно, связывая их с типичным биологическим циклом развития человека и/или его социализацией, предлагая в качестве длины таких единиц 15 лет, 30 лет и 33 года². Предлагалась также модель циклов из четырех поколений, объясняющих более долгосрочные натуральные «ритмы истории»³. Дальнейшее продвижение, как и критика этого направления анализа, проходило в рамках быстро созревающей демографии.

Параллельно в Германии в конце XIX в. развивается направление, представленное работами В. Дильтея по философии истории, которое фокусировалось на неколичественном (и названное поэтому «качественным») определении поколений⁴. Влияние этого взгляда ясно выражено в дальнейших социологических и историографических работах М. Вебера, К. Мангейма и немецких историков конца XIX — начала XX в., т.е. периода, когда особо важную роль в развитии общественных наук в целом играла германская академическая наука. В. Дильтей определил поколение как круг людей, свя-

¹ *Khaldun Ibn*. The Munaddinah. Princeton, 1967.

² *Dromel J.* Le Loi Des Revolutiones. P., 1861; A Cournot, Consideration sur la marde des ideas. P., 1872.

³ *Ferrari G.* Histoire de la Raison d'Etat. P., 1860.

⁴ *Дильтей В.* Введение в науки о Духе. М., 2000.

занных и «гомогенизированных» общностью времени их детства, наивысшей точки жизненной энергии, связанной с молодостью, а также крупными событиями, память которых продолжает определять видение действительности людьми, пережившими их. Его анализ и подтверждающий материал были сфокусированы на интеллектуальной истории и на интеллектуальных элитах определенных периодов и стран.

Для того чтобы продолжить интересующую нас тему поколенческой истории, которая отходит от сугубо количественных моделей, мы для начала должны определить смысл тех разных накопившихся понятий «поколение», в которых они употребляются ныне. Вне математических моделей понятие «поколение» употребляется в основном как равнозначное: 1) звену генеалогической цепи; 2) жизненному этапу и/или подразделению возрастной организации общества; 3) историческому периоду и/или современникам, т.е. всем живущим в нем; 4) социально-возрастной «когорте», т.е. тем, кто в результате близости дат их рождения следует параллельно схожими этапами собственного биологического развития и социально очерченного жизненного пути в рамках истории определенных обществ¹. Из этих смысловых понятий в современном анализе общественной истории важную роль играли последние три, а особенно идея «когорты», которую иногда смешивали с «современниками», т.е. со всеми живущими в определенный период.

Двадцатый век — век драматического роста человеческой мобильности: социальной, профессиональной, экономической, географической — стал периодом меньшего осознания и снижения общественной важности генеалогических связей. Тюркский кочевник или африканский вождь знал свое (и своих соплеменников) происхождение до шестого колена и более. В современном обществе немногие помнят имя пра-

¹ Ясно, что этот список и категоризация относительны и будут меняться в зависимости от автора, академической дисциплины, «школы» и заданных вопросов.

деда (а то и деда). В то же время современное понятие «конструирования» истории возвращает нас частично к теме генеалогии как одной из его форм.

Вопрос возрастных градаций общества и связанная с ними динамика нашли влиятельное выражение в ранней (а для нашего времени уже «классической») работе Айзенштадта «От поколения к поколению»¹. Автором были поставлены два связанных им вопроса историчности поколенческого деления общества и межпоколенческой трансмиссии культуры, т.е. процессов социализации. Первый вопрос разрабатывался в основном этнографами и антропологами, обратившими внимание на особое значение возрастных групп и их социально-психологические и политические характеристики в структуре обществ, определяемых как «ранние» или «менее развитые». Особо выделялись фиксированные традицией социальные функции возрастных групп, как и вопросы и церемонии перехода из одной группы в другую. Из этого вытекала также работа над вопросами качественного «прыжка» ранних обществ к более «атомизированным» и «отчужденным» структурам современного общества².

Айзенштадтом параллельно был поставлен вопрос о социализации как главном пути воспроизводства и сохраненной функциональной стабильности обществ. Вход каждого человека в ролевую структуру общества проходит через процесс, связанный более или менее с формами организации и динамики возрастных групп и поколенческих институций. Обратной стороной проблемы функциональной социализации новых поколений становится вопрос «девиантности», т.е. выпадения некоторых членов общества из социализационного процесса в поведенческие категории и социальные группы, которые определяются большинством как

¹ Eisenstadt S.N. From Generation to Generation. L., 1956. Также современный обзор взглядов Айзенштадта и библиография; O'Donnell M. Age and Generation. USA: Tavistock Publications, 1985.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

«странные», «ненормальные», «психопаты», «преступники», «бомжи» — обобщенное «не мы»¹.

Наиболее широко употребляемым в историографии и исторической социологии стало понятие «поколение» как синоним «когорты». Важнейшим является здесь ее выражение в когнитивной близости, опирающейся на социальный опыт совместного проживания в определяющую его эпоху и взаимовлияния проживающих в ней. Высокая пластичность человеческого мышления закладывается здесь как данное. Заданные эпохой параметры социального опыта членов когорты объективны, а в их фокусе — общие и особо значительные для его участников события и переживания. Хайдеггер определил их предельно веско как «судьбу». В этом смысле следует также понимать более позднюю переформулировку Д. Картцером старинной арабской поговорки о том, что сверстники влияют на нас больше, чем родители.

Понятие «поколения» как современники, т.е. все живущие одновременно в определенном периоде, часто перемежается в речи и СМИ с понятием «поколения» как когорты. Второе из них четче, и поэтому аналитики отдают ему предпочтение. В то же время установление рамок понятия «поколения» как «современники» имеет важное преимущество, поскольку закладывает в поле анализа также вопросы взаимодействия последующих когорт, их функционального раздела и так называемого «конфликта поколений».

Классиками современной теории поколений/когорт (иногда с расширением и на «современников») стали К. Мангейм² и Х. Ортега-и-Гасет³. Исходя из разных философских традиций, развитых в разных языковых ареалах и выражаю-

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. А. Н. Ильинского. СПб., 1998; Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. N.Y.: Anchor Books, 1961.

² Mannheim K. Essays on the Sociology of Culture. L.; N.Y., 1992. P. 15–91.

³ Ортега-и-Гасет Х. Вокруг Галилея: Избранные труды. М., 1997. С. 233–403.

щих разные политические убеждения, их работа во многом пересекалась. Первый из них продолжил работу Дильтея и Вебера, приняв их основные неокантианские положения. Чувствуется также сильное влияние Маркса в продвижении философии истории в направлении сравнительной социологии и анализа политических идеологий. В то же время Мангейм критикует эпистемологию как Маркса, так и Дильтея за видение общества через призму фундаментального дуализма «материального» и «духовного», не выделяя особенностей равнозначной для Мангейма категории «социального». В своем социологическом анализе Мангейм опирался в большой мере на искусствоведение Пиндера и его модель художественного стиля определенного поколения, выраженного через понятие основополагающего мотива в нем¹. Продолжая эту линию анализа, Мангейм предложил понятие **энтелехии** как главного мотива коллективного мышления — у него это «дух поколения», наиболее ярко выраженный его элитой. Мангейм движется дальше, отделяя тех, кто несет в себе только объективные характеристики определенной когорты, и тех, кто осознал и тем вполне выражает его энтелехию (что напоминает Марксово разделение на «класс в себе» и «класс для себя»). Введенное Мангеймом понятие «поколенческий союз» занимает здесь положение идейно-политического «авангарда» определенной поколенческой когорты (или одного из «авангардов», так как когорта может стать базой более чем одного «поколенческого союза»). В работе Мангейма, посвященной «Правым идеологиям», можно видеть приложение этого теоретического подхода к практическому анализу современной ему истории Германии².

Работы Ортега разнятся в своих философских истоках, опираясь на «латинские» традиции экзистенциализма («философия жизни» Бергсона, работы Унимино и др.), подчеркивающие

¹ *Pinder W.* Das Problem Des Generation In Der Kunstgeschichte Europas. В., 1926.

² *Мангейм К.* Консервативная мысль // Диагноз нашего времени: Пер. с нем. и англ. М., 1994. С. 572–671.

принципиальный индивидуализм человеческого выбора, как и исторически относительный характер разума. Общепринятые традиции определенного общества (*vigencia*) выступают здесь как главная внешняя сила, ограничивающая индивидуальную свободу выбора. Это «конструктивизм» — для Ортеги человек рождается создателем миров, а мир людей в целом построен на его интерпретациях. Жизнь каждого — театр с актерами и сценарием, спланированным и/или придуманным человеком в заданных рамках *vigencia*. Поколение и общность осознания им действительности выступают поэтому как важнейшие категории исторического процесса и общества как такового. Вопрос места элиты особо важен здесь и решается Ортегой в рамках его общей теории взлета «массовых обществ» современности¹.

В видении Ортега биологические процессы переплетаются с культурными. Развитие поколенческих групп определяется (также) типичными связями возраста с типичными характеристиками действия каждого человека. Ортега закладывал количественные параметры пятнадцатилетних «шагов» при определении возрастных категорий: 15–30 лет — молодость, 30–45 — век инициатив, 45–60 лет — время «облачения властью».

3. Поколенческий анализ и академические дисциплины «Запада»

Насколько ушел современный историографический анализ вперед от классиков рассматриваемого аналитического жанра, направленного в основном на когортный поколенческий анализ? Во второй половине XX в. не наблюдается прорыва к новому в общей теории и важнейших методиках изучения вопроса. Особенно англосаксонская литература оставалась во многом на уровне проблематики, а часто и языка Мангейма, несмотря на явную незавершенность его работы над этой темой. Ортегу читали в главном в ареале испанского

¹ *Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс. С. 43–163.*

языка (хотя систематическая книга Мериаса ввела в оборот работы Ортега также в англоязычную литературу¹).

В этот период в Западной Европе и США в основном проводились работы, уточняющие понятия поколенческой терминологии и предлагающие некоторые пути их эмпирической валидации. Некоторые подвижки аналитического характера находили место «на полях» работ историков и публицистов, которые были написаны на другие темы. Язык обогатился такими «поколенческими» понятиями, как “the sixtec-eighters” в Западной Европе или «шестидесятники» в России. Проходила работа по операционализации и эмпирической проверке таких понятий, как «коллективная память» и оценка меры ее влияния на познание и осознание современности в разных группах населения. В Советской России, где поколенческая тематика не вписывалась в обязательный канон «того, что и впрямь важно» в историческом анализе, первое ознакомление с этой «западной» темой, как и многое другое, произошло в 1970-х годах с помощью работ И. Кона, но влияние его статей в академической среде осталось ограниченным².

Полный обзор работ полувека был бы громоздким и при сравнительно малой новизне понятий не очень нужным для сборника современных работ российских ученых. Очень коротко остановимся на некоторых наиболее важных, на наш взгляд, категориях этих текстов и их примерах.

Обобщающие работы Броделя по истории цивилизации играют важнейшую роль в современной **историографии**, а особенно в переосмыслении постсоветскими российскими историками своих работ³. Аналлес — крупнейший современ-

¹ *Marrias J. Generations, A Historical Method. Alabama, 1970.*

² *Кон И. Понятие поколения в современном обществоведении. Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 209–220.*

³ *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; Вступ. статья и ред. Ю. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1986. Т. 1; 1988. Т. 2; 1992. Т. 3.*

ный представитель школы историографии — принял в качестве фундаментальной категории обществоведческого анализа «цивилизацию», определив ее как способ мышления, т.е. коллективное сознание, определяющее и подкрепляющее регионально специфические социальные системы. В этом главнейший элемент различия стран и подразделений человечества, как и самый трудный компонент в их коммуникациях. Стабильность каждой «цивилизации» выражают и определяют признаваемые ими центральные авторитеты (такие, как Конфуций в Китае), доминирующие этические ценности и долгосрочные тенденции мышления, как и сопротивления нововведениям, и определяемые ими поворотные моменты исторических процессов. В этом понимании базовым «атомом» в «молекуле» периода, исчисляющегося часто столетиями, является поколение, которое несет в себе важнейшие элементы «цивилизации», механизмы репродукции культуры, как и возможности их трансформации на уровне реальных индивидуумов.

Богатая **биографическая** литература, посвященная ведущим мыслителям, играет важную роль в определении характеристик периодов «западной» социальной истории, как и ее поколенческих составляющих. Примером такого употребления понятия «поколения» может служить недавно написанная биография Кейнса ведущим экономистом Великобритании Скидельским¹. Для него Кейнс как надындивидуальное явление был «продуктом современной ему кембриджской цивилизации, наследником потери религиозной веры, взлета философской спекуляции, движения от этики обязательного к этике интимности, типичного для оптимизма XIX в. эдвардианской эпохи истории Англии и последующей травмы мировой войны»².

¹ *Skidelsky R. John Maynard Keynes: A Biography. Vol. 1: Hopes Betrayed 1883–1920. N.Y., 1986; Vol. 2: The Economist as Saviour, 1920–1937. N.Y., 1994.*

² *Skidelsky R. Ideas and the World // The Economist. 2001. Nov. 25.*

Обращаясь к **социологии**, доказательством ограниченности современных успехов в приложении поколенческих понятий к современному обществу может послужить здесь обобщающий для целой декады обзор Беккера, суммирующий литературу 1990-х годов¹. Подтверждая широкую употребляемость в современной литературе понятия «поколения» и немалое количество усилий выразить его эмпирически, статья показывает «по умолчанию» скудость результатов в этом поле. Читающий этот текст остается с впечатлением, что со времен «классиков» ничего не произошло и не происходит в этом понятийном поле.

В то же время более интересной и «богатой» была статья, обобщающая работы 1970-х годов, написанная Кертцером². Рассмотрев исторические корни понятия «поколение» в этом поле (и особо подчеркнув важность для социологии США работы Сорокина³), автор представил также современную критику этого понятия, в качестве примера он приводит критику Маршалом утраты многими учеными осознания важности совпадения во времени разных когорт в реальных периодах реальной истории. Кертцер подчеркнул особо современный ему рост заинтересованности понятием «разрыва поколения» (*generation gap*) и возможную связь этого с бунтом университетской молодежи и другими событиями 1968 г. Автор выделил работу Абрамса, в которой он рассматривает связи характера поколенческих конфликтов с изменениями общества в целом⁴. Во главу угла ставится проблема трансмиссии культурных ценностей и ее связи с социальной мобильностью. Наконец, интересны соображения Кертцера, связанные с

¹ *Backer H.A. Sociological Research on Discontinuous // International Journal of Contemporary Sociology. Special Issue. 1998. P. 147–159.*

² *Kertzer D.I. Generations as a Sociological Problem // Annual Review of Sociology. 1983. P. 125–149.*

³ *Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.*

⁴ *Abrams P. Historical Sociology. West Compton House, 1982.*

ритмами «оседания» поколений эмигрантов в США и других странах: предлагается типология общих характеристик первого, второго и третьего поколений эмигрантов.

В период между публикациями Беккера и Кертцера появилась крупная работа Гунзенбума по вертикальной мобильности в США периода 1975–1990¹. В статье рассматриваются межпоколенческие изменения профессии и статуса. В ней показано быстрое развитие методологий счета в социологии США, а вместе с тем явное сужение аналитической тематики, из которой исчезают многие «классические» вопросы, такие, как интерес к влиянию смены поколений и меры мобильности на политические взгляды и результаты выборов. Главным шагом вперед в понятийной сфере, выделенным автором, явились работы Бурдьё, в которых представлен анализ места культурной репродукции в поколенческих процессах².

Важным примером эмпирической социологии «постклассического» периода явилась крупная работа Шумана и Скотта³. Авторы осуществили проверку поколенческой теории через изучение коллективной памяти населения (Шуман провел схожую работу, посвященную СССР, избрав 1937–1985 гг. как период воспоминаний, которые изучались⁴). Авторы определили операционально некоторые из понятий поколенческого анализа и открыли их при эмпирической проверке. Понятийная схема ясно опиралась здесь на работы Мангейма. Авторы статьи определили возрастной период от 17 до 25 как главный этап, в течение которого у молодежи США определяются модели познания (причем мера спорности этой

¹ *Gunzenboom H.* Comparative Intergenerational Stratification Research // *Annual Review of Sociology.* 1991. P. 277–302.

² *Bourdieu P.* Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature. L., 1992.

³ *Shuman H, Scott J.* Generations and Collective Memories // *American Sociological Review.* 1989. P. 359–381.

⁴ *Schuman H, Corning A.* Collective Knowledge of Public Events: The Soviet Era from the Great Purge to Glasnost / *American Journal of Sociology.* 2000. P. 913–956.

возрастной выборки признается самими авторами). Исследовалась селективная память 12 крупнейших событий 1980-х годов. Исследование показало, что точность памяти событий была ясно связана с возрастом членов выборки в период самого события, т.е. их пребыванием в данное время в возрастной группе от 11 до 25 лет. Вне этой возрастной группы память событий резко снижалась. Эта связь между исторической памятью и характеристиками возрастных групп оказалась справедливой и для исследований, касающихся борьбы за права чернокожих и ее памяти у представителей черного населения, а также памяти женщин в вопросах, связанных с пиками борьбы за равенство прав женщин в США.

Шуман и Скотт изучили также корреляцию уровней способности запоминать события, связанные с образованием, гендером, расой и возрастом. Исследование показало наиболее высокую степень позитивной корреляции между уровнем памяти и образованием.

4. Несколько замечаний о поколенческом видении истории в России

Поколенческие форматы видения и анализа выходят далеко за рамки социологии в узком ее понимании. Это в первую очередь касалось социологии, выросшей в недрах советской версии марксизма. Важнейшими характеристиками «поколения» как аналитически ценной категории являются вопросы динамики сознания и самоопределения, а также влияния культурных элит. Они рассматривались как полноценные детерминанты социальных процессов, а не просто как «надстроечное» отражение политэкономической «базы». В советской историографии было безопаснее рассуждать (по делу и не по делу) о классах и формациях. Но, как говорят, «свято место пусто не бывает». Поэтому не случайно, что понятийный ап-

парат этой формы анализа появился в России советского периода в немалой мере благодаря литературоведению.

Со времен Карамзина (а в религиозном облачении многим ранее) определенное ведение истории было важной частью мировоззрения и интеллектуального оснащения образованных россиян. Быть «культурным» значило также говорить, писать и спорить беспрестанно об истории России и ее месте в мире. Крупнейший поэт в России был также ее историком как в литературном, так и в дидактическом выражении. В общих чертах русская литература XIX и XX вв. часто перенимала роль дисциплин обществоведения, ослабленных, а иногда и запрещенных государством и цензурой — гласной и негласной.

Крупнейший литературовед и теоретик языковедения Юрий Лотман сыграл здесь особо важную роль в поздний период конца советского строя. Можно было бы даже сказать, что «Беседы о русской культуре» сделали его в вопросе исторической роли поколения «Мангеймом России», но с типичным для страны особым литературным акцентом и изложением (которые, если продолжить сравнение с косноязычным Мангеймом, смогли сделать его взглядом достоянием широких слоев образованных россиян). Приведем пример предложенной им картины поколенческой истории и поколенческого кризиса XVIII в.:

«К концу XVIII века в России сложилось совершенно новое поколение людей. Изменение характеров развивалось с такой быстротой, что в течение столетия мы отчетливо можем различить несколько поколений, своеобразную лестницу человеческих типов.

Люди последней трети XVIII века, при всем неизбежном разнообразии натур, отмечены были одной общей чертой — устремленностью к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению.

Люди начала XVIII века стремились влиться в какую-то группу, стать... частью какого-либо единства, сделать его законы своими собственными правилами. Для человека конца XVIII века, если можно позволить себе такое обобщение, ха-

рактерны попытки найти свою судьбу, выйти из строя, реализовать собственную личность, что будет психологически обосновывать многообразие способов поведения...

Движение века разрывалось от противоречий: „регулярное государство“ нуждалось в исполнителях, а не в инициаторах и ценило исполнительность выше, чем инициативу... Однако (это) противоречило ее потребности в сознательной инициативе... Другая сторона потребностей строилась на принципиально иной основе и порождала совсем иной человеческий тип»¹.

Понятийный язык «поколения» создал в советской России общепонятные идиомы мышления и речи, которые широко употреблялись и вне искусствознания. Примером может послужить здесь хотя бы текст Ленина, который был обязательным в течение 80 лет, но и до сих пор звучит подоплекой многих высказываний россиян. В широко известной и часто цитируемой статье про Герцена Ленин говорит о трех политических поколениях, определяя их по социальным происхождениям революционных элит каждого из них. Это дворяне и декабристы первого этапа, которые «разбудили» следующие поколения разночинцев и «Народной Воли», послужившей переходом к плебейской революции 1905 г.² По причинам самоцензуры, изложенным выше, прямой поколенческий анализ современной русской истории употреблялся более историками России, пишущими вне ее. Здесь примерами могут послужить разные по периоду и направлению работы Т. Шанина и Ш. Фитцпатрик

Первым был современный анализ соотношения революций 1905–1907 гг. и 1917–1921 гг., где подростки времен первой из них, надев к 1914–1917 гг. шинели, стали революционным контингентом социальных и этнических революций и ударной силой Гражданской войны в 1917–1921 гг. Крестьянские мальчишки сельской Латвии, Грузии, Украины

¹ *Лотман ЮМ.* Беседы о русской культуре. СПб., 2002. С. 254–255.

² *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1976. Т. 21. С. 255–262.

и юга России, где особенно свирепствовали карательные отряды 1905–1907 гг., получили урок прикладной политики и классово-ненависти, смотря на то, как пороли, вешали и скопом ссылали в Сибирь их отцов. Евреи белорусских и украинских местечек учились этому на погромах 1899–1906 гг. Окопы и поражения Мировой войны расширили и драматизировали это миропонимание. В условиях развала царизма «сверху» из-за внутренней коррупции и военных поражений революционным потенциалом руководило поколение идеологов и политиков, пересмыслившее утопии своей молодости вследствие схваток и поражений революций, периода трудностей и горечи тюрем и эмиграции¹. Результатом стала первая «крестьянская» революция XX в., за которой последовали социально схожие явления в Мексике, Китае, Алжире, Вьетнаме и Индонезии.

Влияние особенностей мышления специфического поколения было предложено так же, как объяснение и определение исполнителей сталинской коллективизации 1928–1934 гг., так называемой «внутрипартийной борьбы» и «ежовщины» 1937 г. Результатом стала новая партийная элита «сталинцев», определившая и характер советского общества, и его кризис, и падение. Какими бы спорными ни являлись некоторые из выводов так называемых «ревизионистов» среди американских историков, но нет сомнений в том, что борьба за власть и место под солнцем крестьянского молодняка времен Гражданской войны и 1920-х годов и реализация их мечты, связанной со «второй революцией», направленной и против старых кадров, и против «крестьянской косности» их родителей, сыграли важную роль в сталинизации, коллективизации и последующих «чистках»². Им грубость сталинских простых фраз и жестокость действий

¹ *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг. М., 1997; *Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper and Row, 1968.

² *Фитцпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: Деревня / Пер. с англ. Л. Ю. Пантинной. М., 2001.

были куда понятнее и ближе, чем говорили представители «великого революционного прошлого». Это было особенно так в условиях, когда полуграмотные, но преданные вождю кадры быстро делали головокружительные карьеры.

Протестное движение более позднего советского периода, так называемые «шестидесятники», было, по-видимому, также выражением поколенческого видения в определении социального протеста, сыгравшего важнейшую роль в период «оттепели». Взросление в условиях натуральной «демократичности снизу» фронта, шок поражений в 1941 г., как и встреча с несоветским образом жизни за границами СССР в 1944–1945 гг. и даже лагеря попавших в плен в результате ошибок руководства, создали поколения, в которых зародились новые сомнения и радикальные идеи. «Глоток свободы» периода Хрущева ознаменовал приход их времени. Как всегда, его полным выражением стали мысли и действия небольшой группы, ставшей во многом «лицом поколения». Их идеи про «социализм с человеческим лицом», независимость для «нацменов» и открытость «Западу» прозвучали далее с новой силой голосами так называемых «прорабов перестройки».

Во всех этих примерах вопрос «поколенческой» причинности переплетался, конечно, с другими факторами: социальной мобильностью, государственными стратегиями «экономического развития» и внутривластных, классовых и этнических чисток, международными влияниями и т.д. Но в то же время ясно, что поколенческий «срез» играл роль, без познания которой нельзя вполне понять историю советской России и того, что произошло позже.

Поколенческий язык и восприятие не ограничились, конечно, советским периодом российской истории. На стыке истории, вновь созданной политологии, публицистики и литературы шел спор вокруг таких понятий, как «поколение Q», «поколение E», «поколение X», часто в «интернетовских» спорах — о «гамлетизме» и «донкихотизме» — типичных для разных поколений. Усилия определить и самоопределиваться в

быстро меняющихся условиях постсоветской России («перманентном кризисе» для тех, кому нужны более сильные определения) имели ясно выраженную поколенческую составляющую в ощущении резко углубившейся разницы между поколениями родителей и детей. Эта проблематика частично повторяла «западную». Русские «яппи» против своих же родителей, русские молодые *entrepreneurs* с чувством общественной ответственности против «яппизма» и т.д. Огромная работа по сбору и анализу информации об общественном мнении и его динамике, начатая ВЦИОМ в ранние 1990-е годы, и стала создавать мощную базу для анализа этой темы.

Продолжением этих пунктирных замечаний послужит сама наша книга. Но есть вопрос, анализ которого хотелось бы определить, вернувшись опять-таки вскользь к понятийным вопросам начала статьи, особенно к вопросу «монизма». Серьезному анализу этой темы придется посвятить отдельную работу (или работы).

5. Наддетерминизм и поколенческий анализ

Относительная стагнация понятийной сферы поколенческого анализа при его довольно широком употреблении в ежедневной речи и публицистике ставит вопрос возможных путей ее дальнейшего развития. Для этого стоит вернуться к основам, т.е. к методам познания. В начале прошлого века Зигмунд Фрейд предложил в области психиатрии понятие «наддетерминизма» (*overdetermination*). Это процессы, в которых две параллельные и взаимовлияющие причинности a' и b' дают результат, который больше, чем просто $a+b$, так как появляется добавочная Δ . Позже Пэри Андерсен и другие ученые предложили и ввели это понятие в исторических и социальных науках¹. Эту модель причинностей исторического процесса можно рас-

¹ *Anderson P. Considerations on Western Marxism. L., 1976; Altbusser L. Contradiction and Overdetermination // For Marx / Translated B. Brewster. L., 1962. Pt 3.*

ширить теми случаями, когда комбинация причинностей дает не только количественное усиление, но и результат, который сильнее суммы ее составляющих, т.е. «наддетерминизм», но также скачок в новое качество исследуемого феномена.

Пример может помочь прояснить эту тему. Классовый анализ, а особенно анализ классовых конфликтов, не раз доказывал свою состоятельность. В то же время в качестве объяснения исторического процесса классовый анализ оказывался также часто нерелевантным или неадекватным. То же можно сказать про разделения и конфликты, связанные с этничностью. Типичной реакцией догматиков являлись абсолютизация и монизм ответа, т.е. тенденция объяснять «все» в историческом процессе одной и только одной из осознанных причинностей. Это достигается сведением всего к единому привилегированному элементу объяснения по формуле: новый феномен, «не более чем результат... (того что всегда)».

Интересным и важным явлением в реальной истории являются этноклассы, т.е. ситуации, когда классовые и этнические разделения переплетаются и взаимоусиливают друг друга. То, что в определенный период китайцы Юго-Восточной Азии или индусы Восточной Африки поголовно работали в сфере обмена, а в то же время громадное большинство купцов в этих странах происходили из одной и чуждой большинству населения этнической группы, создало «закрытые» категории населения с автономными институциями, высокой степенью внутренней солидарности, стабильностью воспроизводства. Оно также способствовало появлению мощных долгосрочных конфликтов между этими «меньшинствами» и «титულными национальностями». Говоря языком, о котором шла речь выше, мы видим здесь случаи наддетерминизма, где переплетение социального a' и этнического b' дает результат $a'+b'+\Delta$, где Δ приводит к усилению векторов причинностей, определяющих исторический процесс, как и новое качество, т.е. этнокласс с исторически мощ-

ным результатом: от резких всплесков конфликтов до погромов, этнических чисток и геноцида.

Русские историки хорошо помнят обязательный монизм советской эпохи и бесконечную натяжку фактов, которые подгонялись под обязывающую их классовую теорию как объяснение всего и вся. Привычки поколения ученых к упрощениям систем анализа часто продолжают влиять, принимая две формы: 1) если не «класс», то «цивилизация» или «нация», **но ничего более**; 2) если не монистическая модель, то все модели причинностей ошибочны, и их надо отбросить, занявшись простым описательством множества фактов или же порядка их поступления.

Анализ реальной истории показывает историчность самого влияния разных социальных разделений и конфликтов. Возвращаясь к нашему примеру класса и этничности, как определяющих групповую солидарность, в одни периоды «классовость» повышается, в другие резко растет национализм как особое выражение этничности. Причинность исторического процесса и форм их выражения надо изучать, а не предполагать или «сводить» к чему-то иному.

Возвращаясь к поколенческой теме, сама постановка вопроса «поколение **или** класс?» (или что-то еще) становится нерациональной также, поскольку принимается монизм объяснения исторических процессов. Вопрос должен, по-видимому, ставиться по-другому. (1) Каково влияние наддетерминизма на стыке поколенческих разделений и их взаимовлияние с другими категориями причинности? (2) Каковы выражения и влияние разных детерминант на разных этапах истории и чем объясняется такая периодизация? Поколенческая причинность исторических процессов исторична, выражается разностью этапов, и ее возможную связанность наддетерминизмом с другими влияниями следует изучать.

И, наконец, чем объясняется разлад между языком повседневности, его широким употреблением понятия «поколение» и явным нежеланием его употребления частью ученых.

Ответ на эту особую и крупную тему эпистемологии и социологии знания требует особого исследования, но мы наметим пунктирно возможный гипотетический ответ. Это явление выражает, по-видимому, в главном особенности научной мысли, а не действительность общественных процессов. Операциональное выражение «поколение» проблемно (хотя то же можно сказать о понятиях «класс» или «этничность»). Влияние поколенческого раздела осознается многими, как и то, что его роль резко возрастает в периоды глубоких изменений. Ирония состоит в том, что то, что мешает историкам осознать это явление на уровне моделей (т.е. «включить в теории»), — это их высокая историчность. Проще работать с неизменным в формулах объяснений, отмечая и оставляя профанам и литераторам факты, которые трудно вписываются в predetermined «рамки» академических дисциплин. Проще, но малорезультативно.

ПОКОЛЕНИЯ XX ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. А. Левада

Социологические исследования «поколенческого» среза исторического периода, например XX столетия, могут, по-видимому, разрабатываться в двух планах: во-первых, через изучение особенностей различных возрастных групп, во-вторых, через анализ «структуры» поколений (элитарной, символической) и ее значения.

В отечественных условиях имеющиеся в нашем распоряжении данные опросов общественного мнения позволяют непосредственно показать, каким является распределение позиций возрастных групп на протяжении примерно одного десятилетия, с конца 1980-х годов. Представительство различных возрастных групп в наличном населении, а значит, и в любой выборочной совокупности, неравнозначно: на поколенческую («историческую») структуру населения наложена современная («возрастная»), разделить их можно лишь гипотетически. Кроме того, установки и оценки нынешних пожилых людей, которые могут рассматриваться как представители поколений, доминировавших в определенный период, претерпели несомненные изменения, возможно, в разных направлениях. Поэтому непосредственные данные изучения

возрастных срезов общественного мнения заведомо ограничены и могут быть поняты лишь через призму соответствующих аналитических допущений. (В нашем случае для изучения динамики поколений не рассматриваются возможности использования других эмпирических источников — мемуаров, личных и литературных документов и др.) Аналогичные соображения можно отнести и к способам анализа различных аспектов «структуры» (динамической структуры) поколений — роли значимых общественных и элитарных групп, символических ресурсов и пр.

«Плавный» переход от одного поколения к другому можно представить себе только в традиционном обществе, где такой переход совершается в рамках семьи. В социально-политической истории, тем более современной, посттрадиционной, насыщенной поворотами и потрясениями, массовыми надеждами, разочарованиями, комплексами и т.д., становятся возможными такие феномены, как «ключевые» поколения, задающие «тон» (ориентации, символы) на относительно длительный период, «разрывы» между поколениями (в установках и оценках), конфликты между поколениями «отцов и детей» и т.п.; только в условиях поколенческих разрывов и кризисов возникает и сама проблема поколений в различных измерениях.

Социальное значение поколения не может измеряться опытом или настроениями «большинства» или «массы», репрезентируемой в опросах общественного мнения. Приведем ретроспективный пример: если представить, что в первой половине XIX в. в России существовали бы массовые опросы, то в них не были бы заметны ни «поколение 1812 года», ни «лицейское поколение»; в обоих случаях речь шла ведь о численно небольших элитарных группах, сыгравших огромную роль в культурной и политической истории страны.

Собственно говоря, в социологическом анализе исторического процесса мы всегда имеем дело *не с «демографическим» поколением* (совокупностью людей одного возраста), а

с определенными значимыми «поколенческими» группами или структурами (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)¹.

Как можно полагать, в рамках определенного «крупного» периода (длиной, скажем, в столетие, т.е. в три «зримых» человеческих поколения; более крупные масштабы социально не ощутимы) выделяются поколения, формирующие определенные значимые образцы или рамки поведения и мысли, соответствующий набор символов и пр., — *значимые поколения*. При этом в одних и тех же рамках возможны, разумеется, разные направления действия. Формируются поколенческие образцы *значимыми группами*, которые могут быть массовыми (в ситуации массовых войн) или элитарными.

Разнозначность поколенческих групп — один из инструментов «пульсации» исторического процесса.

1. Поколенческий ряд XX века

Для социологического анализа сменяющих друг друга поколений важными представляются прежде всего временные рамки формирования (социализации) определенных возрастных групп, которые приходится на особо значимые, переломные периоды. В российском XX в. таких периодов и, соответственно, «значимых» поколений можно насчитать *шесть*:

1. «Революционный перелом», условно 1905–1930 гг., включающий события войн, революций, Серебряного века российской культуры и периода его преодоления. В эти бурные годы сформировались все идейные и политические направления,

¹ Несколько лет назад я попытался представить позиции различных поколений российского общества в процессах перемен (*Левада Ю.* Три «поколения перестройки» // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 3). Некоторые положения этой статьи сейчас кажутся неоправданно упрощенными, в частности характеристики элитарного поведения отнесены к целым поколениям.

все идеологемы и фантазии, противостоявшие друг другу на общественной сцене. В то же время сама эта сцена — территория кровавого фанатизма, подогретого мировым конфликтом, принципиально отличалась от общественной обстановки XIX в., со всеми его катаклизмами. Активные участники и жертвы переломного периода — люди, родившиеся примерно в 90-х годах XIX в. В выборочной совокупности современных массовых исследований они не представлены.

2. «Сталинская» мобилизационная система 1930–1941 гг. — формирование монолитного тоталитарного общества. Условия формирования — раскрестьянивание, урбанизация, массовый террор, массовое образование, принудительное единообразие и единомыслие и т.д. В этот период политически или физически ликвидированы все стороны противоборств предыдущей, переломной эпохи. Основные действующие лица периода родились около 1910 г. В нынешнем взрослом населении России эта группа составляет около 4%.

3. Военный и непосредственно следующий за ним послевоенный период 1941–1953 гг. доводит тенденции предшествующей эпохи до крайних, экстремальных форм, поскольку встал вопрос о выживании тоталитарного режима в противостоянии с внешним аналогом, а также в вынужденном сотрудничестве с демократическими союзниками. В послевоенные годы это противостояние продолжено созданием идейно-политических основ «холодной войны» («материальная» сторона соперничества, т.е. гонка новейших вооружений, приобрела значение позже, в следующую эпоху). Политические «чистки» превратились в военно-полицейские кампании (высылки целых народов и т.п.). Жертвами истребительной «идеологической борьбы» стали уже не «классовые враги», а «свои», безропотно принявшие режим и воспитанные им, но заподозренные в каких-то чуждых влияниях. Существенную роль в развитии политической ситуации в стране играла скрытая борьба за наследие стареющего диктатора. Активные участники событий эпохи — люди 1920–1928 гг. рождения, сейчас они составляют около 7% взрослого населения.

4. «Оттепель» 1953–1964 гг. (Такое словоупотребление утвердилось в последнее время, в более строгом смысле «оттепельными» считались первые годы сдержанной либерализации режима (с 1953 г. — начало 1956 г.), когда скрытая конкуренция между партийными лидерами понуждала их выступать в качестве реформаторов. После XX съезда КПСС шумные обличения «культы» Сталина постоянно сопровождались попытками «подморозить» общественную атмосферу, чтобы не допустить дискредитации партии и режима.) Формируется первое в советской истории поколение, точнее, значимая поколенческая группа, свободное от массового страха и связанное с надеждами на гуманизацию социализма. Характер и потолок устремлений этой группы вполне укладывается в позднейшую пражскую формулу «социализма с человеческим лицом». Преимущественно к их числу относятся люди, не захваченные войной, т.е. родившиеся в конце 20-х — начале 40-х годов (условно 1929–1943 гг.). Сейчас их доля во взрослом населении равняется 21%.

5. Самый длительный период отечественного XX в. — «застой» (1964–1985 гг.) — долго казавшаяся удачной попытка стабилизировать партийно-советский режим при отказе от массовых репрессий и реформ. Впервые в советской истории формируются ориентации массового потребительства, массовой и «верхушечной» коррупции. Поколенческая группа «несбывшихся надежд» начала 1960-х годов превращается в группу «протеста» второй половины десятилетия, чем и создается поколение «шестидесятников». Если надежды периода «оттепели» возлагались преимущественно на реформистские возможности партийного руководства (Н. Хрущева), то протестные ориентации находили выражение также и в самостоятельных действиях разных типов и даже расходящихся направлений — либеральных и диссидентских, демократических и почвеннических, национальных, религиозных и пр.

Длительность самого периода — не только внешняя (количественная) его характеристика. Пришедшая к власти в

1964 г. группа определилась в своих установках примерно в 1968 г. (отношение к чехословацким событиям и их внутренним отражениям), главная из них — «никаких перемен». Попытка смены руководства в начале 1970-х годов не удалась, у руля осталась самая старая в XX в. правящая команда; в дальнейшем возрастной фактор стал одной из причин развала партийно-государственной верхушки. Существенно также, что к концу периода как бы пережили самих себя не только номенклатурные руководители, но и реформистски и демократически настроенные группы. Общим итогом оказалось практическое отсутствие в 1985 г. новой политической элиты, способной реформировать систему.

«Собственное» поколение застоя — родившиеся с середины 40-х до конца 60-х годов (1944–1968 гг.). Численно это самая крупная группа — 39% взрослого населения.

б. В годы «перестройки и реформ» (1985–1999 гг.) в активную жизнь вошло новое поколение, не знавшее переломов и исканий, — родившиеся в конце 60-х годов (примерно с 1969 г.). Сейчас их доля во взрослом населении страны составляет 28%.

Предложенная схема заведомо ограничена и условна. Временные рамки поколенческих групп можно определять иначе, например, принимая во внимание «переломные» группы (о них несколько позже). Используемые в данной статье определения поколенческих групп предполагают взгляд на общество как бы «сверху», со стороны элит, формирующих значения событий и периодов. Понятно, что смена поколенческих типов в наиболее массовых «низовых» группах городских и сельских жителей детерминируется другими факторами и имеет иную хронологию, лишь отчасти совпадающую с элитарной (например, в точке «войны»). Эпохи «массовой» жизни определяются такими феноменами, как война, голод, коллективизация, паспортная система, переселение в города, введение и отмена распределения товаров по карточкам, массовое жилищное строительство в городах, автомобилизация, развитие потребления в бездефицитных условиях, дефолт 1998 г. и т.п.

2. Показатели положения и позиций поколенческих групп

Обратимся к данным опросов последнего времени, позволяющим судить об установках и ценностях ряда поколений.

Повторю уже упомянутую оговорку: на деле на рисунке 1 представлены возрастные группы *современного* населения, их соотнесение с определенными поколениями истории XX в. имеет условный характер. Для наглядности соотнесены графики изменения разных величин — годы, балльные оценки статусов.

Как видно из рисунка 2, самые молодые имеют относительно более высокие заработки (сказывается способность активно приспосабливаться) и более высокий, по собственным оценкам, социальный статус (видимо, статусные ожидания).

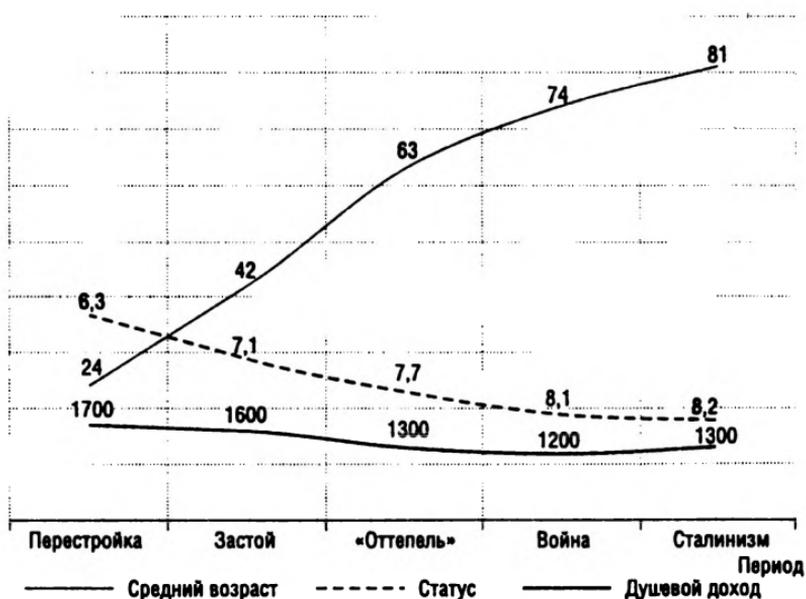
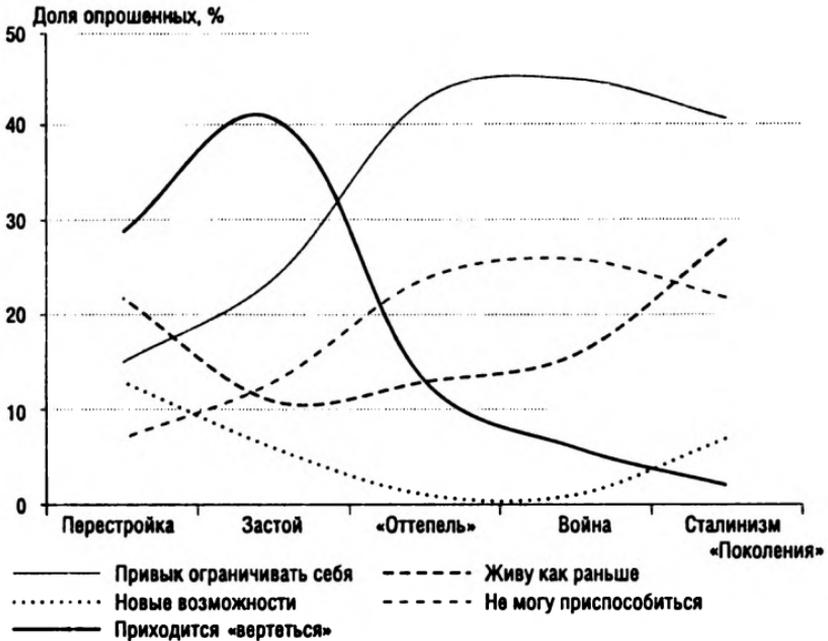


Рис. 1. Положение поколенческих групп (июль 2001 г.). Доли групп в населении старше 18 лет в каждом периоде (28%, 39, 21, 7, 4%)



**Рис. 2. Как люди устраивают свою жизнь
(июль 2001 г., N=2400 человек)**

Сколько-нибудь активное отношение к жизни свойственно только двум наиболее молодым поколениям (охватывающим, правда, почти все работающее население), причем «повышающая» активность («новые возможности») почти полностью сосредоточена в одной, «перестроечной» поколенческой группе. Чаще всего приходится «вертеться», подрабатывать и пр. (понижающая адаптация) «детям застоя», сформировавшимся в годы стабилизационной стагнации. Для детей периода «оттепели» и более старших поколенческих групп наиболее характерные позиции — «привык ограничивать себя» (около половины опрошенных) и «не могу приспособиться» (около четверти). Представляет интерес возрастная динамика позиции «живу, как раньше»: здесь максимальные (и довольно близкие — 22 и 27%) значения наблюдаются в самых моло-

дых и самых старших группах. У первых все только начинается, нет базы для сравнений. Среди самых старших более четверти не видят изменений в своем положении — это пенсионеры, домохозяйки, среднеобеспеченные.

3. Социальные установки «поколенческих» групп

Обратимся теперь к ценностям, которых придерживаются люди, принадлежащие к различным «поколенческим» группам (рис. 3).

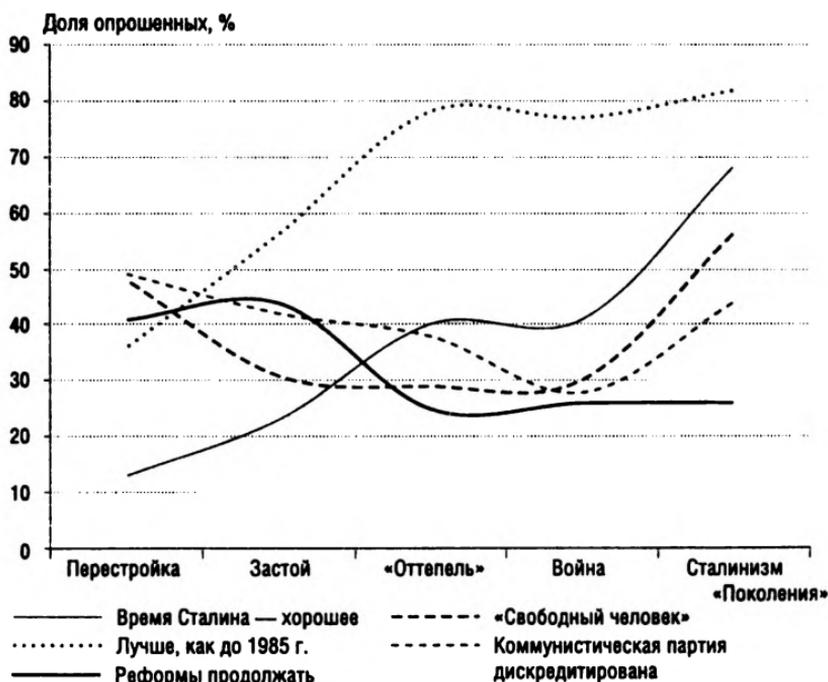


Рис. 3. Социальные установки поколений (1999 г., N=2000 человек)

Бросается в глаза параллельность изменений двух показателей социальных установок: распространенности представлений о том, что «лучше было бы, чтобы все в стране оставалось, как до 1985 г.» и что в годы правления Сталина было «больше хорошего, чем плохого». При том, что сами эти показатели для всех поколений, кроме самого старшего, существенно различны. В обеих кривых можно отметить два перелома: в период «оттепели» и в период войны. Представление о том, что «коммунистическая партия дискредитировала себя», разделяет примерно половина самых молодых, для военного поколения эта величина уменьшается до одной трети, но в собственно «сталинском» поколении вновь возрастает почти до половины (последнее, видимо, связано с непосредственным восприятием старшей группой репрессий и пр.). Установка на продолжение экономических (рыночных) реформ, преобладающая у двух младших поколений, вдвое реже встречается во всех других группах, начиная с «оттепельной». Наконец, позитивный ответ на вопрос: «Считаете ли Вы себя свободным человеком?» — чаще всего дают самые молодые и самые пожилые. В первом случае это связано с большими возможностями, во втором, скорее всего, с ограниченными запросами.

Выражение принципиальных социальных установок, дифференцирующих возрастные группы, как будто примитивное, но довольно показательное. Доминирующая в активных поколениях демонстративная установка на собственные силы («благосостояние зависит от самого человека») — важная черта, отделяющая эти группы от старших поколений, примета своего рода «разгосударствления» человека (рис. 4).

Значимость таких категорий, как долг (по меньшей мере, декларативно), заметно больше у «старых» групп по сравнению с «молодыми». Напротив, ориентации на потребительские («рады жизни») и достигательные (доход, стремление жить лучше других) ценности гораздо сильнее выражены у молодых поколений (рис. 5). В то же время у молодых меньше

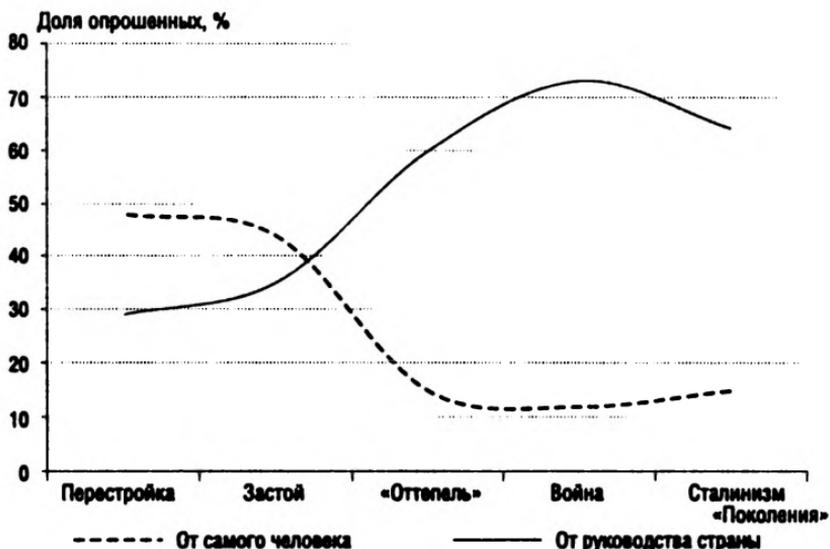


Рис. 4. От чего в основном зависит благосостояние человека? (май 2000 г., N=2400 человек)

всего выражен интерес к политической активности, самые молодые реже других читают...

О том, как люди в различных «поколенческих» группах оценивают периоды отечественной истории XX в., может дать представление рисунок 6.

Еще раз стоит отметить, что у самых молодых групп населения минимальный интерес не только к политике, но и к истории страны. Но и у них, как и у всех, буквально кумиром, носителем наибольших «наград» общественного мнения остается застойная, брежневская эпоха. А поскольку нынешние младшие поколения практически не знают этой эпохи, то перед нами — весьма любопытный феномен формирования и массового действия *легенды об историческом периоде* (заставляющей думать о том, что каждая эпоха имеет «свою» легенду о «золотом веке», ту, которой она заслуживает). Конечно, массовые представления об эпохе сталинизма тоже

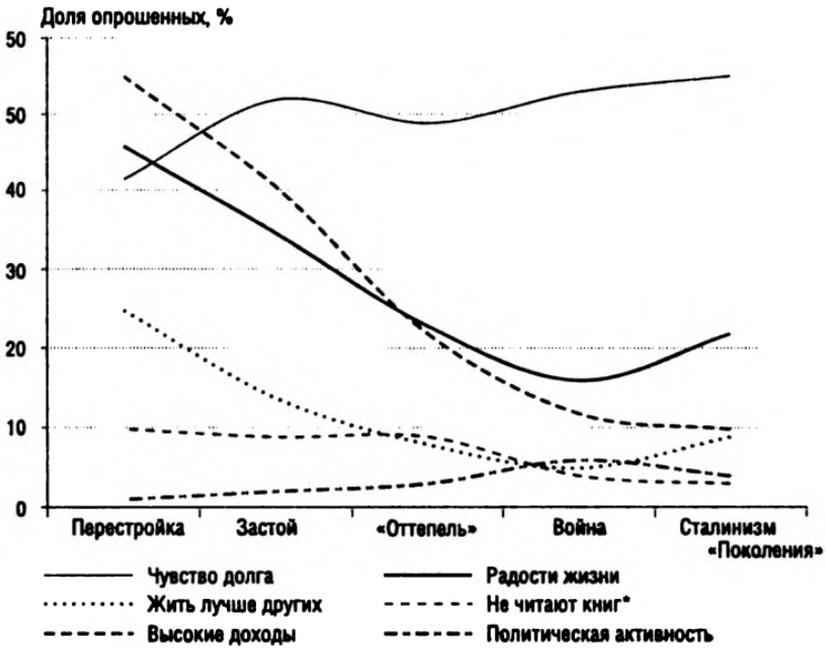


Рис. 5. Ценностные показатели поколений («считают очень важным...», март 2000 г., N=2400 человек)

* Май 2001 г., N=2400 человек.

опираются на легенду, на своего рода социально-политическую мифологию (собственное восприятие этого периода сохранилось у немногих), но это легенда иного рода, окрашенная и даже сформированная партийно-политическими симпатиями и антипатиями людей.

Как видно на рисунке 6, всеми без исключения поколенческими группами весьма низко оцениваются времена перемен. На первый взгляд несколько странными кажутся более высокие оценки «демократических» вариантов в старших поколенческих группах. Ключ к объяснению этого, по-видимому, можно найти при более детальном рассмотрении возрастной динамики партийно-политических симпатий.

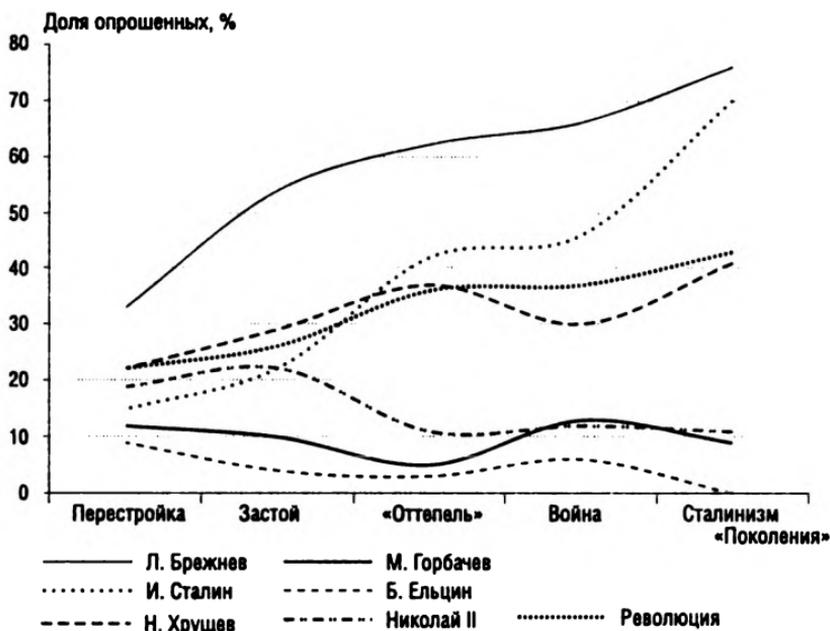


Рис. 6. Позитивные оценки периодов («Время... принесло больше хорошего», 1999 г., N=2000 человек)

4. Динамика «крайних» партийных ориентаций

Отметим некоторые возрастные особенности партийных электоратов. Для удобства в данном случае учитываются только крайние позиции — поддержка коммунистов (КПРФ) и демократов («Яблоко» и СПС); симпатии к центристам или «партии власти» не принимаются во внимание.

Бросается в глаза, что у старших поколений наиболее заметны симпатии к обеим крайним политическим позициям, молодые же почти одинаково безразличны к тем и другим. Здесь мы опять видим, что наибольшая поддержка демократических сил наблюдается не у молодых, как можно было бы ожидать, а у старших, примерно 50–60-летних, т.е. в поколен-

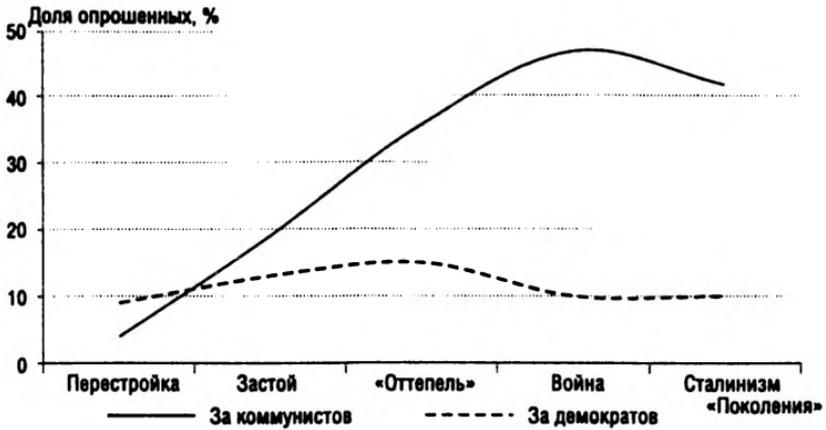


Рис. 7. Намерения голосовать за партии (1999 г., N=2400 человек)

ческой группе, к которой относятся «младшие» (или «поздние») «шестидесятники» — наиболее молодые и активные представители этой поколенческой группы (рис. 7).

Эта тенденция лучше видна, если рассматривать более подробные показатели возрастов (рис. 8).

Общероссийская тенденция прослеживается при иных соотношениях показателей и в Москве — наиболее политизированном центре страны. В отличие от России в целом, в столице неизменно преобладают (при сравнении крайних позиций) симпатии к демократам. Но и здесь они, как и симпатии к коммунистам, снижаются от поколения к поколению (рис. 9).

Напрашивается вывод: противостояние коммунистов и демократов, составлявшее ось политической борьбы (по крайней мере, демонстративной) в прошедшее десятилетие, теряет свое значение. Демократы «перестроечного» призыва, во многом прямые наследники традиций «шестидесятников», свою историческую миссию выполнили (насколько удачно — другой вопрос). Чтобы сегодня привыкать к рыночной системе или парламентскому разноречью (впрочем, довольно ограничен-

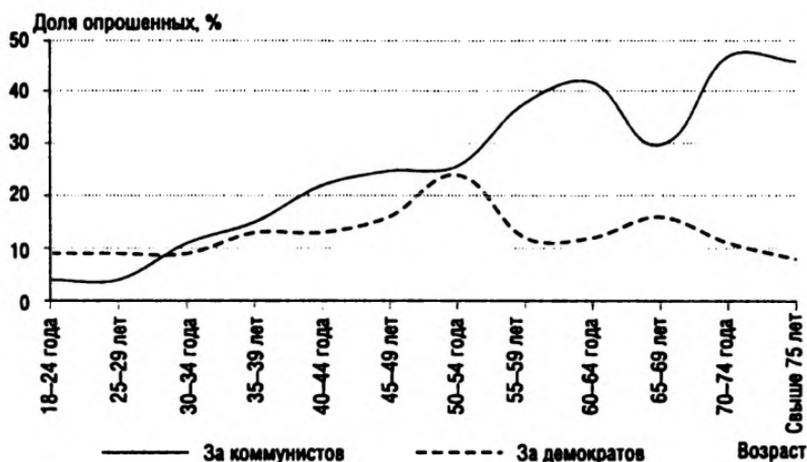


Рис. 8. Намерения голосовать за партии (пятилетние группы, 1999 г.)

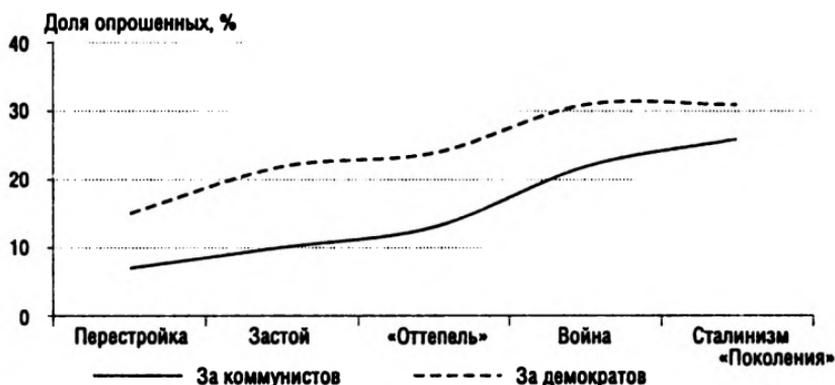


Рис. 9. Намерения голосовать за партии (Москва, 2000 г.)

ному), не нужно записываться в демократы, достаточно просто соблюдать лояльность по отношению к президентской власти. «Новых» же демократов, способных предложить свои способы решения современных проблем страны, не видно. Аналогичные соображения можно применить и к коммунистам: это все еще крупная общественная сила, но сила прошлого, влияющая по традиции на пожилых людей и

не способная привлечь молодые поколения своими идеями и методами.

Поучительной представляется возрастная динамика отношения к сталинизму. Как видно из рисунка 6, позитивные оценки сталинского периода плавно растут с возрастом и несколько снижаются в самых старших группах. По всей видимости, «плавный рост» (кстати, параллельный линии оценок правления Брежнева) в данном случае означает рост интереса. А снижение — результат того, что в суммарные оценки вмешивается доля осуждения у старших, т.е. непосредственно затронутых репрессиями или военными неудачами. Это еще раз показывает, что разоблачение сталинизма осталось событием заинтересованного поколения, не стало катарсисом (по крайней мере, в осознанном виде) для общества. Отсюда и явное отсутствие общественного иммунитета по отношению к рецидивам абсолютизма.

5. «Переломные» поколения

В известной книге У. Джемса «Многообразие религиозного опыта» было введено понятие «дважды рожденных» (*twice-born*) личностей. Речь шла о людях, которые в зрелом возрасте обращаются к какой-то новой системе мировосприятия, к иной вере, т.е. как бы заново переживают процесс социализации или аккультурации. Нечто подобное можно усмотреть у поколенческих групп, переживающих общественный перелом как переоценку собственных ценностей. (Другие группы могут переживать тот же перелом иначе, например, как переход от согласия к оппозиции по отношению к доминирующей системе ценностей.) В XX в. в России таких переломов было два: после 1917 г. и в конце 60-х годов. В первом случае речь шла о принятии победившей системы, во втором — о расхождении (в предельных случаях — о разрыве) с ней. Продуктом первого перелома явилась «советизированная» интеллигенция, второго — «шестидесятники».

Как уже отмечалось, последняя поколенческая группа, привлекавшая значительное внимание при изучении процессов последних десятилетий, начала сознавать себя в надеждах «оттепельных» лет (самохарактеристика А. Вознесенского — «дети XX съезда»), прошла закалку в серии «заморозков» после 1956 г. и, особенно после 1964 г., создала идею демократической альтернативы режиму и определенные ростки демократической и либеральной оппозиции. В этом, как сейчас можно судить, и состояла историческая функция, как бы миссия «шестидесятников». Дальнейшая судьба этой группы противоречива и в конечном счете трагична. Иллюзия причастности к власти, возникшая в начале перестройки, сменилась разочарованием в результатах перемен начала 1990-х годов и едва ли не отчаянием к концу десятилетия. В значительной мере такая смена социальных настроений связана с отмеченной выше переоценкой роли демократических сил в общественных процессах.

Роль «военного» поколения во второй половине XX в. нередко служит предметом дискуссий. (Значимой группой для этого поколения, скорее всего, можно считать тех, кто прошел фронт в звании младших офицеров¹; ср. прижившийся термин «лейтенантская литература».) Поскольку тотальная война упрощает и огрубляет все категории мировосприятия до противопоставления «своих» — «врагам», утверждает права беспощадного насилия, неизбежность массовых жертв, постольку она служит идеальной питательной почвой для тоталитарной идеологии с ее принудительным единомыслием, культом «вождя» и пр. Несомненным социально-политическим итогом войны 1941–1945 гг. стало укрепление сталинского тоталитаризма и его воздействия на людей. Но «военная» поколенческая группа, прошедшая школу ответственности, столкнувшаяся с необходимостью практической проверки указаний «сверху», у многих формировала зерна сомнения и самостоятельной мысли. В дальнейшем часть ее представителей прикнула к более молодым «шестидесятиникам».

¹ Замечание В. Данилова в ходе обсуждения.

6. «Закрытые» и «открытые» поколенческие группы

Представленные выше данные и соображения относятся к социетальным, значимым для всего общества, группам. Повидимому, правомерно говорить о поколениях и механизмах их динамики также применительно к некоторым более узким, специфическим группам, действующим в профессиональных или кастово-замкнутых средах.

Очевидно, что это относится к военной, бюрократической, академической и другим элитарным средам. Поскольку в них не существует постоянного механизма обновления персонала (ведущего, лидирующего), ротация кадров происходит импульсами, как бы от поколения к поколению. Длительность поколенческого периода может при этом определяться возможностями физического выживания или какими-либо внешними событиями. Например, в замкнутой профессионально-военной среде смена ведущих кадров соответствует последовательности доминировавших в ближайшем прошлом конфликтов. В советские и последующие годы сменявшие друг друга поколения военного руководства составляли последовательно командиры гражданской, отечественной, афганской и чеченской (в настоящий момент) войн. (В этом находит свое подтверждение известный тезис о том, что армия всегда готовится к прошлой войне.)

«Поколенческая» ротация руководящих групп всегда была характерна для научных, «творческих» и т.п. организаций советского образца с их закрытыми, несменяемыми элитами. Смена лидерских поколений в таких группах неизбежно оказывается конфликтной, связанной с интригами и коррумпивными механизмами. Пример другого типа организации — бизнес-элиты, состав которых определяется критериями эффективности и конкуренции; здесь неизбежна быстрая смена состава (поэтому, в частности, сейчас это самая молодая из существующих элитарных групп, где крупным руководителям может быть до 30 лет).

К типу закрытых поколенческих групп, очевидно, относилась и высшая (властвующая) бюрократия советского периода. Непременным условием смены правящих верхушек являлся доведенный до предела конфликт поколений: каждая новая приходящая к власти группа декларировала принципиальный разрыв с наследием предыдущей, обвиняя ее во всевозможных грехах. Под эту «музыку» последовательно приходили к власти все без исключения правящие группы с 1917 по 1999 г. Демонстративное отрицание предшественников служило средством самоутверждения для каждого нового поколения лидеров и практически мало связывалось с изменениями или преемственностью в средствах и стиле правления. Это одна из роковых слабостей системы, не способной к нормальному воспроизводству со сменой действующих поколений.

7. Поколения перемен и поколения стабилизации

Существует принципиальная разница между относительной стабилизацией политических или экономических структур общества и стабилизацией на «человеческом» уровне. К последнему относится и стабилизация поколенческого механизма, т.е. обеспечение регулярной бесконфликтной смены действующих лиц на социальной сцене. В некоем идеале стабильность или нормальность функционирования этого механизма исключает саму проблему поколений как в обществе, так и в отдельных его структурах. Минувшее XX столетие отечественной истории знало периоды относительной общественной стабильности, но ни разу, ни на одном повороте не видело стабильно действующего механизма поколенческой смены и преемственности — ни в царские, ни в советские, ни в постсоветские годы.

Монархический строй, о котором сегодня демонстративно вздыхают около 10% опрошенных, весной 1917 г. не имел ни защитников, ни реформаторов. Последовавший за ним

период бурь и натисков в разных направлениях, по определению, уникален и лишен механизма собственного воспроизводства. Самый жесткий за столетие сталинский режим, построенный на костях и крови собственных подданных и собственных лидеров, неизбежно оказался катастрофически ломким. Не мог создать механизмов собственного воспроизводства, в том числе на человеческом уровне, и наиболее длительный в XX в. период «застоя», захвативший почти два поколенческих цикла. Нестабильность режима выражалась, в частности, в том, что «дети» политической элиты не хотели и не могли наследовать стиль своих «отцов».

Как известно, в России социальное время в определенном смысле измеряется и пространством: периоды прошлой истории материализованы в бесконечной периферии. Это долго позволяло советской системе подпитываться человеческими ресурсами «прошлого образца»: обновлять кадры за счет провинции. Этот механизм отказал лишь в середине 1980-х годов, но «по-крупному» (М. Горбачев, Б. Ельцин).

Начавшаяся после падения Б. Ельцина эпоха вызвала надежды на стабилизацию собственного положения со стороны разных структур и сил — от ближайшего окружения бывшего президента до местных боссов и «олигархов». Пока эти надежды оправдываются в небольшой мере, примерно настолько, насколько они снижаются. (Главным способом удовлетворения любых запросов у нас, как хорошо известно, является снижение уровня этих запросов.) В данном случае нас интересует другая сторона стабилизации: может ли формирующийся режим обеспечить собственное бесконфликтное воспроизводство при смене своего «человеческого» материала или создаст новый вариант социальной стагнации, которая кончится очередным обвалом?

Ответ на этот вопрос придется искать в трех средах — в новом активном поколении, в возможностях нового режима и в изменившемся положении страны в системе мировых связей.

В ближайшие годы наиболее активной поколенческой группой станут люди, вступившие в самостоятельную жизнь в 1990-е годы, т.е. родившиеся примерно в 1975–1980 гг. Те, кто не только свободен от «советского» наследия и памяти о нем, но свободен и от переломов, ожиданий и разочарований последних 15 лет, от борьбы за какие бы то ни было социальные цели. Они ничего не выбирали и тем более не завоевывали, им ни к чему не нужно приспособливаться. Они получили в готовом виде политические и экономические «стены» своего дома и озабочены лишь тем, как удобнее в нем устроиться. Они в основном привержены существующему «рынку» и ограниченному политическому разнообразию, но не потому, что предпочли их каким-то другим порядкам, а просто потому, что ничего другого не видели. Отсутствует у них восприятие социального прошлого как объекта принятия или отторжения, это прошлое, прежде всего советское, просто незначимо для них.

По сути дела, это первое за столетие поколение прагматиков, лишенных исторической (институционализированной) социальной памяти. *Отсюда, в частности, готовность «чувств никаких не изведая» принимать не только государственные символы прошлого (гимн), но и авторитарный стиль власти, ее чеченскую политику и пр.*

В странах с развитой и открытой институциональной структурой преемственность поколений не составляет социально значимой проблемы, поскольку обновление человеческого потенциала происходит постоянно, каждый работник или руководитель, менеджер попадает в сложившуюся систему отношений и норм. Не возникает поэтому и проблемы «беспамятства» молодых поколений в том виде, как сегодня в российском обществе.

Не случайно именно в поколенческой группе самых молодых, прагматичных, ориентированных на успех и благосостояние, относительно сильнее выражена поддержка президента и нынешнего стиля государственного управления —

претендующего на сугубую деловитость и свободного от исторических или идеологических ограничений. Но осуществлением собственно властных функций заняты отнюдь не самые молодые: чтобы заслужить поддержку правящей элиты, требуется не только карьерный опыт, но и своего рода экзамен на лояльность, а также признание роли «старшего» («старшего брата»). Неудача с «молодым наследником» 1998 г. (С. Кириенко) в немалой мере связана с тем, что он этим требованиям не удовлетворял.

ПОКОЛЕНИЕ: СМЫСЛ И ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ¹

Б. В. Дубин

В последнее десятилетие проблематика поколения, смены поколений и межпоколенческой трансляции ценностей, установок, опыта не раз привлекала внимание отечественных социологов и историков², неоднократно обращались к ней и исследователи ВЦИОМ³. Ряд социологических и исторических работ европейских специалистов появился в недавнее

¹ В основе статьи — доклад на семинаре по проблеме поколений в российской истории XX в. под руководством Теодора Шанина (Московская высшая школа социальных и экономических наук, февраль 2002 г.). После обсуждения текст доработан с учетом замечаний Л. Д. Гудкова, В. П. Данилова, Ю. А. Левады, Т. Шанина, В. А. Ядова.

² *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы во второй половине XX века. М., 1999; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Смена поколений // Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: В поисках утраченного. М., 1997. С. 360–371; *Семенова В.С.* Дифференциация и консолидация поколений // Россия: Трансформирующееся общество. М., 2001. С. 256–271; *Чудакова М.* Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 73–91.

³ *Дубин Б.* Старшие и младшие: Три поколения на переходе // Дружба народов. 1994. № 2. С. 159–170; *Он же.* Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: Межпоколенческая репродукция и разрыв поколений // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. С. 12–16; *Он же.* О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда

© Б. В. Дубин, 2005

время в русском переводе¹. В этой ситуации есть смысл обобщить и накопленные эмпирические разработки, и предложенные концептуальные ходы. Я буду рассматривать понятие «поколение» лишь в нескольких специальных планах: социокультурный контекст возникновения понятия в его современных смыслах; основные вехи в истории исследований «проблемы поколения»; смысловая структура понятия в его эмпирическом употреблении и проблематизации исследователями; проблема поколения в российском, но прежде всего в советском и постсоветском обществах. В качестве концептуально исходной я имею в виду типологическую ситуацию «современного» социума, или, иначе говоря, полной структуры общества, когда, среди прочих, и феномен поколения проявлен во всей его смысловой полноте, различиях, сопряженности, взаимоналожении в нем разных функ-

идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 237–247; *Он же*. Дети трех поколений // Экономические и социальные перемены... 1995. № 4. С. 31–33; *Он же*. К вопросу о поколенческих и региональных параметрах социокультурных перемен // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского общества. М., 1996. С. 327–334; *Он же*. Жизнь по привычке: Быть пожилым в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 18–27; *Левада Ю.А.* Три «поколения перестройки» // Экономические и социальные перемены... 1995. № 3. С. 7–10; *Он же*. Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения... 2001. № 5. С. 7–14; *Он же*. Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 2. С. 9–11; *Седов Л.* Проблема смены политических элит: Поколение «пехт» // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 3. С. 22–25.

¹ *Берто Д., Берто-Вьям И.* Наследство и род: Трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 1/2. С. 106–122; *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47 (текст 1928 г.); *Нора П.* Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 48–72; *Ортега-и-Гасет Х.* Тема нашего времени // Ортега-и-Гасет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 3–7; *Он же*. Вокруг Галилея // *Он же*. Избранные труды. М., 1997. С. 251–294.

циональных планов. Исходным же в эмпирическом плане я мысленно полагаю наиболее молодое и наиболее проблематичное сегодняшнее «поколение-один», т.е. россияне моложе 30 лет, которое условно олицетворяет для меня переход от нынешнего дня к завтрашнему и по отношению к которому я столь же условно отсчитываю в уме поколения «старших» (средних) и «старых» (пожилых); оставляю пока что в стороне, до какой степени сами действующие лица именно так размечают и опознают ситуацию.

1. К понятию «поколение»

В самом первом приближении и в самом общем смысле поколение можно представить как форму (тип) *социальной связи* и фокус *символической солидарности* действующих индивидов: это нормативная рамка воображаемого соотношения с другими «по горизонтали», такими же, как «ты». Уже здесь видно, что в категории и в языке «поколений» соединяются:

— представление о границах *одного* поколения (фиксация общей для него нормы социального и культурного, значимого опыта, типовых реакций и прочего, включая общие символы и символические фигуры, объединяющие поколение, точнее, несколько соседних поколений, см. об этом ниже);

— «точка» и способы перехода *от поколения к поколению* (фиксация устойчивости передаваемых образцов, но едва ли не прежде всего — смены норм, в том числе перелома и общего обвала нормативных систем, т.е. сбой самого *механизма* трансмиссии).

Тем самым поколение исходно выступает внутрикультурной формой, а потом и собственно исследовательской конструкцией, в которой социальные подобию и различия (нормативные параметры взаимодействия — структуры идентификации, типы ориентаций, отношения господства, власти, влияния) редуцируются посредством их перевода на язык домодерных, традиционализирующих, партикулярных отношений

родства и семьи — старших-младших или равных по возрасту. Так и социология на начальных этапах ее становления, например в «Курсе позитивной философии» Огюста Конта, концептуализировала традиционное представление о «возрастах жизни»¹ — циклах и ритмах периодической смены людских потоков. Иначе говоря, «поколение» в околонуточном и публицистическом языке, в интеллигентской речи становится эталоном (мерой) простого и общепонятного социального сопоставления (сравнения). С его помощью отмечают, с одной стороны, выделившихся и отставших на фоне одного поколения *сверстников*, а с другой — перепады между старшими и младшими *современниками* («давно и недавно», «раньше и теперь»). Хосе Ортега-и-Гасет применительно к сверстникам пользуется термином «поколение», применительно к современникам — обозначением «эпоха»². В России члены ОПОЯЗа, в частности В. Шкловский, предлагали, кроме того, различать «синхронистов», лишь «попавших» или «заброшенных» в одно время, и «современников», считающих отведенный им отрезок времени «своим»³, — Ортега в этом последнем смысле говорит о людях, «олицетворяющих зрелость своей эпохи»⁴.

В историко-социологическом плане «поколение» (как и обозначение «молодежь» или чуть позднее «интеллигенция») представляет собой, насколько можно судить, категорию языка позднего, смещенного во времени перехода от сословно-иерархического порядка к достижительскому, мобильному обществу, когда этот процесс происходит практически одновременно (или, по крайней мере, в большой хронологической близости) с процессом построения национального

¹ См.: *Ариес Ф.* Возрасты жизни // Философия и методология истории. М., 1977. С. 216–244 (новый перевод: *Ариес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 26–43).

² См.: *Ортега-и-Гасет Х.* Вокруг Галилея. С. 260–261.

³ См.: *Шкловский В.* Современники и синхронисты // Русский современник. 1994. № 3.

⁴ Там же. С. 259.

государства, задачами формирования его элит, выработки общего символического наследия и механизмов его передачи. Иными словами, речь идет о процессах запоздалой модернизации¹. Именно поэтому на подобном переходе проблематизируются и фиксируются особые возрастные группы *национального* сообщества, молодежи как воплощения национального «духа», энергии сдвигов и пр. Таковы всевозможные общества и кружки типа «Молодая Германия», возникшие в Европе по ходу и по окончании наполеоновских войн, после французской революции 1830 г.: «Молодая Ирландия», Италия, Польша (1830–1840-е годы), Россия (1860-е), затем Китай (начало XX в.). Таковы же группы и движения младоафганцев, бухарцев, латышей, турок, финнов, чехов в конце XIX — начале XX в., еще позднее — младоалжирцы и т.п.²

Поколение при этом предназначено олицетворять единство нации, ее «душу» или «гений» (а в ряде случаев, как, например, в Германии, еще символизировать национальное объединение) и понимается как *активное* поколение. В него входят (включаются другими и соотносят себя с ним сами) те, кто считает себя призванным изменить социокультурную реальность и нередко напрямую связывает свое определение, перспективу, судьбу с тем или иным событием, которое символически обозначает или обещает для них общий сдвиг, «требуя» от них собственного ответа, дейст-

¹ Это принципиальный момент: «нормальная» модернизация проходила в условиях уже сформировавшихся национальных государств, так что специализированные административные и другие кадры, обслуживавшие их дифференцированные подсистемы, сложились до начала крупномасштабных процессов урбанизации, индустриализации, национального строительства, а не приняли на себя всю тяжесть крупномасштабной социальной ломки, конфликтного самоопределения, внутреннего раскола на «прогрессистов» и «обскурантов» и пр.

² Богатый материал по подобному отвержению «старых» и созданию «новых» традиций см. в известной монографии Бенедикта Андерсона (*Андерсон Б. Воображаемые сообщества*. М., 2001. С. 60–88), а на более близком материале в кн.: *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. М., 1999.

вия, самостоятельного шага. Здесь все семантической конструкции понятия соединяются:

— значения разнокачественности, разноуровневости (намечающие вектор динамики, проект или след движения);

— семантика природности, вводящая общий модуль, структуру родового времени как эталон для сравнения.

Иными словами, можно говорить о метафоре поколения в языке социальных наук и наук о культуре (истории, социологии, филологии и т.д.), о поколении как метафоре, разбирая далее ее конструкцию, функциональную семантику элементов, модальные формы их связи.

2. Семантика понятия и исторический контекст ее трансформаций

В постановке и изучении «проблемы поколений» в Европе выделяются 1860–1870-е и 1910–1920-е гг. В этот последний период и вышли наиболее известные работы по данному комплексу вопросов — К. Мангейма и Х. Ортеги-и-Гасета (обе — 1928). Новый толчок работе уже 1970-х годов дали майские события 1968 г. в Европе и США, когда был зафиксирован межпоколенческий разрыв (Маргарет Мид и др.)¹. Известны попытки исследовать поколенческие модели социальной адаптации на примере иммигрантов (Ф. Боас, Ш. Н. Айзенштадт²). Поколенческая проблематика разрабатывалась в связи с исследованиями молодежи, с проблемами культурной трансмиссии и соотносительными ролями в ней «отцов и детей» (Э. Шпрангер, Л. фон Визе). Активно изучались литературные поколения, поколения в искусстве (Э. Р. Курциус, В. Пиндер, А. Пейр³).

Обобщая эту исследовательскую работу, можно выделить несколько смысловых планов категории «поколение» в ее

¹ *Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. L., 1970.*

² *Eisenstadt S.N. From Generation to Generation. Glencoe (Ill.), 1956.*

³ См. среди других: *Peure H. Les générations littéraires. P., 1948.*

внутрикультурном употреблении/понимании (исторической семантике) и в языке исследователей (историков, социологов, филологов):

— поколение как рамка идентификации действующих субъектов, набор их ориентаций, структура опыта;

— нормативные циклы смены человеческого материала — занятия основных социальных позиций, кроме «номенклатурных», точнее, это всегда несколько рамок, часть которых — старших и старых — действующие субъекты всегда застают уже готовыми¹;

— норма социальной реализации (ее пространственные границы, можно сказать — «пол» и «потолок»); параметры адаптации к наличному окружению, сложившемуся до и вне индивидуального субъекта действия (формам господства, структурам социальной стратификации, другим поколениям), словами Ортеги: «...главное в жизни поколений отнюдь не то, что они сменяют друг друга; главное — их взаимопересечение, перехлест»²;

— собственно «проблема поколения» (как результат и осмысление его недореализованности, затруднений и сбоев в культурной реализации, социальном продвижении); разрыв между выделившимися и остальными; напряжения в системах мобильности и признания, указывающие на институциональные и гратификационные дефициты общества;

— проблема потерянных поколений («манкуртов», «големов» без прошлого — отечественная «безотцовщина» 1930-х и 1940-х годов рождения, на которую указывает в приведенной статье М. Чудакова, и без будущего, о чем и говорила Г. Стайн в своей известной реплике Э. Хемингуэю: «пропащие», потерявшие смысл и лишь воспроизводящие то, чему их научили «стар-

¹ См., например: *Attias-Donfut Cl. Sociologie des générations: L'empreinte du temps.* P., 1988; *Chauvel Le destin des générations. Structures sociales et cohortes en France au XX siècle.* P., 1998; *Drouin V. Enqytes sur les générations et la politique.* P., 1995; *Niemi R., Jennings M. Generations and Politics: A Panel Study of Young Adults and Their Parents.* Princeton, 1981.

² *Ортега-и-Гасет Х. Вокруг Галилея.* С. 274.

шие братья» или чего они нахватались); обозначения типа «новые...» или «молодые...» представляют собой попытку ввести простейший, чисто «указательный», символический механизм проблематизации разрывов и вместе с тем их хотя бы какой-то компенсации, связывания¹;

— поколения элиты (культурной, экономической, политической) и массы как продукта работы «больших» массовых институтов, одного призыва²;

— «именные» поколения, поколения «свидетелей» крупномасштабного перелома, общего срыва большинства рутинных механизмов социального порядка, систем его поддержания и воспроизводства — и социальных, и культурных (моральных)³.

В европейской и шире — в западной истории поколение как понятие было проблематизировано в эгалитаристском, антиаскриптивном (антигенеалогическом, антидинастическом) контексте революций XVIII в. и связано с утопическими

¹ Применительно к собственному поколению родившихся в начале XX в. о близких проблемах писала Лидия Гинзбург, см.: *Гинзбург ЛЯ.* Еще раз о старом и новом. (Поколение на повороте) // Тыняновский сборник Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 132–140; *Она же.* «И заодно с правопорядком...» // Тыняновский сборник Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 218–230. В связи с самоубийствами Есенина и Маяковского на резкий межпоколенческий разрыв, даже срыв указывал в свое время Роман Якобсон. Его известная статья «О поколении, растратившем своих поэтов» отозвалась еще через два поколения (одно из них было частью уничтожено в лагерях, а другое частично выбито на фронтах Отечественной войны) в более позднем манифесте-некрологе: *Седакова О.* О погибшем литературном поколении: Памяти Лени Губанова // Седакова О. Проза. М., 2001. С. 782–813 (статья 1984 г.). Некоторые соображения о настойчивости подобной диагностики на отечественном материале см. ниже.

² См. одно из ранних таких исследований: *Mentré F.* Les générations sociales. P., 1920.

³ См., например: *Caron J.-C.* Générations romantiques : Les étudiants de Paris et le quartier Latin (1814–1851). P., 1991; *Spitzer AB.* The French Generation of 1820. Princeton, 1987; *Wohl R.* The Generation of 1914. Cambridge (Mass.), 1980; и др.

представлениями о «новом человеке», новом человечестве, новом народе и т.п. Показательно здесь, что возникновение проблемы и проблематического понятия «поколение» возникает в обстоятельствах рождения идеологий как таковых с началом «идеологического века». В этом смысле оно несет в себе, в частности в неперенном представлении о «переломе времен», структурно-смысловые следы ценностно нагруженного идеологического понятия, т.е. содержит *волюнтаристский* компонент (значение противостояния «другим» и «миру», борьбы и подчинения окружающего своей коллективной воле) и *сальвационистский* компонент (значение спасения, по логике «было старое — стало новое», «было греховное — станет священное», «было проклятое — станет спасенное» и т.п. «От нас одних зависит подчинить мир нашей воле», — пишет Новалис).

Так, по Проекту национального образования, составленному Рабо Сент-Этьенном (1792), «нужно, обязательно нужно обновить нынешнее поколение, создавая в то же время поколение грядущее, нужно превратить французов в новый народ»¹. Парадигматическая фигура в этом контексте, например Марат, который на упрек в незнатности его предков отвечал: «Я сам предок». Функциональный смысл понятия виделся тогда в том, что ни одно из поколений не превосходит другое и не имеет прав и преимуществ над ним (Декларация прав человека, 1793: «Ни одно поколение не имеет права подчинять своим законам будущие поколения»; Джефферсон: «Каждое поколение можно рассматривать как отдельный народ... прав на следующее поколение у него не больше, чем на жителей другой страны»; Томас Пейн: «Все поколения обладают равными правами...» и т.п.²). Логика универсализации оснований самоопределения и социального действия здесь та же, что при переходе от предписанной иерархии сословий к динамике конку-

¹ Цит. по: Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М., 2002. С. 267.

² Цит. по: Нора П. Указ. соч.

рирующих групп и классов общества, от «единственного правильного» вкуса к различным и конфронтирующим вкусам и т.п. — логика перехода от традиционного общества к модерной эпохе и буржуазному, дифференцирующемуся, динамичному обществу.

За пределами института семьи (и форм традиционного общества) понятие «поколение» то выступает в значении общества как течения, движения (романтическое поколение, поколение 1914 г., поколение 1968 г. и т.п.), то представляет хронологический (синхронный) срез работы массовых институтов — школы, армии, производства, включая положенную отставку и выход на пенсию. Это примерно соответствует *внутри-семейным, историческим и институциональным* поколениям, которые выделяет Клодина Аттас-Донфю¹, и близко к разделению *демографических и исторических* (значимых) поколений у Ю. А. Левады².

Я предполагаю (и это — один из центральных пунктов статьи), что понятие «поколение» и существует в подобном семантическом поле напряжений — напряжений между представлениями о *традиционно-иерархическом* (его образ — семья), *модерном* («общество» и элита, активные группы как его воплощение) и *постмодерном* (масса как продукт деятельности анонимных всеобщих институтов) обществе. Тем самым понятие «поколение» в свернутом виде фиксирует соответствующие точки разлома социального и культурного порядка, направления и механизмы опосредования и перехода между «прежним» и «новым». То же можно показать на «внутренних» напряжениях действия, фиксируя эти напряжения на аналитических осях «достижения/воспроизводства» или «ориентации/идентификации».

¹ Attias-Donfut Cl. Rapports des générations. Transferts intrafamiliaux et dynamique macrosociale // Revue française de sociologie. 2000. Vol. 41. N 4. P. 644–646.

² Левада ЮА. Поколения XX века. С. 7.

3. Поколения и проблема поколений в современной России

Однако наша ситуация — российская, но прежде всего советская и постсоветская. Характерно появление темы и символов молодежи, молодежной субкультуры на первом этапе перестройки, прежде всего в форме визуальной репрезентации масс-медиа, в кино, на телевидении, в рок-культуре («Покаяние», «Легко ли быть молодым», популярнейшая из тогдашних телепередач «Взгляд», ключевой мотив ожидания перемен в песне В. Цоя в фильме С. Соловьева «Асса» и др.). За молодежью того периода средние, а отчасти и старшие поколения («шестидесятники») записывали значения дефицитной энергии коренных изменений и в такой, возвратно-негативной, форме — идею своей ответственности перед будущим («иначе молодежь потеряем»).

Важно, что проблема молодого поколения фиксировалась здесь с точки зрения и в языке другого, старшего; для младших поколений подобная разметка и ее обозначения будут предметом отталкивания. Этот как будто бы частный момент имеет, однако, общесоциологический смысл: чтобы стать проблемой, обозначение поколения должно затронуть как минимум два «соседних» поколения. С помощью подобного *назначения* того или иного поколения другими, через вменение ему поколенческих определений извне понятие выходит за рамки чисто возрастных, социализационных и прочих фазовых феноменов (потому и кратковременных для «младших» или «старших» участников действия), а обозначает теперь характер их взаимодействия, *взаимных* отношений между ними, ставший *для обоих* проблематичным. Вероятно, в отчасти похожем смысле Ортега отмечал, что «полемика... и есть своеобразная преемственность, обучение, сотрудничество, развитие достигнутого»¹.

¹ Ортега-и-Гасет Х. Вокруг Галилея. С. 269.

Видимо, расхожее представление о «нормальной» передаче опыта от поколения к поколению сильно идеализирует даже западную ситуацию XIX–XX вв., за исключением разве что поздних фаз развитого общества потребления. В России же, по крайней мере в России XX в., подобный смещенный, возвратно-негативный тип связи между «старшими» и «младшими» выступает даже не преобладающим, а, кажется, единственно реальным. Категорией поколения между ними фиксируется разрыв, обрыв смысловой линии, забывание смысла, неполучение опыта — факт, что важные ценности и значения, рамки их упорядочения и осмысления уходят, исчезают из поля зрения, разрушаются.

Поэтому представляется, что, по крайней мере в России, исследователи поколений или проблемы поколений так или иначе все время имеют дело со «следом» или «симптомом» другой, неупоминаемой проблемы. Точнее, узла проблем: 1) лидерства (инновации); 2) его успеха, признания (гратификации); 3) поддержания и передачи достижений (репродукции). Иными словами, речь идет о системных дефицитах советского общества, а может быть, и российского общества эпохи ускоренной модернизации (XIX — начала XX в.), о системе его дефицитов, дефиците как системе. Элита в советском обществе — исключительно позиционная, это элита постов, а значит, корпораций и кланов (ведомственных, территориальных и пр.). Отсюда и формы общепринятой служебной карьеры для классических и позднейших советских времен (отказ от проявлений честолюбия, соревновательности), и ее социальная «цена» (отбор все более средних, эпигонов — эпигонизация как механизм адаптивного движения). Так, «выдвиженцы» 1920-х — начала 1930-х годов явно чувствуют свою временность, осознают себя «заместителями» (см. их выразительные самохарактеристики в «Городе Градов» Андрея Платонова).

Отказ от продвижения, даже от установки на продвижение, как раз и дает в итоге среди прочего категорию и язык поколения («своих» — прежде всего по возрасту, но и по

другим недостижительским характеристикам — «земляки» и пр.). Навязывание языка поколений или семейных отношений (органически общего, «для всех») выступает собственно культурным механизмом антидифференциации, антиинституционализации. «Обобщенный Другой» вводится в жесткие рамки аскриптивного кода как младший (зависимый) и только так становится воспринимаем, терпим, допустим «сверху» (соответственно этим задается и удерживается «верхняя» — доминирующая — позиция). Так возникает, формулируется и в дальнейшем воспроизводится метафора и тема конфликта отцов и детей¹ (герой ключевого для «шестидесятников» фильма Марлена Хуциева «Застава Ильича»/«Мне двадцать лет» такое определение ситуации не поддерживает: у него конфликт не с *отцом*, который погиб на фронте, а с *типом человека*, который воплощен большим начальником — отцом героини). Объявленный, закрепленный в культуре авторитетом национального классика, ставший нормой самопонимания и в этом качестве воспроизводящийся зазор «между» поколениями скрывает ценностный раскол «внутри»

¹ Напомню, что напряжение между полюсами метафоры, заданной тургеневским романом (опубликован в 1862 г.) и разворачивающейся в его сюжете, к концу романа сводится на нет: один из двух главных молодых героев нелепо погибает, а его друг и двойник пассивно адаптируется к ситуации. В исходной метафоре (см. рукописный эпиграф к роману, позже снятый) противопоставлялись «содержание без силы» у отцов и «сила без содержания» у детей. Наконец, укажу, что по крайней мере двумя ближайшими поколениями тогдашних молодых читателей, от Добролюбова до марксистских критиков, главный герой романа был принят резко полемически. В рамках сравнительно-исторической социологии культуры было бы перспективно сопоставить такие модели воображаемого жизненного пути молодого человека, как англо-немецкий роман воспитания, французский роман социального восхождения и классический «русский роман» юного героя «на randevу» (с молодой героиней, читай — жизнью, Россией) и его неудачи; отдельные соображения об этом см.: Дубин Б. Сюжет поражения // Дубин Б. Слово — письмо — литература. С. 262–272.

едва ли не каждого из поколений — раскол на «отличников», «ботаников», «карьеристов» и «остальных», на «людей» («настоящих людей») и «деловых». Иными словами, таким способом маскируется незаконность, ценностная непризнанность, неоправданность личного, индивидуального успеха в советской культуре¹.

Но это значит, что и общей ценностной системы, ориентирующей на улучшение социального, культурного, человеческого качества, в обществе нет — как нет и соответствующей антропологии, а есть человек приспособливающийся, выживающий, лукавый и пр. Происходит периодическое накопление нереализовавшегося потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одном времени, которое они тем не менее не могут назвать «своим». Авторитет старших при этом падает, временные дистанции «между» старшими и младшими как бы сокращаются, слипаются: им, можно сказать, нечего передавать друг другу, ни у одного из них, строго говоря, нет позитивного опыта социальности, социальной реализованности и признанности². Отсюда структурное и функциональное значение «обломов», «обвалов» в русской и советской истории — *резкого* и *всеобщего* изменения, типа войн и революций (1905 г., Первая мировая, Октябрьская революция и Гражданская война, Вторая мировая). Поскольку общество «закрыто», не дифференцировано, продвижение в нем контролируется с предельной жесткостью,

¹ Во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов закрытые группы «своих», уклоняющиеся от публичного социального действия, демонстративно сторонящиеся успеха и признания, в порядке компенсаторного самоутверждения аттестовали и воспевали себя как «поколение дворников и сторожей».

² Ср. настойчивую мысль Мераба Мамардашвили о незрелости, а потому внеисторичности русской и советской интеллигенции. Перед нами другая, нелицеприятная ценностная транскрипция вечных характеристик россиянами себя как людей молодого общества, юной культуры, «страны-подростка» и т.п. См.: *Мамардашвили М. Эстетика мышления*. М., 2000. С. 47–48.

невзирая на объем «социального брака», то зачатки, стимулы движения в обществе принимают вид разрыва, раскола либо осознаются таким образом, что и фиксируется в виде «проблемы поколения».

Во-первых, в ходе обвала и первое время после («пока пыль не осела») открываются прежде закрытые или суженные возможности для достижения. Во-вторых, при этом так или иначе, пусть даже невольно, двигаются *все*, что снимает момент единоличного выбора, риска и пр. В-третьих, это позволяет включить механизм рутинных и аскриптивных связей, на которых держалась и держится повседневная жизнь (родственных, локальных, поколенческих). Используя эту возможность становятся еще на одно-два поколения ориентирами и эталонами для подражания или отторжения в более широких группах и слоях, пока не накопится новая критическая масса нереализованного человеческого материала.

Изменение от поколения к поколению в советском *обществе* — не во властной пирамиде! — есть, но 1) не в ключевых сферах; 2) скорее общецивилизационное и 3) идущее по типу диффузного просачивания, ненаправленного привыкания, а потому очень медленное. «Между» названными выше критическими точками общих переломов находятся пропущенные, потерянные, нереализовавшиеся поколения (всегда нагруженная в России метафорика безвременья, паузы). В этом более широком контексте я склонен трактовать и известную метафору опоязовцев о том, что передача образцов происходит не от отцов к детям, а от дедов (или дядьев) к внукам (племянникам). Если понимать это соображение расширительно, тогда для старшего поколения это означает вольный или невольный уход от открытой состязательности ради более длительного удержания за собой уже имеющихся доминантных жизненных позиций, включая карьерные. Для младших такой перенос значений авторитета и образца на фигуры, не актуальные в их реальной жизненной практике, в прямом социальном сравнении и соревновании, подразумевает опять-

таки вольно или невольно непризнание и неприятие ответственности за то, что непосредственно им предшествовало и, вообще говоря, должно было бы оставаться для них так или иначе актуальным, в том числе неприятие исторической ответственности, ответственности за историю как *свое время* (такое сокращение времени своего существования до самых коротких дистанций чаще всего означает, понятно, и вообще непонимание смысла прошлого как необходимой части опыта). Из сознания и тех и других групп история как проблема, как напряженная связь между настоящим и прошлым вытеснена; если она и может вернуться, быть сколько-нибудь значимой для тех и для других *вместе*, то разве что в форме официозной истории, идеологически-тенденциозной легенды власти.

Подобные стратегии прятания и ускользания от травматических конфликтов, в том числе от признания, принятия, осознания реальных напряжений и столкновений внутри и между поколениями, многократно затрудняют их систематическую рационализацию силами образованного сообщества, закрывают возможность институционализировать эту работу, а значит, и выработать некие средства для цивилизованного освоения подобных болезненных моментов другими, более широкими группами населения. Вместо этого власть в советской России ставила целью устранить такие и подобные им моменты, не допуская их в публичный обиход, попросту замалчивая и скрывая. Они выводились из сферы внимания и обсуждения, а вместо отсутствующих институтов рационализации названных проблем в обществе, казалось бы, вставшем на путь модернизации, индустриализации, ускоренного технологического развития, разрастались институты контроля за процессами возможной инновации, с одной стороны, формами признания и каналами репродукции любых образцов — с другой. Монополизация и централизация подобного нормативного контроля не могла не приводить лишь к обострению описанных напряжений и конфликтов, включая их

межпоколенческое и внутрисемейное отражение, к криминализации и варваризации общества, к принудительному ограничению сколько-нибудь самостоятельной и ответственной деятельности в культуре нелегитимными формами («запретной полкой» для фильмов, сам- и тамиздатом, распространяемыми через межличностные связи «своих»), выталкиванием в эмиграцию и т.п.¹

Опыт и несостоявшихся (снова и в который раз) кандидатов в лидеры, и опять оставшейся без элит массы тем самым капсулируется, становится ненужным или невоспроизводимым, невыговариваемым и для самого поколения, и для следующих за ним. Единственным общим словарем публичности продолжает служить язык официоза, официальной мемуаристики (отсюда постоянно воспроизводящийся крах попыток молодежи побудить старших даже к бытовым воспо-

¹ Один из путей разгрузки, осознания такого рода конфликтов модернизации уже на ранних ее стадиях, а особенно рационализации последствий ее запаздывания и подстегивания, в том числе конфликтов, принимающих характер или вид межпоколенческих, был в более «открытых» обществах предложен, например, психологией и социальной психологией конца XIX в., в частности З. Фрейдом и его школой, чьи идеи в первые десятилетия XX в. не случайно вызвали на Западе такой масштабный резонанс и массовый интерес. В частности, ключевая для модернизирующихся обществ проблематика социальной состязательности и ее неизбежные болезненные трансформации в структуре партикуляристских отношений семьи и родства получили при этом, среди прочих, рационализированное выражение в символическом обозначении «эдипов комплекс» и системе соответствующих концептуальных разработок, терапевтических техник и т.п. Наш отечественный путь — и здесь другой: напротив, перевести проблему на язык партикулярных отношений («отцы и дети»), этим ее увековечив, а самые тяжелые, неприятные последствия нерешенного вытеснив в неофициальные сферы, в прямом смысле загнав в подполье: в дворовую субкультуру, перепоручив ее милиции, во «вторую культуру», передав ее под надзор соответствующего компетентного ведомства (локализованную группу удобнее контролировать и уничтожать), наконец, выдавить за границу (по логике «вот пусть там они с вами и разбираются»).

минаниям, коллективная амнезия, ретроспективные идеализации). У старших советских поколений (кроме малопривлекательной для воспоминаний прагматики принудительного выживания и рутинных, возрастных отсылок к реликтам обиходного традиционализма) как бы не накапливается опыт, который хотелось бы, нужно было и стоило бы передавать. А это значит, что в подобном опыте должны быть различимые для самих носителей характеристики временности такого опыта — краткосрочности всех этих тактик вынужденного приспособления, модусов недобровольности, изнасилованности, знаки одноразовости и нежелательности подобных переживаний, заставляющие их забывать или не ценить (в более общем и остром смысле с этим можно сравнить программное убеждение Варлама Шаламова в ненужности никому на свете — и самому субъекту в первую очередь — лагерного опыта).

Тогда весь процесс смены/разрыва поколений и забывания/вытеснения предшествующего опыта на протяжении советской и ранней постсоветской истории можно грубо представить так: «деды» стали при этом предметом отталкивания (как «деревня» и т.п.), «отцы» не накопили передаваемого опыта, но зато расстались, больше того — порвали с опытом традиционным, бытовым, повседневным, а потому не могли стать помощниками молодым в осмыслении новых ситуаций — и их, молодежных, и общих, которые должны были бы объединить всех. Характерная ссылка старших поколений на свой возраст имеет при этом в виду не только минимальную гарантию положенных уравнительных прав и привилегий (гарантию в советских и постсоветских условиях вполне мнимую), но и вот этот исподволь тяготящий, но невыговариваемый опыт, не передаваемый иначе как самим течением лет: по модели «вырастешь — поймешь» (а не поймешь — соответственно не вырастешь).

Поэтому культурная амнезия и безъязычие не только «массы», но и кандидатов в «элику» на протяжении советской истории периодически воспроизводится, включая нынеш-

ную ситуацию (память и язык — символы идентичности и законное достояние самостоятельных, активных групп; о косноязычии власти сейчас не говорю). Для действительно *общих* воспоминаний не существует, не создается и не остается другого языка, кроме рутинно-героизирующего: любой вновь наступающий общегосударственный праздник, массивно транслируемый по телевидению, дает этому многочисленные эмпирические подтверждения. Межпоколенческой передачи, трансляции, трансферта при этом, строго говоря, тоже нет, точнее, она идет в формах негативных, смещенных, неопознаваемых, о чем уже говорилось. Отсюда, например, ощущавшийся всеми слоями позднесоветского общества — когда драматический, а когда и комичный — разрыв между языками номенклатуры («пропаганды») — интеллигенции («Литгазета», с одной стороны, «кухни» — с другой) и массы («улицы»); но отсюда же и нынешняя глоссолалия, будь то в жизни, на улицах, будь то на телевидении или в словесности. Характерно, что сюжетообразующими в групповой легенде советской интеллигенции и в интеллигентской (внеофициальной) литературе выступают чаще всего два мотива или мотивных узла: затор и обвал нескольких поколений или даже «всего сразу»; символ и фигура беспамятства, разрыва, негативно порождающего императивную задачу «сохранить и донести» образ прошлого, передать «наследие».

Иначе говоря, в поколенческом языке, *языке поколения как проблемы «отцов и детей»*, исследователи, словно в искажающем зеркале, видят движение социального механизма, который, можно сказать, для движения не предназначен. Он не имеет для него соответствующих органов и приспособлений, например независимых элит, самостоятельных институтов, различных по ценностям и целям, но имеющих друг друга в виду оформленных групп. Вероятно, поэтому вопрос о траектории и скорости подобного перемещения периодически возобновляется, что каждый раз отмечает очередной поворот.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «ПОКОЛЕНИЕ» В СОЦИОЛОГИИ

В. В. Семенова

Понятие «поколение» — многозначный термин, обозначающий разные аспекты возрастной структуры и истории общества, который используется при исследовании возрастной стратификации общества. В основном преобладают четыре различных его понимания: 1) биологическое, как формы одного организма, различающиеся по строению, образу жизни, способу размножения, сменяющиеся в процессе его жизненного цикла; 2) генеалогическое, как группа особей, одинаково отдаленная от общих предков; 3) демографическое, как родившиеся на протяжении одного года (когорты) и составляющие возрастную структуру населения; 4) историко-культурное, где понятие имеет скорее символический смысл, характеризуя участников одного события или современников важных исторических событий, людей с общими ориентациями или настроениями. В философском словаре добавляется к последнему понятие «условного» или «гипотетического поколения» как общности современников, чья жизнь непосредственно связана с каким-либо важным историческим событием и которым приписывается некая духовная, символическая общность, «дух времени».

Из степени сходства-различия этих «наполнений» понятия «поколение» вытекает представление об его общем социолингвистическом смысле в русском языке. Из биологического аспекта вытекает важная составляющая, связанная с фиксированием развития, изменения своеобразия каждого последующего «колена» с точки зрения общего развития биологического вида.

Из генеалогического контекста вытекает компонент наследования, соотношения с общим предком как общим культурно-историческим типом. В социологической трактовке важнее генеалогии самосознание группы индивидов, родившихся в одно время и имеющих общий опыт, общие интересы и взгляды. Это тот компонент, который отличает это понятие от демографического понятия «когорты», как людей, рожденных в одно время и составляющих структуру населения.

Вместе с тем общим в каждом из определений является компонент времени, временной дислокации, то, что применительно к социологии К. Мангейм называл «исторической локализацией» общностей (Мангейм К., 2000). Условные поколения могут локализоваться на историческом континууме как по хронологическому (календарному) принципу (поколение 20-х годов), так и символически, через соотношение с каким-либо историческим событием (поколение революции), или выдающимися личностями (поколение Пушкина), или приписываемыми символическими ценностями (потерянное поколение) (Кон И., 1978).

Таким образом, несмотря на приписываемую многозначность понятия и широту его использования как в научной, так и обыденной лексике, можно констатировать, что методологической основой анализа поколений служит концентрация на социальной дифференциации, связанной с временными (социально-историческими) особенностями каждого последующего поколения относительно общего национального генотипа данной исторической общности. В ходе такого анализа возможно описание исторической динамики общества в его долговременной перспективе развития от прошлого к будущему.

При переходе к попытке эмпирического тестирования этого понятия сразу появляются две существенно важные методологические проблемы. Каковы границы, разделяющие поколения? Как отличить одно поколение от другого в непрерывной череде смены поколений? И второй вопрос на основании каких критериев судить о поколении. Например, как ставит проблему Б. Дубин, нужно ли различать в поколении тех, кто дает название поколению, тех, кто ориентируется на образцы, заданные первой группой, и тех, кто составляет общий контекст времени.

При социологическом использовании понятия зачастую наиболее труднопреодолимым препятствием считается вопрос о границах поколения. Вместе с тем в социологической литературе, особенно в современном мире размывания границ между отдельными компонентами социального целого, вопрос об определении четких границ социальных объектов весьма условен. Даже в рамках социальной стратификации трудно установить границы между отдельными социальными стратами или социальными институтами. Социологи все больше оперируют такими условными понятиями, как «поле», «пространство», «сеть» (П. Бурдьё). Тем более условным является понятие «поколение», которое трудно теоретически очертить четкими календарными (временными) границами: те, кто родился в такие-то годы. Тем более что в рамках одного временного отрезка появляются типы, которые могут принадлежать к доминирующим, востребованным временем, и типы, не востребованные временем, подчиненные (*Мангейм К*, 2000). Поэтому историческое событие как факт, оказавший на судьбу социальной общности наибольшее символическое влияние, определившее «дух времени», можно считать более существенной точкой отсчета в определении условных границ поколений, однако понимая, что такие границы всегда достаточно условны, как и типы, их представляющие. (Такая же проблема стоит, например, при определении понятия «национальный тип характера».)

Перенос генеалогических критериев на описание границ поколения, как это иногда делается при социологическом анализе (деды — отцы — дети), также грешит своей неопределенностью. Трудно сказать, кого можно отнести к базовому поколению «детей», относительно которых конструируется вся концепция: дети какого возраста? каков временной разрыв между детьми и родителями? (известно, например, что у отцов и матерей он может сильно различаться). К тому же социологическое описание через генеалогические связи скорее идет от пропагандистских клише советского времени: «дети являются продолжателями дела отцов», «наследники революционных традиций дедов» и т.д.

Поэтому за точку отсчета в эмпирическом определении границ закономерно принимать крупное историческое событие или процесс, оставшийся центральным в памяти данного поколения. Недаром в Западной Европе в наиболее общепринятой классификации поколений, осуществленной на базе многочисленных эмпирических данных, основанием классификации также служат крупные события эпохальной значимости: довоенное, послевоенное поколение, «поколение протеста» (молодежной революции) (*Becker H, 1992*). Естественно, что границы между такими условными поколениями будут размытыми, но основным критерием будет эффект влияния исторического события на большинство генерации, родившейся на протяжении определенных десятилетий: современники (или участники, или свидетели) социальных процессов, под воздействием которых формировались данные генерации.

Второй методологически сложный вопрос о критериях в описании специфики поколения.

В русской традиции проблематике поколений традиционно уделялось большое внимание. С одной стороны, это происходило в рамках литературно-культурного процесса как отождествление индивидуальной жизни писателя с историческим процессом и со спецификой своего исторического времени. «Моя судьба» и «судьба поколения» сливались в историко-литературном контексте в единое целое. В писательской и общественно-публицистической традиции тема «моего поколения» представлена весьма широко, начиная от классической литературы времен Пушкина и кончая современной литературой. Это отразилось в смысловом наполнении понятия «поколение» дополнительным фатальным оттенком рока, судьбы, детерминированной неизбежности¹.

¹ В отличие, например, от английского языка, где существуют два слова для обозначения «моя судьба» — “my fate” и “my destiny”. Если первый вариант имеет тот же роковой оттенок, то последний имеет оттенок выбора, индивидуального предназначения.

На всех, рожденных в двадцать пятом
Году иль около того,
Лежит судьбы жестокий фатум,
не выйти нам из-под него...

В. Некрасов

В рамках описания своей индивидуальной судьбы совместно с коллективной судьбой поколения и зарождался историко-культурный дискурс рассмотрения поколений в России начиная с XIX в. Исходя из такого подхода, давали описание своему поколению почти все русские писатели как XIX, так и XX в. В этом отношении наиболее известен вклад И. Тургенева, который не только описал почти все поколения своего быстротекущего времени (начиная с классической проблемы «отцов и детей»), но и дал им первичную классификацию и даже объяснительную культурологическую концепцию как чередование символических поколений гамлетов и донкихотов (работа И. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», 1860).

Однако, поскольку описательными и объяснительными концепциями российских поколений занимались в основном литераторы, то поколения описывались не как массовые, но интеллектуальные или социально активные поколения (поколение декабристов, поколение 60-х годов, поколение революционеров и т.д.). Массовые типы поколения в российском контексте оставались вне социологического интереса и анализа. Выработалась традиция описания поколений через лидирующие образцы или выдающихся личностей. Следствием этого являются названия исторических поколений в честь царствующих персон (екатерининское поколение), литературных (поколение Пушкина, Герцена) или социальных лидеров (поколение декабристов). Вместе с тем понятно, что в условиях XVIII и XIX вв. массовые поколения могли выступать активными социальными субъектами только во времена войн или массовых волнений.

Социологическая традиция описания массовых поколений, скорее всего, берет начало в западной социологии и

литературе со времен К. Мангейма, который создавал свое эссе о проблеме поколений (К. Мангейм. Проблема поколений) под влиянием представления о первом массовом «потерянном» поколении (послевоенное поколение Первой мировой войны), к которому биографически принадлежал и сам (Kobli M., 1993). С тех пор в западной социологической традиции внимание к массовым поколениям превалирует над интересом к интеллектуальным поколениям.

Теперешние классификации массовых поколений современного периода российской истории весьма противоречивы, поскольку в основе своей лишены эмпирической базы для анализа как историко-документальной, так и статистической и оперируют больше субъективными представлениями исследователей.

Проблематичным, например, и недоказанным является понятие «шестидесятники» как массовое поколение, оказавшее влияние на всю социальную жизнь общества. Не является ли это образование только лишь интеллектуальным движением и потому значимым только для людей интеллектуальной сферы, пишущих о том времени? Каков социальный эффект воздействия этого социального движения на массовое сознание людей того времени? Или же это просто «несостоявшееся поколение» в сравнении, например, с «шестидесятниками» других стран Восточной Европы, которые составили активный компонент социальных революций в своих странах и о которых Н. Коровицына пишет как о «запоздалой или отложенной реализации» поколения (Коровицына НВ, 1999).

Для комплексного описания массовых поколений в западной социологии используется понятие «паттерна поколений». Для его эмпирического изучения широко признанными являются критерии, предложенные Х. Беккером (Becker H., 1997. P. 230):

- социальный контекст становления поколения (наиболее важные события, имевшие место в формативный период);
- состояние средств массовой информации в тот же период; система социализации; социальные возможности в формативный период;

— системные характеристики поколения (величина и состав когорт, составляющих поколение, поколенческая культура, поколенческие союзы);

— биографические характеристики поколения (жизненный путь, ценностные ориентации, поведенческие образцы).

В дальнейшем мы остановимся лишь на одной составляющей — культуре поколения, и более конкретно — на лексических формах самопрезентации отдельных типов (паттернов) поколения.

Описание массового поколения как символической общности возможно как конструирование матрицы значимых символов поколения, которые становятся массово ценными для определенного поколения, конструируют его самосознание под воздействием определенной исторической локализации поколения, будь то лозунги, лексические конструкты, звуковые, визуальные символы или значимые личности. К. Мангейм формулирует это как «первичный ключ» поколения, который постепенно перерастает в более развернутую программу действий для большинства поколения. Например, Олейников считает, что одним из таких символов мог бы стать символ дороги в песенном творчестве военного времени или у «шестидесятников», который имел разное наполнение в военных песнях и в авторской песне бардов 1960-х годов. Такие емкие образы рождаются не всегда, хотя некоторые из них становятся символом не только одного поколения, но приобретают знаковое звучание даже для нескольких поколений (например, песни В. Высоцкого или «Битлз» стали символами первоначально одного поколения, а затем вошли в культурную матрицу даже нескольких последовательных поколений).

Вместе с тем лексические формы самовыражения могут считаться наиболее распространенными и в смысловом отношении — более распознаваемыми образами поколения, наиболее подходящими для анализа.

Наш эмпирический анализ был построен именно на таких образах. Методика исследования образов поколения как лек-

сических форм культурной самопрезентации поколения была построена на свободных высказываниях представителей поколения относительно своего поколения.

В массовом опросе на основании репрезентативной выборки ВЦИОМ (август 2001 г., N=1600 респондентов) был предложен открытый вопрос: «Как коротко Вы бы могли охарактеризовать людей своего поколения?» Ответы на него рассматривались как большой неструктурированный метатекст, описывающий словесные презентации образа определенного поколения в словесных конструкциях самих представителей данного поколения. Как бы характеристика «изнутри» самого субъекта. Анализ состоял не в выявлении наиболее часто упоминаемых характеристик, а в выстраивании (до-страивании), уточнении конфигурации словесных образов поколения путем объединения отдельных словесных конструкций, использованных в разных высказываниях, для заполнения и раскрытия словесного символа. Таким образом, неструктурированный текст в дальнейшем анализировался в категориях качественного анализа как последовательное структурирование по темам, кодам, категориям для последующей его интерпретации в понятиях культурной антропологии (психологическое измерение культур — Триандис, Хофстед, Лебедева). Такие символы не рассматривались как сами паттерны поведения, а символизировали культурные образцы. При этом предполагалось, что поколенческие культуры являются формами исторической модификации одной «родовой» протокультуры как русского национального архетипа. Вместе с тем методика свободных высказываний позволила выявить отдельные культурные «синдромы», не входящие в общую матрицу национальной культуры и характеризующие специфические черты определенного исторического (поколенческого) типа.

Предваряя содержательный анализ словесной интерпретации культуры поколения, вернемся к проблеме эмпирической интерпретации проблемы границ поколения.

За основу временной периодизации ныне живущих поколений российского общества были приняты субъективные показатели, т.е. упоминание при ответах исторических событий, которые наиболее тесно перекликаются с представлением об их поколении и оказали тем самым наибольшее влияние на определенную возрастную генерацию. Из открытых высказываний респондентов были отобраны основные, наиболее часто упоминавшиеся события. Такими ключевыми событиями, упоминавшимися в разных контекстах, оказались: война (например, «мы дети войны», «мы те, кто прошел, перенес, пережил войну», «люди военного времени»); застой, доперестроечное время («люди эпохи застоя», «доперестроечное поколение»); переход, связанный с перестройкой («переходное время», «время перемен», «жертвы, обманутые перестройкой»), и послепереходное время («поколение переломного периода», «послеперестроечное поколение», «пограничное поколение»).

На основании этой исторической локализации своего жизненного опыта, своей судьбы были выстроены временные «союзы», которые явились основой анализа их как культурных общностей.

1. Окаловоенное поколение

Время рождения 1920–1940-е годы (первая половина). Условное время реализации поколения — 1950–1960-е годы.

Возраст сейчас: 60–80 лет (после 60 лет, пенсионеры). Самая большая группа представителей этого возраста определила возрастные рамки своего поколения — от 60 до 70 лет¹.

¹ При опросе был задан также открытый вопрос: «Людей какого возраста Вы бы отнесли к людям своего поколения?» — при открытых позициях «от» и «до». Наибольшая группа людей каждой эпохи определяла свои возрастные рамки более узко, чем это предполагалось, ограничиваясь обычно одним десятилетием. Так, в данном случае наибольшую группу (23%) составили те, кто относил себя к 60–70-летним, хотя это не всегда даже совпадало с их реальным возрастом (общее число респондентов этой группы — 433 человека). Этот показатель был назван субъективно определяемым границы поколения.

2. Доперестроечное поколение

Время рождения — 1940–1960-е годы, условное время реализации поколения — 1960–1980-е годы.

Возраст сейчас: от 40 до 60 лет (40–50-летние).

Наиболее наполняемый частотный временной отрезок (субъективно определяемые возрастные границы) — от 40 до 50 лет, куда поместили себя 28% от группы из 486 респондентов. В более широкие формальные рамки — от 40 до 60 лет попадает 75% респондентов этой группы.

3. Поколение переходного периода

Условное время реализации поколения — 1990-е годы.

Время рождения — 1960–1970-е годы.

Возраст сейчас от 30 до 40 лет (30-летние). В группе респондентов из 458 человек наибольшая группа (27%) отнесла себя к 30-летним (от 30 до 40 лет), большинство же (70%) попадает в группу от 25 до 45 лет — (формальные границы поколения).

4. Послеперестроечное поколение

Условное время реализации поколения — 2000–2010 гг.

Время рождения — после середины 1980-х годов.

Возраст сейчас: от 18 до 25 лет (молодежь в широком смысле).

В группе респондентов из 220 человек наибольшее число определяют свои поколенческие границы как «те, кому от 18 до 25 лет» — 48%. В формальные границы от 20 до 30 лет попадают 96%.

Первичный итог, вытекающий из анализа высказываний представителей разных поколений, состоит в том, что получена общая матрица самопрезентации поколений российского общества. Выявилось, что поколения презентуют свою культуру прежде всего по соотношению себя и своих сверстников **с определенным социальным временем:** как с историческим (определенные социальные события и процессы), так и с собственным временем жизненного пути (молодые—старики, ориентация на будущее — ориентация на прошлое). Все поколенческие общности также определяют себя тематически по сферам социальной жизни: отношение к труду, власти, обра-

зованию, самоощущение себя в социальной жизни и по типичным чертам характера людей своего поколения.

Содержательное сходство поколений выразилось в том, что каждое из них позиционирует свое положение в обществе как «состояние жертвы социальных процессов» (мы те, кто страдал, перенес тяготы, обижен, забыт и т.д.). Это состояние пассивного страдания экспрессивно выражается не только у представителей старших поколений как состояние «жертв войны», «брошенных и забытых», «выброшенных на помойку» и «втоптанных в грязь», но и у представителей средних поколений как состояние «жертв перестройки», «жертв времени», «обманутых и брошенных», а также присутствует у самых молодых: «изгои», «брошенные на произвол судьбы», «забытые своей страной». Это состояние жертвенности, пассивного страдания, которое мы первично интерпретировали как специфику социального положения старшего поколения, по-видимому, вслед за К. Касьяновой следует отнести к узловым характеристикам социального архетипа русских, где терпение, страдание, смирение называются орудием и результатом внутреннего делания, «устроения души», имеющим принципиальную ценность в русской культуре, без которой нет личности, нет статуса, нет уважения со стороны окружающих (Касьянова К., 1994).

Описание основных «синдромов» словесной самопрезентации поколений мы начнем с самого старшего поколения, определенного нами как околовоеенное.

Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, что в открытых вопросах тематическое направление характеристик поколения не задавалось, а явилось результатом последующего тематического обобщения (кодировки) высказанных ответов.

1. ОКОЛОВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ (60–80 ЛЕТ)

В этом поколении тематические характеристики оказались представлены следующим образом: дислокация исторического и собственно поколенческого времени, труд, власть, самоосознание себя как поколения, черты характера, слова-символы поколенческой культуры.

Дислокация себя во времени. Историческое время генерации представлено двумя смысловыми блоками: «война», которая упоминается в контексте страданий (ключевые слова: «война», «дети войны», «перенесли голод, нужду», в дополнение к пассивным конструкциям глаголов: «познали», «пережили», «перенесли», «вынесли все»). В целом этот временной образ можно объединить в категорию **«тяготы военного времени»**, принципиально важную для формирования всего последующего жизненного опыта и мироощущения поколения.

Второй блок связан с понятием «коммунистическая эпоха», и наполнение этого смыслового блока свидетельствует об активной индивидуальной включенности в этот процесс и теперешней гордости за личную причастность к нему («эпоха коммунистического строительства», «коммунистическая закалка», «строители коммунизма», «коммунисты», «советские люди»). Гордое употребление этой терминологии тем более значимо звучит сейчас вследствие того, что изменился исторический контекст ассоциаций, связанных с использованием коммунистической терминологии, и отношение к ней большинства населения. В целом этот временной синдром может быть назван **«стойкие приверженцы эпохи коммунистического строительства»**.

Обобщающая культурная доминанта исторического опыта поколения может быть названа **поколение, прошедшее тяготы войны и оставшееся стойкими приверженцами эпохи коммунистического строительства**.

Их собственно поколенческое время в лексическом выражении выглядит пессимистически как «уходящие», «доживающие», «пенсюки», «ветераны», но вместе с тем присутствует гордость за прежние достижения: «честно прожитая и достойная жизнь», «мы жили лучше и веселее, чем теперешние», «были лучше и честнее, чем теперешние». Из этого сопоставления напрашивается заключение, что их пессимизм относительно теперешнего состояния «уходящего поколения» связан не только с их поколенческим временем жизненного

цикла «пожилых людей», но и с ностальгией по уходящей вместе с ними культурной матрице, носителями которой они являлись (в их высказываниях: «мы — последние люди своего времени», «люди старой закалки», «мы — это другое воспитание, другое время, другой народ»).

Традиционная культура. В описании той «другой» культуры в их словесных высказываниях основным содержательным стержнем является трудовая культура. Она описывается как индустриальный тип трудовой морали, свойственный обществу советского типа раннеиндустриального периода развития. В высказываниях выделяются несколько смысловых компонентов: во-первых, труд как образ жизни (высказывания: «мы только работали, а не жили», «мы трудились всю свою жизнь», «трудо­вой народ», «труженики») — *жизнь ради труда*; труд как малоквалифицированный, ненормированный, затратный, труд, который не приносит адекватного вознаграждения: «тудяги», «работяги», «простые труженики», «стахановцы» — другими словами, *затратный труд индустриального типа, малоквалифицированный труд*; труд как исполнение общественного долга: «добросовестные труженики», «исполнительные», «честно трудились», «всю жизнь отдавали Родине, а остались нищими» — *труд как долг перед обществом*.

В целом этот тип трудовой культуры можно обобщить как ***приверженность индустриальному типу трудовой морали, основанному на долге перед другими***.

Необходимо добавить, что тематический блок высказываний об образовании полностью отсутствует в данной возрастной генерации, в отличие от более молодых генераций. Это свидетельствует о его слабой значимости в культуре данного поколения. Одновременно возникает символическое отождествление своего поколения с крестьянскими корнями (мы — «крестьяне», «колхозники», «выросшие на земле», «знаем цену хлебу»), что подтверждает заключение о приверженности данной генерации ***раннеиндустриальной трудовой этике***.

Отношение к власти можно разделить на следующие смысловые союзы, которые в совокупности позволяют описать конфигурацию взаимоотношений с государством. В первом ключевым является понятие *«патриотизм»* («патриоты», «любящие, преданные Родине», «за Родину отдавали жизнь», «пронесли любовь к Родине через всю жизнь», «поднимали Родину из руин»). Второй «союз», связанный с первым, свидетельствует о характере связи — отношения, основанные на вере и жертвенности, эмоциональный характер связи (эмоциональный характер социальных связей, основанный на материнском начале (образ Родины-матери), свидетельствует о принадлежности культуры к феминному типу, по Хофстеду (Hofstede G., 1980). Система взаимных отношений с Родиной-матерью формируется по феминному эмоциональному типу («любили», «были преданы», а она «забыла», «обманула», «оставила нищими»). В данном случае происходит смысловое замещение властного символа «государство» символом «Родины». «Государство» как символический конструкт массового сознания вообще отсутствует в высказываниях этого поколения. Этот блок можно обобщить под названием **эмоционально-патерналистское отношение к Родине-матери**.

Следующий блок можно охарактеризовать как степень зависимости (отдаленности) от власти. Здесь в высказываниях людей околовосенного поколения он представлен только в терминах послушания («зажатые в рамки», «послушные», «законопослушные», «послушники», «привыкшие повиноваться», «скромные»). Если соединить смысл этого блока высказываний с предыдущим, то в целом этот синдром можно метафорически назвать синдромом *«послушничества»* как служения, основанного на вере и преданности старшему (Родине).

В этом синдроме зависимости/отдаленности от власти в других, более молодых, поколениях присутствует также противоположный блок — блок самостоятельности, независимости от власти, который характеризует поколение как самостоятельный социальный субъект со своими специфическими

интересами. В высказываниях представителей околвоенного поколения таких характеристик нет. Это можно интерпретировать как не осознание себя отдельным субъектом, поколение идентифицирует себя в неразрывной связи с интересами социального целого (в данном случае матери-родины), другими словами, самосознание поколения как отдельного социального субъекта осталось на уровне «поколения в себе» и в словесной интерпретации представлено метафорически как ощущение себя в качестве зависимых и послушных «детей» своей Родины-матери в рамках семейной системы патриархальных отношений.

Общая символическая приверженность этого условного поколения традиционной семейно-центрированной культуре и системе патриархальных отношений подтверждается их самопрезентацией себя как приверженцев традиционных семейных ценностей «почитания старших» (блок высказываний: «мы те, кто имеет память», «кто помнит свои корни», «мы привыкли почитать своих родителей»).

Итак, в целом это поколение может быть представлено следующими синдромами.

Околвоенное поколение дислоцирует себя во времени как поколение, прошедшее тяготы войны и оставшееся стойкими приверженцами эпохи коммунистического строительства;

они демонстрируют свою приверженность традиционной трудовой культуре как раннеиндустриальному типу трудовой морали, основанному на долге перед обществом;

отношение к власти базируется на «послушничестве» как служении, основанном на вере и преданности Родине (феминный патернализм);

значимым в их культуре является соблюдение традиционных семейных ценностей «почитания старших», которое они переносят и на отношения с властью;

для них характерно отсутствие собственного самосознания, обособленного от интересов социального целого, и идентификация себя с социальным целым.

2. ДОПЕРЕСТРОЕЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ
(ПОКОЛЕНИЕ ТЕХ, КОМУ СЕЙЧАС ОТ 40 ДО 60 ЛЕТ),
ЯДРО ПОКОЛЕНИЯ — ОТ 40 ДО 50 ЛЕТ

В самопрезентации этого поколения первичными тематическими блоками оказались дислокация во времени, образование, труд, социальное состояние, власть, стадия жизни. Однако здесь мы остановимся только на наиболее значимых, более обобщенных культурных синдромах данного поколения, их отличиях от других генераций.

Дислокация себя во времени. В историческом времени поколение дислоцирует себя прежде всего в исторически-нейтральных понятиях (основной блок высказываний), хотя на «периферии» временного самоопределения присутствует и понятие «перестройка» как водораздел, разломивший жизненный опыт генерации надвое уже во взрослом состоянии.

Брежневцы;
бывшие комсомольцы;
«шестидесятники»;
люди, получившие
советское воспитание;
строители БАМа

сверстники;
ровесники;
поколение 50-х годов;
поколение 60-х годов

доперестроечное поколение;
пережили перестройку;
перестройка прошла
через нашу жизнь;
поколение эпохи перестройки

С одной стороны, во временной дислокации остались реалии советского времени, хотя и описанные как набор неравнозначных исторических реалий, важных для разных групп внутри поколения. Это свидетельствует о существенной внутренней дифференциации прошлого жизненного опыта по-

коления, а также его теперешней оценки представителями поколения. С другой стороны, представлены высказывания, связанные с опытом перестройки, но и они не дифференцированы, слабо раскрыты в терминах субъективных переживаний. Скорее всего, наиболее точная и обобщающая характеристика их эпохи представлена понятием «доперестроечное» поколение, это и заставило обозначить временную дислокацию людей этого поколения как *доперестроечное*.

Собственно поколенное время также распалось в зависимости от субъективного восприятия разорванного поколенческого жизненного опыта. С одинаковой степенью интенсивности самоопределение своего социального возраста распалось на понятия «мы старики», «мы люди среднего возраста», «мы молодежь», что также свидетельствует о внутренней дифференциации жизненного опыта людей этого поколения.

Несмотря на разлом жизненного пути, в уже зрелом возрасте это поколение по-прежнему ощущает себя оптимистически и ориентировано *на ожидания от будущего*. Несмотря на уже зрелую фазу их жизненного цикла, субъективное время связывается в основном с будущим и надеждами на него (блок высказываний о времени: «нас характеризует стремление в будущее», «ждушие своего времени», «ожидание будущего», «надежды на будущее», «оптимисты»). Возможно, это является одним из следствий общей нереализованности поколения.

Образовательный и духовный потенциалы. Мироприятие людей этого поколения весьма существенно определяется их центральным синдромом — сильно выраженной рефлексией относительно образованности людей своего поколения (чего нет у других генераций).

В этом блоке все высказывания содержат несколько смысловых компонентов, которые связаны:

— с самим уровнем образования: «умные», «образованные», «головой соображающие», «думающие», что в целом можно свести к понятию «*думающие*», «*занятые мыслительной деятельностью*». Необходимо добавить, что и по объективным показателям (по уровню образования) это поколение является самым высокообразованным (Семенова ВВ, 2002);

— с духовными качествами этого поколения: «одухотворенные», «мы люди, имеющие идеалы», «люди с высокими моральными качествами», «увлеченные», «мечтатели», «романтики», что можно объединить понятием *«духовно деятельные»*;

— с опытом поколения: «опытные», «умелые», «умудренные опытом», «умудренные жизнью», в целом — *«люди с жизненным опытом»*;

— связанные с самокритикой относительно своего поколения: «замучены комплексами», «страдаем от недостатков». Сюда же можно отнести критические высказывания относительно своих отношений с властью: «рабы», «муравьи», «привыкли мириться с правительством», «ждут, что им кто-то даст». «Обличительный пафос» таких высказываний с использованием метафор позволяет усмотреть в них самокритичное отношение к самим себе. Таким образом, их характеризует *критическое отношение к себе и к обществу*.

Итак, первый обобщающий культурный синдром в самопрезентации этого поколения можно сформулировать в целом как *духовно активное и рефлексирующее поколение*.

Однако этот высокий духовный потенциал поколения исторически не был реализован, не нашел себе применения в обществе, считают представители этого поколения.

Социальное место поколения. Отдельный выраженный синдром данного поколения — это его социальное самосознание. Он образуется следующими противоречивыми составляющими:

— блок, занимающий центральное место и связанный с осознанием своей не востребованности, где главное используемое понятие «лишние люди», пришедшее, по-видимому, из литературных ассоциаций поколения: «лишние», «потерянное поколение», «обделены судьбой», «невостребованное поколение», «растерянные и загнанные», «опытные, но этому опыту нет применения». По смыслу в основном это *обвинение в не востребованности* направлено вовне, по отношению к внешним обстоятельствам социального времени

или социальной ситуации своего существования («не вовремя родились»). Любопытно, что название поколения обычно возникает «извне», в общественном мнении, в данном же случае название поколению присвоено изнутри, самими представителями поколения, которое преимущественно базируется на их культурном (литературном) опыте;

— высказывания же относительно собственной позиции по отношению к власти достаточно самокритичны и негативны (хотя они называют себя «патриотами» и «демократами»): «забитые», «рабы», «муравьи», «привыкли мириться с правительством», «боязливые и покорные», «законопослушные», «пассивные». В целом их можно свести к понятию *пассивная критика своего послушания власти*;

— высказывания относительно личного потенциала поколения и его самостоятельности и активности отражают его состоятельность как социального субъекта: «надеются только на себя», «сами способны отвечать за свои поступки», «уверенные в себе», «умеют быть людьми». *Осознание «себя» как отдельного социального субъекта* здесь выражено достаточно однозначно;

— высказывания относительно индивидуального потенциала активности также представлены двумя спектрами оттенков, которые выражены слабее. Первый: активность как инициативное движение к цели («целеустремленные», «инициативные», «энергичные»). И второй спектр: активность как защитная реакция, ответ внешней среде, связанный с приспособлением («приспосабливающиеся», «приспособленцы», «приспособившиеся», «приспосабливаются к тяжелым условиям», «стойкие», «устойчивые», «выживающие», «стабильные»). Этот спектр приспособительной деятельности в смысловом многообразии преобладает над первым и поэтому является более характерным, центральным для поколения.

В этом синдроме наиболее прописано противоречивое мироощущение этого поколения: с одной стороны, позитивно оценивающие собственный потенциал активности и осознающие себя в качестве самостоятельного социального субъекта,

способного к активной деятельности, с другой — критически пассивные к власти, приспособляющиеся и не востребованные временем и обществом.

Если перенести метафору И. Тургенева на это поколение, то оно скорее может быть охарактеризовано как поколение гамлетов, больше способное к духовной деятельности и рефлексии, чем к активной деятельности. Познание и поиск ценностей составляют для них подготовку к деятельности, которая в реальности так и не состоялась.

В целом это поколение значительно больше внутренне дифференцировано, *фрагментировано по своему социальному опыту как в историческом времени, так и в своем современном состоянии. Но вместе с тем это самое духовно активное и рефлексивное поколение как относительно себя и своего места в обществе, так и относительно общества в целом.*

Как рефлексивное и наиболее образованное поколение, оно прежде всего осознает свою нереализованность, невостребованность как поколения (лишние люди).

3. ПОКОЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (ОТ 25 ДО 45 ЛЕТ), ЯДРО ПОКОЛЕНИЯ —

ОТ 30 ДО 40 ЛЕТ

Дислокация во времени

- | | |
|--|--|
| — время перемен; | коммунисты, атеисты; |
| — переходное время; | люди застоя; |
| — побывали в капитализме и социализме; | поколение 70-х годов; советское воспитание |
| — способны сравнивать разные времена; | |
| — переход от застоя к перестройке | дети перестройки; жертвы перестройки; измученные перестройкой; люди нового времени |

Основой социального опыта этой генерации стало пребывание в двух социальных измерениях, а отсюда — возможность сравнения их как двух составляющих жизненного пути. При этом в жизненном опыте части поколения прошлый опыт остался доминирующим, а другая часть воспринимает опыт перестройки как опыт пассивного страдания. Вместе с тем смысловым ядром опыта остается «сравнение», что и позволило их объединить в единую условную конструкцию «поколение переходного периода».

В субъективном восприятии своего собственно поколенческого времени эта генерация, в отличие от предыдущей (ориентированной на «будущее»), наиболее выражено ориентирована на «прошлое», как возвращение к опыту спокойной и социально защищенной жизни (блок высказываний: «счастливым было только детство», «мы дети своих родителей», «добрые к родителям», «знали более счастливую жизнь», «было стремление учиться, работать», лишь одно высказывание, не раскрытое по смыслу, обращено к будущему — «люди нового времени»). Здесь обращает на себя внимание не только сам поворот в памяти к опыту первичной социализации в 1970-е — доперестроечные годы застоя, но и пессимистические грамматические конструкции прошлого времени, когда люди активного социального возраста ориентированы не на перспективу жизненного пути, а на ретроспективу жизненного опыта.

Поэтому **синдром ностальгии по прошлому** можно считать первым важным культурным синдромом этой генерации.

Блок образования и трудовой активности. Блок высказываний относительно собственного потенциала поколения рисует образ поколения без особых достижений: «средние», «ничем не выделяются», «серенькие», «обыкновенные», «без запросов», «без комплексов», «неопределенное». Это свидетельствует о том, что данная генерация существенно отличается в уровне запросов от предыдущего поколения и может быть названа генерацией «недостижительной» ориентации.

Вместе с тем в области трудовой культуры они более активно позиционируют себя в качестве участников рыночных трудовых отношений. Если характеристики, связанные с индустриально-советским типом трудовых отношений, здесь все больше идут «на нет», то словесные конструкции, связанные с рыночными трудовыми реалиями, становятся преобладающими (блок высказываний о труде: «деловые», «бизнесмены», «труженики», «предприниматели», «безработные», «практичные»). При этом в целом они определяют себя в изменившейся социальной реальности через высказывания об адаптации к изменившимся социальным условиям как «выживающие» и «приспособленные».

Вместе с тем отдельно от синдрома социального приспособления в этой генерации выделяется **синдром психологического приспособления**. Этот синдром может быть обозначен как *синдром раннего разочарования*, где термин «разочарование» является ключевым (блок высказываний: «разочарование», «нервное», «измотанное», «растерявшееся поколение», «неустроенные», «пьянь»). По-видимому, потеря ориентиров, достижительных жизненных целей их социальной активности (и поворот назад в собственно поколенном времени) является здесь решающим фактором этого культурно-психологического синдрома.

Такое предположение может быть поддержано блоком высказываний о типе их активности и отношениях с властью.

Блок высказываний о самостоятельности, хотя и не раскрытый широким спектром понятий, свидетельствует в целом об их *самостоятельности как субъекта социальной деятельности* («самостоятельные», «осознанные люди»). Но формы активности лишены целеполагания в отличие от предыдущего поколения. Он содержит различные оттенки активности как процесса, поисковой деятельности (высказывания: «ищущие», «энергичные», «предприимчивые», «в поиске», «решительные»), но лишен каких-либо высказываний относительно «стремления к цели» (таких, например, как «целенаправленные», «настойчивые в достижении целей»). Из всего

этого можно сделать вывод, что **отсутствие значимых целей** в будущем жизненном проекте и привело генерацию к раннему разочарованию и повороту во времени в прошлое (более подробно об истоках разочарования генерации 30-летних см.: Семенова ВВ, 2002).

Отношение к власти. Этот блок в смысловом отношении состоит из двух смысловых наполнений. Первый из них является типичным для всех поколенческих союзов: «мы патриоты», «мы любим свою страну», что можно трактовать как эмоциональную включенность и заинтересованность в делах социального целого.

Второе смысловое наполнение связано с отчуждением, расхождением собственных поколенческих интересов и интересов страны в целом: «мы чужие в своей стране», «инакомыслящие».

В целом эту довольно мозаичную картину поколения переходного времени можно описать как самопрезентацию активного, деятельного, предприимчивого социального субъекта, который успешно приспособился к пореформенному времени. Но при этом в коллективном сознании не отрефлексированы цели собственного (или коллективного) дальнейшего движения. Это привело к раннему психологическому кризису (раннему разочарованию и отчуждению), вследствие которого наметился поворот к более понятным целям прошлого, доперестроечного периода. Вместе с тем они прагматично деятельны, приспособились к изменившимся условиям и добились определенного жизненного успеха. С метафорическим образом Дон-Кихота их сближает только то, что они не понимают ни того, за что борются, ни того, что выйдет из его усилий.

4. ПОСЛЕПЕРЕСТРОЕЧНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

(ОТ 20 ДО 30 ЛЕТ), ЯДРО ПОКОЛЕНИЯ — 18–25 ЛЕТ

Временная дислокация. Понятно, что временная дислокация этого самого молодого поколения может быть описана

только весьма условно, поскольку историческое время этой генерации большей частью пока в будущем. Вместе с тем в собственных оценках их время обозначено как «послеперестроечное», «послепереломное», «новое», «другое», «будущее», поскольку других ориентиров в его определении пока нет. Понятно также, что в определениях «своего» времени у представителей данного поколения нет и оттенков «ностальгии по прошлому», поскольку «советское прошлое» вынесено за скобки их жизненного опыта. Естественно, что собственно поколенческое время соотносится в их представлениях только с «будущим», хотя в своем *социальном* будущем они не совсем уверены: «нет уверенности в будущем», «нет уверенности в получении образования», «не вовремя родились». В целом, однако, при описании образа поколения трудно отделить возрастные характеристики периода молодости от поколенческих культурных синдромов.

Блок образовательной и трудовой активности. Образовательный потенциал поколения предстает в лексике, соответствующей их времени: «грамотные», «любопытные», «прогрессивные», «компьютерное поколение», «здравомыслящие». Культурный синдром рационального образовательного минимума — *массовой компьютерной грамотности* — далеко расходится с синдромом духовно-деятельностного поколения 40–50-летних.

Синдром трудовой культуры впервые представлен (наряду с понятиями рыночных трудовых отношений) компонентом «лени» (высказывания: «деловые», «безработники», «лишившиеся работы», «бизнесмены», «ленивые»). Последний компонент оказался достаточно значимым и свидетельствует о повороте в сторону синдрома «жизнь ради удовольствий». В предыдущих поколениях, тем более самой старшей генерации, «жизнь ради труда» была основой поколенческой культуры.

Блок собственной активности и самостоятельности является здесь наиболее широко представленным и специфичным. В нем несколько смыслообразующих центров, которые представлены высказываниями, касающимися:

— активности («энергичные», «настойчивые», «предприимчивые»), что свидетельствует о собственном потенциале активности и настроенности на действия;

— целей деятельности («целенаправленные», «целеустремленные», «точно знающие свои цели», «устроители своей жизни», «стремящиеся к личному успеху», «стремящиеся к благополучию»), что демонстрирует четкую ориентацию на «целеполагание» (в отличие от предыдущего поколения). Такой целью является ориентация на достижение и успех. Показательно также, что эта цель и успех являются скорее индивидуальным, личным достижением, а не коллективным достижением;

— самостоятельности, автономности собственной активности («сами устраивают свою жизнь», «устроители жизни», «уверенные в своих собственных силах»). Смысл этих высказываний — *креативная созидательная деятельность по достижению собственной позиции и утверждению «себя» как поколения собственными силами.*

Этот синдром в целом можно обобщить как ***созидательная активность, направленная на самостоятельное достижение личного успеха и благополучия.***

Блок отношения к власти. Новым смысловым содержанием синдрома покорности/самостоятельности является полное отсутствие спектра «повиновение» и «послушание», которые в данном случае представлены противоположными характеристиками: «свободные люди», «свободное поколение», «раскрепощенное поколение».

Блок патриотизма в данном случае также имеет *активистскую* окраску: вместо пассивной эмоционально окрашенной «любви и преданности», «патриотизма» в высказываниях присутствует волевая установка: «стремятся улучшить положение в стране», «заботятся о стране».

Хотя, как говорилось раньше, так же как и другие генерации, самые молодые переживают свое положение «жертв» социальной системы: «изгой», «брошенные на произвол».

Блок самооценки поколения имеет несколько смыслов, которые весьма сложно систематизировать в плане различения собственно возрастных и поколенческих черт.

Блок высказываний, связанных с оптимизмом и радостями жизни: «веселые», «бесшабашные», «гедонисты», «пофигисты», «без царя в голове», «бестолковые», «акселераты», «сильные и здоровые». Если отбросить возрастные характеристики, связанные с молодостью как фазой жизненного цикла, с эмоциональным подъемом и социальной безответственностью, то значимым и вытекающим из других блоков остается синдром **«гедонизма» и «пофигизма» как получение удовольствия в ущерб чувству долга**. При этом границы «должного» и «долга» размыты, желание избежать сложных проблем становится самостоятельным качеством, отличным от других поколений.

Другая самооценка **«прагматики»**, повторяющаяся чаще других, также кажется весьма существенной с учетом ориентации на «цели» и «собственный успех».

Третий смысловой блок связан с проблемой «пофигизма», но выражается в физиологических формах: «пропитое», «пьянь», «наркоманы».

Таким образом, в словесном образе поколения наиболее значимыми символическими конструкциями, культурными синдромами послеперестроечного поколения можно считать:

— представление об образовании как среднестатистическом уровне соответствия современным технологиям (поколение компьютерной грамотности);

— ясное представление о целях своей социальной активности как созидательной, самостоятельной деятельности, направленной на достижение личного успеха и благополучия;

— важный синдром их культурного мира — ориентация на «гедонизм» и «пофигизм» как образ жизни, направленный на получение радостей и удовольствий в ущерб чувству долга.

Заключение

Если рассматривать поколенческие культуры, описанные выше как определенные стадии, моменты на континууме социальной динамики общества в целом и национальной культуры в частности, то наиболее заметными становятся изменения по следующим направляющим: изменение в представлениях о трудовой культуре, в представлениях об образовании, в отношениях с властью и в самоосознании себя как поколенческих сообществ.

Если первые комплексы представлений связаны с изменениями в социальных институтах и только косвенно относятся к носителям таких изменений (поколениям), то последние (изменения в поколенческом самосознании) являются свидетельством того, что поколенческие общности, несмотря на растущие процессы социальной дифференциации, наоборот, становятся все более самостоятельными и едиными временными союзами, осознающими себя как субъект социальной активности. Во всяком случае, эта тенденция не совпадает с тенденцией индивидуализации жизненных путей и распадом поколенческих общностей, о которой говорят в западном мире.

ЛИТЕРАТУРА

Дубин Б.В. Семья или успех? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1995. № 6.

Кон И. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 77.

Касьянова К. О национальном русском характере. М., 1994.

Коровицына Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М.: Логос.

Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. «Ключ-С», 1999.

Левада Ю.А. Координаты человека: К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 1.

Манхейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений—состязательность—экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000.

Наумова Р.Ф. Время человека // Социологический журнал. 1997. № 3.

Семенова В.В. Поколение 30-летних // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5.

Семенова В.В. Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002.

Советский энциклопедический словарь. С. 1498.

Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. Т. 8.

Философский энциклопедический словарь.

Dynamics of Cohort and Generation Research / Ed. H. Becker. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992.

Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, 1984.

Kobli M. Public Solidarity between Generations: Historical and Comparative Elements: Research Report // Institute of Sociology; Free University of Berlin, 1993.

Triandis H. Culture and Social Behaviour. N.Y., 1994.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПОЗНАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

В. П. Данилов

Жизнь общества и его развитие в прошлом и настоящем многомерны. Среди факторов, определяющих характер исторического развития данного общества, его настоящее и будущее, должны быть названы и экология, и экономика, и вся система социальных отношений, и политическая организация, и культура. Исследованием этих главных компонентов жизни общества и занимаются общественные науки. Однако в целостном процессе исторического развития сказывается влияние, подчас очень сильное, факторов, еще не ставших предметом специального исследования, а тем более общественного сознания и учета в государственной политике. Напомню, с каким увлечением в 1980-х годах мы обсуждали проблему ментальности как фактора социально-культурного поведения населения разных этносов и стран. Все были настолько увлечены новизной и значительностью нового объяснения особенностей нашей истории, что даже достаточно широкое и неоднозначное в мировой литературе понятие «ментальность» заменили жестким и безусловным понятием «менталитет»¹.

¹ См.: Менталитет и аграрное развитие России. XIX–XX века. М., 1996.

Можно напомнить и об интересном опыте исследования космического воздействия на земную биосферу, а через нее и на поведение людей, а следовательно, и на историю. В России первые серьезные подходы такого рода были сделаны в трудах В. Вернадского и в работах историков евразийской школы. В книге А. Чижевского «Земное эхо солнечных бурь»¹ показаны периодически возникавшие через 11 лет вспышки малярии, гриппа и иных заболеваний, а также появление огромных масс саранчи и других негативных для человека и общества природных явлений. В недавнее время с идеей о том, что солнечные бури вызывают общественные потрясения и трагические перемены, выступил Л. Гумилев. В России с солнечными бурями совпадали потрясения 1906–1917–1928–1939 гг. Заметим в связи с этим, что потрясений в России XX в. было гораздо больше, а для других стран названные выше годы солнечных бурь почему-то оказались менее трагичными. Не будем отрицать влияние солнечных циклов на жизнь человеческих обществ, но наука пока еще не в состоянии измерить их силу и оценить последствия.

Обращение к роли человеческих поколений в жизни общества, а тем самым и в его истории, требует прежде всего внесения определенности в понятие «поколение». Ясно, что история человечества есть постоянная смена поколений и, следовательно, все происходившее с древнейших времен до наших дней было и остается деянием сменяющихся человеческих поколений. Поэтому при исследовании поколенческой истории необходимо четко различать поколение как биологическое и демографическое образование, с одной стороны, и как общественно значимое явление, вызванное к жизни ходом исторического процесса и активно влияющее на него, — с другой. Понятие «поколение» в смысле возрастного слоя безусловно занимает свое место в логическом инструментарии, с помощью которого анализируется про-

¹ *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. 2-е изд. М., 1976.

цесс общественного развития. Однако оно несопоставимо с такими логическими категориями, как стадия исторического развития, общественная формация, цивилизация, экономический базис общества, государство, сословия, классы и прочие категории, выражающие движение человеческой истории от первобытности к современному миру. Демографическая же картина любого общества, соотношение в нем разных возрастных слоев и их роль в общественном развитии определяются его экономическим и социальным состоянием в каждое время. Не нужно подтверждать примерами положение о том, что начиная со стадии государственности поколения ровесников, входивших в разные сословия и классы, были неодинаково ориентированы, а действия составляющих их групп («союзов», «когорт») — *социально разнонаправлены*. В нынешней России это более чем очевидно.

В общественном плане не менее значимо и понятие «разновозрастное поколение», связанное с революциями и другими крупными общественными переворотами, тяжелыми войнами и иными трагическими событиями. В этих случаях разновозрастные группы сливались в единое общественное поколение. В классовом обществе поколения часто разделялись на внутренне противостоящие друг другу лагеря, борющиеся не на жизнь, а на смерть. Так было в России в революционную эпоху начала XX столетия. Выступавшим против непомерной эксплуатации и пережившего свое время самодержавного строя, разновозрастным революционным силам противостояли столь же разновозрастные силы защитников старого порядка. В дальнейшем революционную социалистическую эстафету несли также и дети революции, о чем убедительно рассказал А. Рыбаков в своих произведениях «Дети Арбата» и «Роман-воспоминание». В Великую Отечественную войну с фашизмом плечо к плечу сражались отцы и дети, а подчас и деды (представителей старшего поколения было немало среди партизан и в старшем командном составе). Но к поколению участников войны относятся и труженики тыла,

и все люди, помогавшие фронту, и даже подросшие дети, сознательно пережившие войну. В этой войне сражалась вся страна, каждый человек в меру своих сил и возможностей, хотя на переднем плане, конечно, выступала молодежная когорта фронтовиков.

Отметим, что встречающийся термин «поколение шестидесятников» употребляется применительно к весьма ограниченной группе активных общественников, прежде всего в научной и литературной среде, отнюдь не охватывающих сколько-нибудь заметной части представленных в ней поколений. «Шестидесятники» стали формироваться в период «хрущевской оттепели» из участников войны разных возрастов. Представители более молодых поколений присоединялись к уже возникшему направлению общественной мысли. «Шестидесятники» добивались полного преодоления сталинского наследия в политическом режиме и экономической организации советского общества, что означало и полную ликвидацию репрессивной системы, реабилитацию жертв сталинского террора и создание действительной свободы мысли и слова. В конце 1960-х годов «шестидесятники» подверглись идеологическому осуждению и прямым гонениям. О них вспомнили в начале горбачевской перестройки, однако очень скоро подвергли пренебрежительной критике за отказ принять «новое мышление»...

Прежде чем перейти к конкретной истории смены поколений в пореформенной России, когда их смена впервые осознавалась обществом как наступавшая перемена всей жизни, необходимо отметить, что на разных стадиях исторического процесса роль и место одно- и разновозрастных поколений были различными. В доиндустриальных обществах в материальном производстве и в целом в производстве социальности господствовала традиция, ориентация на старину, на образцы, по которым жили отцы и деды. Естественно, что главным носителем жизненно необходимых знаний и умений в традиционном обществе были люди старших воз-

растов. В наиболее чистом виде членение социума по так называемым возрастным классам имеет место в родоплеменном обществе, где каждый возраст выполняет определенные хозяйственные и социальные функции и получает соответствующие права. В каждый данный момент между возрастными классами не было равенства. На отмеченной стадии социальное равенство существовало лишь в том смысле, что каждый человек (если он доживал до зрелого возраста) проходил от младшего подчиненного поколения до членства в составе старейшин.

С зарождением общественного разделения труда и постепенным проникновением новации и рационального начала в традиционный воспроизводственный механизм происходит переход от родоплеменного строя к становлению государственности и сословно-классового общества. Место возрастных классов занимают касты и сословные страты, внутри которых длительно сохраняется исконное деление по возрастам. Послепервобытно-общинные традиционные общества — это прежде всего общества земледельческие, экономической основой которых была традиционная аграрная экономика. Главную массу населения в этих обществах представляло организованное в сельские общины крестьянство. При всей своей вписанности в государственную и сеньориальную системы крестьянская община во многом оставалась носителем доклассовой социальности, в том числе и внутриобщинного членения по возрастам¹. Конечно, при наступлении чрезвычайных ситуаций, грозящих самостоятельности и даже самому сохранению общины, а подчас этноса или социума, возрастное членение отступало на задний план, вперед выдвигались наиболее деятельные и молодые возрасты, способные разрешить ситуацию, ответить на вызов.

С восхождением общества на индустриальную стадию и постепенным проникновением социального расслоения и

¹ *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1996.

отношений частной собственности в крестьянскую среду возрастное членение в его роли социального фактора отмирает. Так произошло в западноевропейских странах в эпоху промышленного переворота. Гораздо сложнее, с многочисленными накладками разностадиальных пластов оказалась ситуация в регионах с запоздалым капиталистическим развитием. В России, как и в других странах второго эшелона перехода на стадию индустриализации, растущий город, определявший путь общественного развития, длительно противостоял и в то же время во многом зависел от традиционной деревни с ее общинным строем.

Первую крупную брешь в традиционном строе поколенческих отношений России пробило выступление разночинной оппозиционной демократии. После отмены крепостного права в 1861 г. страна стала продвигаться по пути развития капитализма. Однако это был капитализм в еще начальной своей стадии, опутанный напластованием разностадиальных слоев¹. Над российским городом в целом довлела еще традиционная деревня, в которой проживало ⁴/₅ населения страны даже в самом конце XIX — начале XX в. В сельской местности и в малых городах, в значительной мере сохранявших традиционный характер, распространялись ростовщичество, торговые неземледельческие промыслы и кустарная промышленность, неизбежно порождавшие мелких буржуа и их предшественников — мелких товаропроизводителей. Естественно, что и на рабочем классе крупных промышленных центров, который в конце XIX в. в целом составлял около 3 млн человек, лежал сильный отпечаток традиционности. Это неудивительно, ибо в массе своей рабочий класс был представлен первым и вторым, реже третьим поколениями, тесно связанными с деревней.

¹ *Тарновский КН.* Россия накануне первой революции // История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968. Т. 6. С. 17–81; *Ои же.* Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990; и др.

Для пореформенной России, как страны второго эшелона развития капитализма с огромным преобладанием сельского населения, аграрный вопрос являлся самым острым и животрепещущим. И именно вокруг него происходили главные политические дискуссии и разногласия. С предреформенного времени в России складывались два лагеря борьбы против крепостничества, сословного неполноправия крестьянства и против самодержавия, защищавшего интересы помещиков и чиновников. Это выступления самих крестьянских масс, действовавших в соответствии с традиционными обычаями, и идеологически, а позднее и политически оформленный протест разночинной демократии, пытавшейся разрешить крестьянский вопрос. В русле общей демократической оппозиции в защиту интересов крестьянства активно выступило молодое поколение революционных демократов, деятельность которых открыла второй этап освободительного движения в России. Судьбы крестьянства в условиях неизбежной модернизации патриархальной деревни стали главным стержнем и в выступлении либеральной оппозиции, ратовавшей за буржуазный путь развития прежде всего через помещичье хозяйство. Оба оппозиционных направления, имея общее исходное начало, радикально различались в социально-классовых подходах к решению крестьянского вопроса и в целом развития страны.

Реформа 1861 г. открыла известные возможности рыночной модернизации деревни. Однако буржуазное преобразование страны осуществлялось за счет чрезмерного выкачивания средств из деревни, остававшейся к тому же хотя и под уменьшенным, но тем не менее тяжелым гнетом помещиков. Временнообязанное состояние, отрезки и выкупные платежи (отмененные только в 1907 г.) резко ухудшили и без того тяжелое материальное положение крестьянства. Особенно бедственное положение сложилось в центрально-черноземных губерниях России, крестьянство которых сильнее других страдало от малоземелья, обострившегося в результате производимых в пользу помещиков отрезков (от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ дорефор-

менного землепользования крестьянских дворов). В результате в деревне появилось много вконец обнищавших хозяйств и избыточных рабочих рук, которые молодая городская промышленность была не в силах поглотить. Усиливавшееся вторжение рыночных отношений в деревню подрывало ее патриархальный строй. Возвращавшиеся из города в деревню отходники привносили вместе с собой новые веяния, ломали вековые устои. Власть земли постепенно менялась на власть денег и знаний, что вело к буржуазному расслоению крестьянства. Так, в традиционных советах стариков, управлявших деревенской общиной, в пореформенное время нередко оказывались 30- и 40-летние мужчины. Молодое поколение все активнее выходило на передний план. Патриархальная община обнаруживала первые признаки разрушения, но в целом деревня еще долгое время удерживала традиционность с присущим ей поколенческим составом¹.

Острое малоземелье, нищета и гнетущие пережитки крепостничества, сословная неполноправность крестьянства поднимали деревню на активную борьбу. Накануне реформы 1861 г. и непосредственно после нее наблюдалось резкое расширение крестьянского движения (в 1858 г. — 528; в 1859 г. — 938, за первую половину 1861 г. — 1370 крестьянских выступлений). В значительной части случаев для усмирения восставших направлялись войска. Вожаков-повстанцев ссылали в Сибирь и расстреливали, рядовых участников пороли розгами, сдавали в солдаты. Особенно суровой была расправа в селах Бездна Казанской губернии и Кандеевка Тамбовской губернии. Зачинщиками обычно выступали

¹ Подробнее о положении крестьянства см.: *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. 2-е изд. М., 1960; *Он же.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958; *История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1968. Т. 5; *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем 1882–1887 / Предисл. П. В. Волобуева, В. П. Данилова. 7-е изд. М., 1987; и др.

люди среднего возраста, но в подавляющем большинстве случаев действовали не отдельные возрастные группы, а крестьянское население села или общины в целом, что типично для традиционной сельской общины. Так, в одном из самых крупных крестьянских выступлений в селе Кандеевке Тамбовской губернии (до 10 тыс. участников) под расстрелом стояли не только мужчины, но и женщины с детьми. В ряде случаев крестьяне целыми селениями снимались с места и уходили в леса от присланных для их подавления войск¹.

В приведенных исследованиях показано, что в предреформенные и первые пореформенные годы в общественном сознании крестьянства происходили существенные сдвиги по сравнению с предшествующим временем, и прежде всего повысился уровень крестьянского сознания. Место индивидуального сопротивления все более занимали коллективные действия, отстаивающие интересы и права крестьянской общины в целом. Если прежде в крестьянских требованиях речь шла в основном о снижении нормы барщины и оброка или о переводе помещичьих крестьян в государственные или удельные и т.п., то в пореформенное время этот этап крестьянского движения был уже пройден. Накануне реформы в полный рост встал вопрос об освобождении от крепостного гнета и о передаче всей помещичьей земли крестьянскому миру. В общинной практике появились «пророки» и «проповедники», а также ходоки в губернский город и даже в столицу для отстаивания крестьянских интересов. Изжита была

¹ Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. М., 1959. Безденное восстание 1861 года: Сборник документов. Казань, 1948; Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.: Сборники документов / Под ред. акад. Н. М. Дружинина. М., 1960–1962; Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: Сборник документов. М., 1964; *Анфимов А.М.* Крестьянское движение в России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 1973. № 5; «Народная Воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989; *Литвак Б.Л.* Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. М., 1989; и др.

идеология самозванства. Однако и в пореформенное время действия восставших крестьян оказывались раздробленными. Их требования по-прежнему имели локальный характер, касались местной ситуации, диктовались конкретными нуждами крестьянства каждого селения или волости. Причем нередко крестьянские интересы одной местности приходили в противоречие с интересами и требованиями крестьян соседних миров. Уходящая вглубь столетий одна из важнейших составных частей общинной идеологии противопоставляла крестьян, царя и Бога не только помещику и властям, но и подчас крестьянам соседних владений (характерное для традиционных сельских общин идущее издревле представление «мы»—«они»)¹. Вплоть до начала XX в. в крестьянстве (да и в рабочем классе) огромную живучесть сохранял традиционный крестьянский монархизм, характерный для всех разновозрастных слоев, что сдерживало развертывание революционного движения в народной среде. В своих бедах и несчастьях крестьяне и рабочие обычно винили местные и высшие власти, помещиков и капиталистов, но только не царя.

Таким образом, при всем размахе крестьянского движения, его территориальной распространенности (почти по всем губерниям Европейской России) само крестьянство, только что освобожденное от крепостной неволи, не могло добиться улучшения своего хозяйственного и социального положения. Главная причина неспособности крестьянства самостоятельно привести к изменению собственного общественного статуса крылась в природе этого класса-сословия, в его стремлении к утопическому идеалу жить независимым и самостоятельным хозяином на собственной земле. В реальных же условиях пореформенной России под влиянием развивавшегося рынка раскрепощенная деревня была обречена на раскрестьянивание по буржуазному типу. Речь шла лишь о сроках и форме этого процесса, о цене, которую должна была заплатить деревня за грядущую трансформацию. В ко-

¹ *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 186–187.

нечном счете господство частной собственности и рыночных отношений неизбежно вело к отчуждению тружеников деревни от средств производства, к превращению их в продавцов собственной рабочей силы. Именно утопические идеалы традиционного крестьянства России в условиях начавшегося после реформы и нараставшего раскрестьянивания явились причиной того, что крестьянство оказалось не в состоянии выдвинуть из своей среды революционный авангард, действующий в общероссийских масштабах. «Пророки» и «проповедники», бытовавшие в крестьянской среде, были единичными. Поэтому истинными борцами за крестьянское дело стали представители революционной демократической интеллигенции.

Крестьянские выступления, резко обострившиеся накануне реформы и непосредственно после нее, стали исходным пунктом, почвой, на которой выросло широкое оппозиционное движение, внутри которого сформировалось революционно-демократическое направление. Этому содействовал также и кризис верхов после поражения России в Крымской войне (1853–1856 гг.), приведший к всеобщему недовольству, особенно в разночинной среде. В университетских центрах создавались тайные кружки, где горячо обсуждались злободневные вопросы современности, и в первую очередь положение крестьянства и необходимость реформы реакционного монархического строя. Весной 1861 г. после резкого подъема крестьянского движения создалось тайное объединение революционных кружков¹. В противовес выступавшим против

¹ *Левин Ш.М.* Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX в. М., 1958; *Ткаченко П.С.* Революционная народническая организация «Земля и Воля». М., 1961; *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961; *Виленская Э.С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965; *Волк С.С.* Народная воля (1879–1882). М.; Л., 1965; *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение» в народ в 70-х годах XIX в. М., 1965; Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сборник документов и материалов. М., 1964. Т. 1: 1870–1875 гг.; М., 1965. Т. 2: 1876–1882 гг.; и др.

реформы реакционным помещикам-крепостникам даже либерально настроенные оппозиционеры ратовали за проведение ограниченного и постепенного освобождения крестьян от власти помещиков ради предупреждения государственных потрясений. Против самодержавия и крепостничества особенно резко выступало молодое поколение революционных демократов. Их деятельность определила политический облик первых пореформенных десятилетий.

И революционные демократы, и либералы были представлены прежде всего молодежью, протестовавшей против изживших себя феодально-крепостнических порядков и самодержавного строя. Характерно, что в пореформенную эпоху в России остро встала проблема отцов и детей. Молодые оппозиционеры конца 1860–1870-х годов были активным меньшинством, но именно они пробудили Россию и возвестили о наступлении новой эры в ее истории. Между прочим, с их появлением впервые в истории России возникло в качестве общественной проблемы трагическое противостояние отцов и детей, прекрасно описанное И. Тургеневым, хотя и не с революционных позиций. Эта проблема нашла широкое отражение в произведениях Г. Успенского и других известных писателей, а также в демократической живописи.

В водоворот оппозиционного движения была вовлечена литературная, художественная и музыкальная элита. Вопиющая нищета и забитость пореформенного крестьянства показаны не только в исторических и экономических исследованиях, но наглядно отражены в публицистической и художественной литературе, в живописных полотнах, театральных постановках и музыке пореформенного времени. Именно на этапе оппозиционного демократического движения и под его влиянием складываются проникнутые критическим реализмом и гражданской направленностью великая русская литература и великое изобразительное искусство, отражавшие действительную жизнь народа и его чаяния. Достаточно назвать такие имена, как Н. Гоголь, Л. Толстой, И. Тургенев, Н. Некрасов,

Ф. Достоевский, М. Салтыков-Щедрин, А. Островский, Г. Успенский, В. Короленко, А. Чехов, М. Горький, внесшие огромный вклад в сокровищницу мировой культуры. Важную роль играла и публицистическая литература. Современники зачитывались романом Н. Чернышевского «Что делать?» Образ Рахметова служил путеводной звездой для поколения революционных демократов. Произведения В. Перова, И. Крамского, А. Корзухина, Н. Неврева, Г. Мясоедова, И. Шишкина, И. Левитана, А. Саврасова, Ф. Васильева, В. Васнецова, В. Сурикова, В. Верещагина, И. Репина и других реалистов — это художественная летопись народной жизни в пореформенной России. Реализм проникал в музыку, прежде всего в произведения композиторов «могучей кучки». Широкое оппозиционное движение, охватившее Россию с середины XIX в., привело к расцвету демократической национальной культуры, достигшей самых высоких образцов мирового уровня.

На фоне оппозиционного движения разночинной интеллигенции появилось и первое *профессиональное* революционное поколение, определившее характер исторической эпохи. Преемниками этого поколения стали революционные поколения начала XX в. Как уже отмечалось выше, это поколение вышло не из традиционного крестьянства, а из образованной городской среды: разночинцев, студенчества, части молодых офицеров и передового дворянства. Это было принципиально новое поколение людей России. Наряду со жгучей необходимостью решения крестьянского вопроса, к его возникновению привела также и общая обстановка в стране, несовместимость происходившей модернизации и самодержавно-крепостнического строя, стоявшего на страже интересов землевладельческого дворянства и бывшего камнем преткновения на пути действительного освобождения деревни от помещичьего гнета. Немалую роль в формировании революционного поколения, особенно обучающегося в европейских вузах студенчества, сыграла его связь с зарубежными революционными и профсоюзными деятелями, участниками

Парижской коммуны, членами I Интернационала. Под влиянием Запада развитие революционной мысли в России значительно опережало реальное становление новых форм общественного строя, особенно его промышленной основы. Если в крупных европейских странах, где переход к индустриальной стадии начался за три-четыре века раньше, чем в нашей стране, социалистические и рабочие партии создавались лишь в 60–70-х годах XIX в., то в России первая завязь таковых появилась уже в начале 1880-х годов (группа «Освобождение труда»), когда рабочее движение находилось еще на уровне стихийности, а промышленного пролетариата как нового общественного класса, сознательно заявлявшего о своих правах, еще не было. Таков был результат втянутости России в общеевропейское развитие и становления в ней капитализма второго эшелона.

Первое профессиональное революционное поколение, порожденное конкретной исторической ситуацией в стране, и прежде всего положением многострадального крестьянства, начало формироваться с 50–60-х годов XIX в. При всем непосредственном влиянии на появление этого первого профессионального поколения революционеров реальной обстановки в предреформенной и пореформенной России и одновременных общественных переворотов в Европе важную роль сыграла российская освободительная традиция. Вдохновителями и руководителями молодежного революционного движения выступили дворянские революционеры А. Герцен и Н. Огарев, организовавшие первый центр революционно-демократического движения («Полярная Звезда», «Колокол» и разные непериодические издания). Именно А. Герценом, хорошо знакомым с революционным движением в Европе и передовыми учениями, его объясняющими, впервые к России было применено теоретическое положение о своеобразии движения отставших в своем развитии стран к прогрессу как об общеисторической закономерности. Используя опыт более продвинутых обществ, отставшие

страны могли проходить отдельные стадии в сокращенном виде либо вовсе их избежать. Нараставшее рабочее движение в капиталистической Европе ставило вопрос о неизбежности перехода к социалистической стадии, как считал А. Герцен, Россия могла достигнуть этой стадии, минуя капитализм со всеми его последствиями, отчуждающими человеческую сущность. Отправным пунктом некапиталистического пути развития России должна была стать крестьянская община с ее социалистическими потенциями.

С идеей реальной возможности некапиталистического пути России через общину и революцию выступал другой родоначальник народничества — революционный демократ Н. Чернышевский, возглавлявший «Современник». Редакция представляла второй центр революционной демократии в России. Огромное влияние на молодежное поколение революционеров-разночинцев оказали и другие европейски образованные демократы — Н. Некрасов, В. Белинский, Н. Добролюбов, Н. Шелгунов, Н. Серно-Соловьевич, чьи взгляды, в свою очередь, подверглись влиянию и передовых западных учений, и декабристов. Старшее поколение демократов вобрало все лучшее из идей и свободомыслия предшественников и европейских современников, проявив горячую волю к борьбе за дело народа. Молодое революционное поколение откликнулось на призывы Н. Некрасова, пронизывавшие его поэзию еще в дореформенное время. Приведем одно из самых выразительных: «От ликующих, праздно болтающих, // Обагривших руки в крови, // Уведи меня в стан погибающих // За великое дело любви!» (1860 г.).

Накануне крестьянской реформы в разных губерниях страны появились кружки учащейся молодежи и организации интеллигентов-разночинцев и передовых дворян. После резкого подъема крестьянского движения в 1861 г. ради сплочения всех революционных сил для подготовки крестьянской революции встала задача их объединения в тайное общество «Земля и Воля» (1862 г.). Профессиональные револю-

ционеры составляли достаточно узкую элиту в антифеодальном движении в стране. Им противостояли крепостники-помещики и вся мощь самодержавно-монархического государства¹. Как говорилось выше, принципиальные разногласия разделяли революционных демократов, защищавших кровные интересы крестьянства, и либералов, выражавших интересы торгово-промышленной буржуазии и части дворянства, встававшего или уже вставшего на путь буржуазного развития. Оба направления молодого поколения России объективно были связаны с начавшейся в пореформенное время модернизацией страны. Каждое из направлений оппозиционного движения внесло свой вклад в борьбу с самодержавием и многими сохранявшимися остатками феодального строя, чем объективно способствовало буржуазному переустройству общества. Однако их понимание пути развития пореформенной России радикально расходилось.

Революционные демократы, бывшие в большинстве своем действительно героическими личностями, отдавали все силы борьбе за народное дело, прежде всего крестьянства — самой массовой и самой обездоленной категории российского населения. Они встали на путь крестьянской революции, в результате которой, по их мнению, могло быть построено общество общинного социализма. Главной целью было немедленное и безусловное освобождение крестьян со всею землею, предоставление им действительных гражданских прав. Однако тупиковость их борьбы за осуществление идеалов крестьянского социализма видна уже и из того, что их призывы не находили откликов в деревне. Крестьянство оставалось глухим к агитации революционеров. Показательно, что при хождении народников в деревню крестьяне нередко выдавали их властям. Между европейски образованными революционерами, не щадившими своей жизни ради уничтоже-

¹ *Твардовская В.А.* Аграрный вопрос в консервативной мысли России в 80-е гг. XIX в. // Экономическая история России XIX–XX вв. Современный взгляд. М., 2000.

ния крепостного гнета, и в подавляющем большинстве своем неграмотным крестьянством стояла стена отчуждения. Народники как представители иного общественного класса были чужими крестьянству. Против революционных народников работала исконная общинная формула «мы—они». Крестьянству потребуется почти половина века полукрепостной зависимости и нищеты, чтобы утратить надежды на самодержавный режим и созреть для действительно революционных настроений, для массовых выступлений классового характера.

Деятели либерального направления, в большинстве связанные с земствами, более трезво оценивали действительный ход модернизации страны, ее переход к стадии индустриального развития. Однако предлагаемые ими конкретные меры не учитывали масштабов разорения деревни, ее обезземеливания и обнищания, усиливавшихся по мере социального расслоения крестьянства. Либеральные концепции реально превращали крестьянство в жертву и единственный источник, за счет которого осуществлялось общественное переустройство. Противостояние «крестьяне—помещики» объективно разрешалось либералами в пользу последних, что и было главным пунктом расхождения с революционными народниками. Либералы (К. Каверин, Б. Чичерин, А. Кошелев, Е. Корн, И. Вернадский, А. Унковский, Н. Мельгунов и многие другие) солидаризировались с революционными демократами в вопросе о безусловной отмене крепостного права и сохранении за крестьянами всего земельного надела (или большей его части), но предлагали сделать это *постепенно и за выкуп, при предоставлении многих других (не считая выкупа) льгот помещикам*. Поколение либеральных деятелей в отличие от революционных демократов оказалось не в состоянии разорвать свою связь с привилегированным классом.

Отмеченное различие в позициях по-разному ориентированных слоев молодого поколения России — революционных демократов и либералов — определило их эволюцию на

протяжении всего переходного периода, вплоть до Октябрьской революции 1917 г., а тем самым и их конечные судьбы. Либеральное направление, в составе которого со временем все большее место занимала земская интеллигенция, не сумело изменить свои взгляды на крестьянство. В конце XIX — начале XX в. либеральный лагерь переживал разнонаправленную эволюцию. Часть либеральных деятелей оказались в числе конституционалистов, часть из них примкнули к легальным марксистам или к оформившейся в 1902–1904 гг. партии социалистов-революционеров (эсеров).

Происходившие с прогрессом капитализма перемены в деревне со временем вызвали перемены и в деятельности революционных демократов. Осознание утопичности построения общества крестьянского социализма одних революционных народников привело к соглашательству с либералами, других подтолкнуло к террору, наследниками которого в начале XX в. стали социалисты-революционеры. Наиболее теоретически и политически подготовленная часть народников после неудачи «хождения в народ» поднялись на позиции социал-демократии, передав эстафету и накопленный революционный опыт новому поколению пролетарских революционеров, складывавшемуся с конца XIX в. и окончательно оформившемуся накануне первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. — крестьянской по основной массе участников и основным требованиям.

Общество «Земля и Воля» распалось в 1864 г. В условиях усиления реакции (после покушения 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозова на Александра II) проведение агитационной работы в деревне стало весьма затруднительным. Репрессии коснулись многих выдающихся представителей революционно-демократического движения. Оживление оппозиционного движения началось лишь с конца 1860-х — начала 1870-х годов, когда активизировались выступления петербургского и московского студенчества, а главное — развернулось широкое движение революционных демократов в народ, в деревню. Большую роль в

развитии революционно-демократической мысли в отмеченный период стали играть «Отечественные записки» (1868–1884 гг.), что произошло благодаря переходу журнала к Н. Некрасову, объединившему вокруг себя цвет прогрессивной творческой интеллигенции (М. Салтыков-Щедрин, Г. Успенский, А. Энгельгардт и др.). В 1874 г. появляется вторая «Земля и Воля». Характерное для революционных народников «хождение в народ» свидетельствовало о еще сохранявшейся надежде на то, что они смогут поднять народ, осуществить общественный переворот и установить социальный строй, отвечающий его интересам.

С 1879 г. отчетливо проявляется размежевание в среде революционного народничества, явившееся результатом утраты веры в самостоятельную крестьянскую революцию. Среди значительной части народников стали создаваться организации, пропагандирующие террористические и анархистские тенденции, исключительную роль «критически мыслящей личности». С этого рубежа проявился разброс в политических подходах и методах деятельности разных направлений в революционно-демократическом движении — от наследия Н. Чернышевского и его последователей в 1850–1860-х годах через переходные группы ишутинцев до анархизма и бунтарства М. Бакунина и субъективного метода П. Лаврова и Н. Михайловского. Названные теоретики имели огромное влияние на революционно настроенную молодежь, особенно студенческую, вливавшуюся в ряды народников.

Переход к заговорщически террористическим методам борьбы был реакцией на неудачу «хождения в народ» с целью побудить его к немедленному восстанию и воплощению в жизнь крестьянского социализма — к передаче всей земли крестьянам, ее распределению на общинном праве, мирскому самоуправлению, всенародной выборности власти и т.п. Главным же содержанием крестьянских выступлений в 1870-х годах по-прежнему являлся не общественный переворот, а борьба за конкретные экономические интересы, прежде

всего за землю. Потравы помещичьих лугов, лесов, полей были обычным явлением, особенно в черноземной полосе. Лишь в отдельных выступлениях выдвигались требования уничтожения помещичьих имений, освобождения от выкупных платежей. В 1860–1870-х годах из центральных черноземных губерний началось переселенческое движение далее на юг, в район Нижнего Дона и Кубани. Государственные крестьяне, особенно в Сибири, активно выступали против запретов пользования казенными землями.

В отечественной литературе дана справедливая оценка идеализации народниками сельской общины с ее традиционными устоями, их утопической веры в крестьянский социализм и возможность миновать стадию буржуазного развития. Резкому осуждению обоснованно подверглись терроризм, а также теория, выдвигающая на первый план роль отдельных «критически мыслящих личностей», обязанных оплатить свой долг народу, чтобы побудить его к спасительной революции. Следует заметить, что иллюзия крестьянского социализма сохранялась у многих народников и после их знакомства с деятелями I Интернационала и даже участия в работе последнего. Заслуженной критике подвергались русские бланкисты, отстаивавшие анархическую точку зрения на характер революционной борьбы. Бланкисты делали ставку на революционное меньшинство, которое, опираясь на деревенские массы, выступавшие против помещиков и власти, должно было сменить самодержавное государство на революционное, единственно способное установить справедливый общественный строй.

При всей справедливости критики разных течений внутри первого профессионального революционного поколения в России, к сожалению, не всегда в должной мере учитываются реальные условия исторической эпохи, в которой они действовали. Прежде всего необходимо отдать дань революционным демократам как первому поколению, возвестившему о наступлении принципиально нового этапа освобождения

тельной борьбы в России. Крестьянское сословие представляло безраздельно преобладающую массу населения в стране. Народники явились идеологами крестьянской демократии. Они вышли на историческую арену еще до осуществления промышленного переворота, на стадии первоначального накопления капитала, когда эксплуатация наемных рабочих происходила в наиболее жестоких формах, как, между прочим, и в более развитых странах в свое время. Это обстоятельство во многом объясняет неприятие народниками капиталистического пути развития. Понять неизбежность этого пути для города и деревни и оценить его социальные последствия в то время было трудно. Поколением народников во главу угла была поставлена защита интересов крестьянства — безраздельно преобладавшей массы населения, находившейся в условиях угнетения, страшной нищеты и нараставшего земельного голода. Вырвать крестьянство из тяготевших над ним последствий крепостничества и сословной неполноправности — самая важная и самая неотложная задача пореформенной России.

Несмотря на утопический характер веры в крестьянский общинный социализм, объективно деятельность поколения революционных народников расчищала путь для более прогрессивного (американского) типа модернизации деревни, тогда как либералы отстаивали мучительный для крестьянства путь трансформации феодального помещичьего землевладения в капиталистическое (пруссский путь). Во всех направлениях революционного движения народников, за редким исключением, действовали люди долга и идейности. Это были романтики, жертвенники, поставившие свою жизнь на беззаветную службу народу, и именно эта сторона деятельности поколения революционных народников была воспринята новым поколением революционеров, которое начало формироваться с 80–90-х годов XIX в. и выступило сплоченной массовой организацией в начале XX в., когда индустриальная модернизация России вполне определилась. Существенно из-

менялась и социальная структура страны, вызревали новые общественные силы, готовые иначе ответить на вызов истории.

Органическое вхождение России в общеевропейский регион и отмеченное выше своеобразие развития российского капитализма в виде капитализма второго эшелона породили такой феномен, как формирование революционной идеологии при отсутствии сложившегося революционного класса, что справедливо отмечается во многих исследованиях. Этим обстоятельством объясняются особенности и неудачи двух первых этапов освободительного движения в России. Не только дворянские революционеры, но и поколение революционных демократов 60–70-х годов XIX в., при всей огромной значимости для пробуждения России их борьбы против крепостного гнета и тирании самодержавной власти, не смогли осуществить поставленные цели из-за отсутствия реальной социальной опоры. Два наиболее резко протестующих лагеря России конца 1850-х–1870-х годов (традиционный крестьянский и революционно-демократический разночинный) шли разными путями в борьбе за свободу, гражданские права и землю для трудящегося крестьянства, хотя оба они объективно расчищали почву для развития буржуазного строя. Их общим лозунгом была уверенность, что избавление от феодальной эксплуатации, самодержавно-крепостнического гнета, решение земельного вопроса придет не из города, а из деревни. Вплоть до начала XX в. крестьянские выступления не поднимались до уровня понимания необходимости политической борьбы¹. Объективно их устремление к утопическому идеалу самостоятельного хозяйствования на собственной земле готовило почву не для социалистической, а для буржуазно-демократической революции.

¹ *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг.: Сб. документов. М., 2000.

К 70–80-м годам XIX в. достаточно четко обозначилась исходная фаза промышленного переворота¹. В ряде отраслей, прежде всего в хлопчатобумажной и пищевой промышленности, отчасти в выплавке чугуна, в производстве железнодорожных составов, впервые появляется машинное производство. Началось активное строительство железнодорожной сети. Развивалось банковское дело. Однако народолюбцы, за редким исключением (П. Лавров и его единомышленники), не видели прогрессивности становления индустриального общества и в целом модернизации страны, идущих на смену феодализму. Капитализм расценивался народниками как несправедливый строй, жестоко эксплуатирующий и рабочих, и деревню. Тем не менее российский капитализм прогрессировал и вместе с ним формировался рабочий класс. В таких условиях группа российских студентов, обучавшихся в

¹ До сих пор в отечественной историографии считается общепринятым, что промышленный переворот в России завершился к началу 80-х годов XIX в. Однако в действительности это время скорее можно назвать лишь первым приступом к техническому перевооружению промышленности. Достаточно отметить, что в первые два пореформенных десятилетия крупная промышленность в основном была представлена текстильными и пищевыми предприятиями. Причем из текстильных производств на стадии фабрики находились лишь хлопчатобумажные предприятия. Ткачество же практически оставалось на стадии мануфактуры. Только в ситцепечатании конный привод был вытеснен паровой машиной. И в пищевой промышленности многие предприятия работали в качестве мануфактур. В металлургии переход на машинное производство происходил с большим трудом. Уральская металлургия переживала длительный кризис в связи с заменой принудительного труда на вольнонаемный. В целом российская металлургия с 1860 по 1880 г. снизила свою долю металла с 4 до 2,5%. На машинном производстве (английском) работали лишь Юзовский и Суглинский заводы в Донбассе. С 1880-х годов только появилось производство железнодорожных составов. До начала 1880-х годов во всей крупной промышленности России в расчете на одного рабочего приходилось лишь 0,09 лошадиной силы.

Цюрихе (Л. Фигнер, сестры О. и В. Любатович, С. Бардина и др.), выступила с идеей необходимости связи с рабочими, из которых предполагалось готовить пропагандистов для деревни. Таким образом, к части народолюбцев приходило осознание того, что рабочие являются более политически развитыми и организованными, нежели стихийное крестьянство. Идея цюрихских студентов была особенно привлекательна тем, что пореформенные рабочие в массе своей являлись недавними выходцами из деревни и сохраняли связь с родными местами. В Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Туле, Киеве и в других крупных промышленных центрах народолюбцы создавали рабочие кружки по пять—семь человек. Весной и летом 1875 г. прошли аресты многих народолюбцев и рабочих пропагандистов. Интересно, что в 1876 г. вторая «Земля и Воля» (основатели братья Михайловы, Г. Плеханов, М. Натансон, Н. Морозов и др.) выделила в составе своей организации наряду с группой «деревенщиков», «интеллигентской группой» (прежде всего студенчеством) и специальной группой для борьбы с властями также и «рабочую группу». На этом примере хорошо видно, как меняющаяся историческая обстановка и, в первую очередь, становление рабочего класса вносили коррективы в идейные установки народнического поколения.

После разгрома устроенных для непосредственного общения с народом земледельческих поселений (Поволжье, Украина, Кавказ, Дон и другие места) часть народников сделали основной упор на политические формы борьбы. В 1879 г. вторая «Земля и Воля» разделилась на организацию «Черный передел», сторонники которой по-прежнему продолжали пропаганду своих идей в крестьянстве, и организацию «Народная воля», которая почти целиком ориентировалась на террор. С этого времени террор рассматривался народниками в качестве основного средства политической борьбы в противоборстве с реакционным царизмом. Одна из первых и широко известных террористических акций — выстрел Веры Засулич в

генерал-губернатора Петербурга Трепова (январь 1878 г.). В обстановке нараставшей демократизации общества террористка была оправдана судом присяжных. Террористом был и родной брат В. Ленина А. Ульянов, казненный в 1887 г. за покушение на Александра III. Но это покушение произошло в иное время, когда уже начинало подниматься новое поколение профессиональных революционеров, которое пошло по другому пути, нежели народники. В 1880-х и даже в 1890-х годах их было немного, но в начале XX в. именно они определили собой новую эпоху в российской истории. Это поколение революционеров опиралось в основном на пролетариат как действительно революционный класс в тогдашней России. В полную силу новое поколение революционеров заявит о себе в начале XX в. Вторая же половина 80-х и 90-е годы XIX в. в смысле смены ведущих поколений, определявших направление исторического развития, оказались как бы переходным периодом между распадавшимся народничеством и зарождавшейся пролетарской революционностью.

В условиях нерешенности крестьянского вопроса и даже его обострения поколение народников продолжало еще действовать до конца столетия, но 1880–1890-е годы оказались временем разложения движения, размежевания по разным социальным лагерям. Реформы середины 1860-х годов (судебная, земская, военная и др.) ускорили движение от феодального общества к буржуазному. В условиях развития рыночных отношений все более четко обнаруживалась тенденция раскрестьянивания части населения деревни, в результате чего в сельской местности, с одной стороны, постепенно росло число деревенских богатеев, эксплуатировавших обедневших односельчан, а с другой — расширялся слой полукрепостных батраков с наделом и сельских пролетариев. Важные изменения происходили и в городе, особенно начала 1890-х годов, когда наметился промышленный подъем, а вместе с ним укрепление позиции промышленной буржуазии и рост пролетариата.

Однако в массе своей народники не могли избавиться от анархистского взгляда немедленного захвата власти с целью осуществления крестьянской социалистической революции. К этому их побуждали непрекращавшиеся в 1880-х и 1890-х годах крестьянские выступления. В 1870-х годах было зарегистрировано по 36 выступлений в среднем за год, тогда как в 1880-х — по 73, в 1890-х — по 57. В 1896 г. было 114 выступлений. Шла борьба за возвращение отрезанных после реформы земель, раздел между крестьянами и помещиками лесных массивов и пастбищ, а также разрешение ситуации с переселением. Для громадной крестьянской страны приведенные цифры выступлений действительно небольшие, однако важно и засвидетельствованное ими постоянство, непрерывность крестьянского движения — стихийное, разрозненное, частное по поводам и мелкое по масштабам выступлений, оно никогда не прерывалось, постоянно напоминая о неблагополучии в деревне и неизбежности социальных потрясений.

В условиях двух последних десятилетий XIX в. поколение народников, выступившее первым профессиональным революционно-демократическим движением, не смогло до конца преодолеть присущей ему веры в утопический крестьянский социализм, в возможность России миновать стадию капитализма. Одна часть народников отстранилась от политической борьбы, другая перешла на либеральные, в том числе славянофильские, позиции. Часть народников влились в ряды принципиально нового революционного поколения. Самой яркой фигурой среди них предстает Г. Плеханов (1856–1918), который наряду с М. Натансоном, братьями Михайловыми и В. Осинским был одним из главных деятелей революционной народнической группы, получившей впоследствии название вторая «Земля и Воля». Г. Плеханов являлся организатором пропагандистских сельских поселений в Саратовской губернии. Неудача с попыткой поднять крестьянство на революцию и основательное изучение жизни деревни во время хождения в народ, а также знакомство с западноевропейским

движением и марксистской литературой привели Г. Плеханова к переосмыслению позиций народников, к созданию марксистской организации — группы «Освобождение труда». Г. Плеханов был одним из первых народников, кто положил начало переходу от утопического социализма к социализму научному¹. С 1890-х годов вместе с В. Лениным он подвергал острой критике взгляды легального народничества. Сходную эволюцию пережили П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейч и многие другие народники.

Плехановская группа «Освобождение труда» разработала программу русской социал-демократии, согласно которой главной целью стало завоевание политической власти, уничтожение крупной частной собственности, передача всех орудий и средств производства в собственность общенародную, ликвидация товарного хозяйства и составление единого народнохозяйственного плана. В программе радикально решался аграрный вопрос: передача всей земли крестьянам, свободный выход из общины. Этой программой марксисты превращали крестьянство в надежного союзника рабочего класса.

Следует отметить, что значительная часть народников, особенно тех, кто бывал за границей, достаточно хорошо знали европейское революционное движение. Студенческая молодежь, включившаяся в революционную деятельность в конце 1860-х годов, пыталась отыскать в нем ключи к разрешению российской ситуации. Некоторые российские революционеры (Е. Голеановская, А. Корван-Круковская и др.) принимали участие в деятельности Парижской коммуны. Российская молодежь испытывала огромный интерес к работам К. Маркса и Ф. Энгельса. Некоторые народники лично знали основоположников материалистического учения и участвовали в работе I Интернационала, под влиянием которого

¹ *Полевой Ю.З.* Зарождение марксизма в России. 1883–1894 гг. М., 1959; *Жуйков Г.С.* Группа «Освобождение труда». М., 1962; и др.

была создана «Русская секция Международного товарищества рабочих». Секция была тесно связана с революционной молодежью в России, особенно с кружками чайковцев, ставивших своей целью подготовку широкого социального движения за отмену всех форм частной собственности и самодержавного режима. Однако в целом подавляющее большинство народников остались на позиции крестьянского социализма.

К концу XIX в. социально-экономическая картина России существенно отличалась от той, что была накануне отмены крепостного права и в первые два десятилетия после нее. Усиленное строительство сети железнодорожного транспорта и выкуп государством большей части частных компаний в этой области стимулировали быстрый рост крупной промышленности и серьезные изменения в ее структуре. Наиболее крупные сдвиги в плане индустриального развития России произошли в годы промышленного подъема 90-х годов XIX в. Соответственно изменялась и социальная структура растущего городского населения. Среди наемных рабочих теперь уже существовала значительная прослойка потомственного пролетариата. Существенно расширился слой образованной интеллигенции, сочувствовавшей оппозиционному движению. На очередь дня зримо вставала проблема буржуазно-демократической революции. В России вызревал новый тип революционного движения. Изменились цели и конкретные задачи революционной деятельности. На арену классовой борьбы стал выходить рабочий класс во главе с марксистами.

Новая историческая обстановка, порожденная развитием капитализма и общей модернизацией страны, подготовила смену поколений, олицетворявших собой наиболее прогрессивное начало в общественном движении каждой эпохи. С 1880-х годов на смену распадавшемуся народничеству начинает формироваться новое революционное поколение, заимствовавшее лучшие традиции из наследия революционных народников. Народничество, как первое революционное движение в России, оказывавшее несомненное влияние на

общественное настроение разночинной интеллигенции, особенно студенчества, было лишь авангардным движением, отнюдь не охватывавшим большинство даже в своем возрастном слое. И социальные различия в личных стремлениях, и репрессии (судебные процессы со смертными и каторжными приговорами), конечно, сказывались на поведении широкого круга сверстников. В возрастном поколении, частью которого являлись народники, было больше их противников, а еще больше тех, кто оставался в стороне от противоборствующих «когорт».

Несмотря на малочисленность народников в своем возрастном поколении, их борьба против нищеты и бесправия народных масс, против грубой наглости власти не проходила бесследно. Вспомним чеховского Ивана Ивановича из «Крыжовника» (1898 г.) — сельского интеллигента, прождавшего всю жизнь, когда же настанет время сказать о главном: «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотолюбие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во многих домах и на улицах тишина, спокойствие... ни одного, который бы воскликнул, возмутился...

Я уже стар и не гожусь для борьбы, я не способен даже ненавидеть. Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досаую, по ночам у меня горит голова от наплыва мыслей, и я не могу спать... Ах, если б я был молод!»

Перед нами очень важное свидетельство кануна революции — понимание необходимости самых глубоких и радикальных перемен в жизни общества, подлинное сожаление уходящего поколения о своей непригодности «для борьбы», которую будет вести молодое поколение. И много говорящее восклицание: «Ах, если б я был молод!» Старшее поколение пореформенной России обращалось к первому поколению XX в. с призывом к борьбе, к революции.

Ни революционные демократы, ни тем более либералы не смогли решить коренной крестьянский вопрос. Эта задача

легла на плечи пролетарского поколения революционеров. С развитием капитализма в деревне положение основной массы крестьянства ухудшилось.

Революционный взрыв действительно разразился в самом начале XX в., но не в городе, где формировались новые поколения революционеров, и не организованный кем бы то ни было. Это было стихийное восстание крестьян, неожиданное и для «правых», и для «левых», и для самодержавия, и даже для революционеров. Крестьянские выступления, как мы видели, были постоянным явлением российской действительности. Новое проявилось в 1902 г. Оно состояло в том, что выступление крестьян одного селения по самому заурядному поводу (голодная весна после неурожайного 1901 г., непомерно высокие цены за аренду земли и непомерно низкие цены за рабочие руки, скверные условия труда, произвол и т.п.) служило детонатором для выступления крестьян в соседних селениях, а эти, в свою очередь, детонировали выступления в других. При всем различии поводов выступлений все они своими корнями уходили в крестьянское малоземелье. Новым стал также радикализм крестьянских настроений и требований. Многие выступления сопровождались массовыми захватами помещичьих земель, взломом хлебных амбаров и вывозом зерна, поджогами усадеб, часто принимали характер восстаний с открытым сопротивлением полиции и даже войскам.

Вот характерное описание крестьянских действий в телеграмме одного из пострадавших помещиков на имя министра внутренних дел (1 апреля 1902 г., Полтавская губ.): «Несколько дней совершается систематический грабёж крестьянами помещичьих хлебных запасов, грабят же неимущие. Обыкновенно являются в усадьбу поголовно целые соседние деревни с подводами, с мешками, в сопровождении жен, детей, врываются в усадьбу, требуют ключи от амбаров, при отказе отбивают замки, нагружают в присутствии хозяина подводы, везут к себе... В дома не входят, но что попадетя в амбарах сверх хлеба, все забирают».

Материалы судебных процессов (суду были преданы 1092 крестьянина) позволяют увидеть ту степень отчаяния, которая поднимала деревню на революционные действия, на прямые столкновения с карательными силами: «...Когда потерпевший Фесенко обратился к толпе, пришедшей его грабить, с вопросом, за что они хотят его разорить, обвиняемый Зайцев сказал: „У тебя одного 100 десятин, а у нас по 1 десятине¹ на семью. Попробовал бы ты прожить на 1 десятину земли...“;

Обвиняемый... Киян: „Позвольте рассказать вам о нашей мужичьей, несчастной жизни. У меня отец и 6 малолетних (без матери) детей и надо жить с усадьбой в $\frac{3}{4}$ десятины и $\frac{1}{4}$ десятины полевой земли. За пастьбу коровы мы платим... 12 руб., а за десятину под хлеб надо работать 3 десятины уборки. Жить нам так нельзя...“

Свидетель... показывает, что он на всех сборищах крестьян... всегда слышал одни и те же возгласы: „У нас нет хлеба, нет земли!“»

Высокопоставленный сенатский чиновник писал в Министерство юстиции: «Присматриваясь к длинному ряду лиц, проходящих перед моими глазами на суде... прислушиваясь к их показаниям и говору, я выношу убеждение, что крестьяне утрачены, но вовсе не убеждены. Крестьяне меня поражают еще и не замечаемой в годы моей бывшей службы на местах не то своей одичалостью, не то особой сосредоточенностью. Во всяком случае, недоверчивость к начальству и полная от него отчужденность проглядывают во всем».

Наблюдение о глубоком изменении настроения и поведения крестьян, об их «полной отчужденности» в отношениях с «начальством», с властью подтверждается другими свидетельствами, а главное, последующим ходом событий. *В 1902 г. на историческую сцену открыто выступил новый крестьянин — крестьянин эпохи революции.*

¹ Одна десятинa = 1,09 га.

Полтавская и Харьковская губернии, выделявшиеся помещичьим засильем и крестьянским малоземельем, сыграли решающую роль в событиях 1902 г. За март — начало апреля крестьянское движение охватило здесь 165 селений, оказались разрушенными 105 помещичьих экономий. Движение было подавлено с использованием войск. Случались и прямые столкновения, и огнестрельные залпы по толпе с убитыми и ранеными. Волна крестьянских выступлений в 1902 г. прокатилась и по другим губерниям Украины и России, отличавшимся высокой концентрацией помещичьего землевладения, — Киевской, Черниговской, Орловской, Курской, Саратовской, Пензенской, Рязанской... Всюду отмечались небывалые раньше решимость в поведении крестьян и радикализм их требований.

В России начиналась крестьянская революция, на основе которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г. Деревенские события 1905–1907 гг. освещены в исторической литературе весьма обстоятельно, и это позволяет ограничиться указанием на наиболее важные для данной темы моменты. Движение началось в феврале 1905 г. в той же черноземной полосе (на этот раз с Курской, Орловской и Черниговской губерний) и опять же с изъятия хлебных запасов в помещичьих экономиках и распределения их среди населения окрестных сел, которое в очередной раз встречало весну впроголодь. Первые группы арестованных «грабителей» на вопрос властей: «Чего вы хотели?» — отвечали: «Мы хотели и хотим есть». Однако в марте—апреле 1905 г. с приближением времени посевных работ стало быстро расти число самочинных захватов помещичьих земель (иногда и рабочего скота вместе с пахотными орудиями), и они распределялись среди крестьянских хозяйств для полевых работ.

Осенью 1905 г. крестьянское движение охватывало свыше половины Европейской России, практически все регионы по-

мещицкого землевладения. Всего за 1905 г. было зарегистрировано 3228 крестьянских выступлений, за 1906 г. — 2600, за 1907 г. — 1337. Современники говорили о начавшейся в России крестьянской войне против помещиков, за передачу всей земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом. «Лозунгом восставших... служила идея о принадлежности всей земли крестьянам», — писал Николаю II министр земледелия А. Ермолов, оценивая деревенские события весны 1905 г. Появление карательных сил встречало всеобщее сопротивление деревни, включая стариков и детей: «Берите всех!..», «Бейте нас, стреляйте, не уйдем!..», «Все равно земля наша!»

Движение молодого пролетариата во главе с марксистами с самого начала имело массовый характер. Весьма важно отметить такую его черту, как учет интересов всех эксплуатируемых трудящихся, прежде всего крестьянства. Первые крупные рабочие стачки на мануфактурах, фабриках, среди шахтеров Юзовки, горнозаводских рабочих Урала и других мест, происходившие с середины 1880-х годов, на первых порах были чисто стихийными, но с ростом самосознания рабочего класса экономическая борьба перерастала в политическую. В рабочей среде быстро росло число грамотных и имеющих образование, передовые рабочие постепенно смыкались с марксистской революционной интеллигенцией. В России возникали первые марксистские кружки, в которые вовлекалось все большее число рабочих. Таким образом подготавливалась почва для выхода на общественную арену нового поколения борцов против бесправия и эксплуатации народных масс. В условиях эгоизма и бездарности господствовавшей элиты, ее отказа решать назревшие и перезревшие социальные вопросы нарастала новая волна освободительного движения, складывалось второе поколение профессиональных революционеров, перенявших эстафету у революционных народников.

Рабочее движение поддерживало борьбу против любых форм угнетения. Марксисты вырабатывали общенародную

программу свержения самодержавия и эксплуататорского буржуазного строя. Во главу угла ставилась борьба с самодержавием, поскольку именно с помощью захвата в свои руки политической власти можно было совершить социалистический общественный переворот. В марте 1898 г. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» провел I съезд РСДРП, который принял решение об объединении всех рабочих организаций в единую партию, вставшую во главе борьбы пролетариата.

Таким образом, в обстановке утверждавшегося капитализма и в то же время продолжавшейся и даже нараставшей борьбы крестьянства с помещиками за землю, т.е. при наличии и росте двух видов социальных противоречий в стране, шел общий мощный поток борьбы против тирании самодержавия, удерживавшего сословные ограничения и другие пережитки феодально-крепостнического строя, в том числе крупные помещичьи латифундии, занимавшие более $\frac{1}{5}$ части всего частного землевладения. В этой борьбе выкристаллизовывались два оппозиционных господствовавшему самодержавному режиму направления, с одной стороны, революционное пролетарское во главе с марксистами, к которому примыкало левое крыло народников, с другой — либеральное буржуазно-демократическое.

С углублением процесса буржуазного расслоения крестьянства, выделением на одной ее стороне мироедов-богачев, а на другой эксплуатируемых батраков-полупролетариев постепенно уходил в прошлое и общинный крестьянский социализм. Будучи объективно выразителями мелкобуржуазной крестьянской демократии, народники превратились теперь в идеологов средних слоев крестьянства. Теоретические построения и конкретные программы народников явно проигрывали в сравнении с революционной марксистской программой, охватывающей интересы трудового народа в целом. Большинство народников перешло на либеральные позиции культурно-просветительной деятельности в деревне (учите-

ля, фельдшера, агрономы, земские статисты и т.д.)¹. С развертыванием массового стихийного движения крестьянства в преддверии буржуазно-демократической революции начала XX в. произошел новый всплеск активности народников. Из разрозненных народнических групп и земских кружков в начале XX в. сложились политические партии социалистов-революционеров (эсеры), народных социалистов (энесы), трудовиков, принявших активное участие в событиях народной революции 1905–1907 гг. и в работе Государственной Думы (сбор наказов и т.д.). Однако в дальнейшем, в обстановке усиления революционной борьбы пролетариата, идеализация крестьянина-средняка и утопичность достижения крестьянского социализма, составлявшего главный пункт теоретических и идеологических построений народников, повели к прогрессирувавшему спаду их былой революционности. Молодое марксистское направление и уходящее с исторической арены поколение народников и новое молодое поколение пролетариев, ведомое марксистами, все более отчетливо размежевываясь, прошли через буржуазно-демократическую революцию 1905–1907 гг., февраль 1917 г., и противостояли друг другу в октябре 1917 г. и в Гражданскую войну. Передовому революционному поколению, в составе которого ведущая роль принадлежала пролетариату, пришлось решать не только собственно пролетарские, социалистические, но и общенародные буржуазно-демократические задачи.

¹ *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; *Симонова М.С.* Земско-либеральная фронда, 1902–1903 гг. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91; *Шаццлло К.Ф.* Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне первой русской революции, 1901–1904 гг. // Там же. М., 1976. Т. 97; *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; *Она же.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной жизни. М., 1985; *Дякин В.С.* Земство и самодержавие в третьиюньской монархии // Вопросы истории России конца XIX — начала XX в. Л., 1983; *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990; и др.

Важно подчеркнуть, что ведущая роль пролетарского поколения вытекала из особенностей российского капитализма как капитализма второго эшелона¹. В отличие от Запада в России относительно быстрое становление высокоиндустриальных форм промышленности и одновременное оформление заимствованных экономических институтов (синдикаты, картели, тресты, разветвленная банковская система, сращивание банковского капитала с промышленным и др.) происходили при огромном преобладании на периферии во многом еще традиционных укладов. Эта особенность общественного строя России, и прежде всего наличие в центре страны массы крестьянства с его не решенным со времени реформы 1861 г. вопросом о земле, неизбежно сказалась на своеобразии поколенческой истории.

Достаточно малочисленное в 80–90-х годах XIX в. революционное поколение в начале XX в. во главе с марксистами превратилось в широкое движение борцов за народную свободу и ликвидацию всех видов эксплуататорской собственности. Это была уже новая волна революционно-демократического движения, вбиравшая в себя представителей интеллектуально подготовленной пролетарской молодежи. В отличие от народников эта волна революционеров включала уже значительную массу представителей своего возрастного слоя. Имея прочную основу в лице растущего российского пролетариата, именно эта волна революционеров-марксистов смогла возглавить Октябрьскую революцию как революцию рабоче-крестьянскую — народную. В результате этой революции земля была отдана крестьянам и ликвидированы классы помещиков и буржуазии. Большая часть борцов этой волны революционного движения пали во время стачек и восстаний, погибли в тюрьмах, ссылках и на каторге, в массе своей полегли на полях Гражданской войны 1918–1922 гг. Оставшаяся часть революционеров после окончания Гражданской войны ввели нэп и разработали программу строительства

¹ *Тарновский К.Н.* Указ. соч.

социализма, которая во многом была сломлена вместе с ликвидацией нэпа в конце 1920-х и репрессиями 1930-х годов. Однако дети революции твердо стояли на позициях социализма. Именно они в массе своей защищали страну в Великую Отечественную войну и погибали на фронтах. В немалой части они сгинули и в лагерях ГУЛАГа. Выжившие стали активными участниками движения «шестидесятников».

Начиная с 1902 г. и до конца Гражданской войны в революционных и контрреволюционных событиях, включая прямые столкновения, и в городе, и в деревне участвовали разновозрастные поколения, противостоящие друг другу «от мала до велика». Конечно, без труда выделяются возрастные группы вооруженных сил, глав хозяйств (семей) в стихийных выступлениях крестьян, хотя и в том и в другом случае возрастные группы будут включать представителей далеко не одних поколений. Сказанное не означает, что возрастные поколения полностью утрачивают значение для людей в условиях общественных потрясений, они сохраняют свою роль в личной жизни, прежде всего внутри семейной.

• • •

Поколенческий анализ несомненно может дать полезные результаты для познания исторического процесса. Наиболее значим поколенческий анализ для исследования общественных движений и революционных событий. Появление новой идеологии и нового видения общественного развития чаще всего связано с вступлением в жизнь нового поколения. Отказ от старых представлений, стилей и методов, зарождение новых подходов в литературе и искусстве также проявляются вместе с молодыми силами, что особенно отчетливо видно в пореформенной России. Молодежь наиболее способна к усвоению новых веяний и первой (иногда даже преждевременно) отзывается на вызов времени. В известном смысле можно сказать, что молодежь выступает как бы двигателем общественного прогресса, хотя в действительности моло-

дежное новаторство — плод всего предшествующего хода исторического развития и предшествующего поколения. Новые поколения решают те задачи, которые подготавливаются ходом исторического развития. Особенно ярко эта функция новых поколений проявляется на стадии становления промышленного развития. В современном постиндустриальном обществе, где огромную роль играет образование и наука, с новаторскими идеями и выступают взрослые поколения.

ПОКОЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ XIX ВЕКА

Д. И. Олейников

1. Появление понятий, появление теорий...

Похоже, почти до самого конца XVIII в. в России не существовало поколений в социокультурном, «мангеймовском» смысле слова. Это было связано с подавляющим господством традиционного мировоззрения доиндустриального общества. При таком мировоззрении сама история воспринимается не как привычное, по крайней мере до недавних пор, необратимое движение от худшего к лучшему, по пути прогресса, а как однообразный в своем постоянстве круговорот эпох. Этот круговорот больше всего похож на бесконечную смену времен года. Отсюда и смена поколений — лишь круговорот «времен жизни»: детство-весна сменяется летом-молодостью, потом приходит пора плодоношения — осень-зрелость, затем наступает зима жизни — старость. С точки зрения смены социальных ролей происходит примерно такой же «круговорот» внутри патриархальной семьи: дети — отцы — деды.

Первым поколением, осознавшим себя как некое особенное явление в истории общества, стало, похоже, «поколение Наполеона» — ровесников и почти ровесников великого кор-

© Д. И. Олейников, 2005

сиканца, родившегося в 1769 г. В европейском масштабе это поколение совпало с распространением идеи прогресса в истории (Кондорсе Ж.А.Н. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. 1795) и, конечно, с Французской революцией. Применительно к России поколение ровесников Наполеона — это первое поколение «непоротых дворян», рожденных вскоре после объявления «Манифеста о даровании свободы и вольности российскому дворянству». С первого поколения «непоротых дворян», попавшего на слом одной из давних сословных традиций — обязательности служения монарху, — возможно, начинается конфликт «отцов и детей» — дети не хотят «вращаться» в традиционном круговороте патриархальной семьи, не хотят играть роли, предписанные традиционным обществом. Быть может, самый известный в наше время представитель этого поколения — Н. М. Карамзин. Между прочим, известны его восхищение и увлечение Наполеоном в самом начале XIX в. — во времена издания им «Вестника Европы». Об этом вспоминал С. Н. Глинка: «С отплытием Наполеона к берегам Египта мы следили за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой; его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших был тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Но не одни мы так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился тогда с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом. [...] На чреде консула он казался нам потомком Камиллов, Фабрициев и Цинцинатов»¹.

Высказываясь о другом ровеснике императора французов, драматурге Владиславе Озерове (эдаком Радзинском ранней Александровской эпохи), Д. Блудов, известный деятель уже николаевской эпохи, и определит поколение. На вопрос академика Грота «в каком году родился Озеров» он ответит «в один год с Наполеоном»². «Блудов назвал не только дату, но дал наименование озеровскому поколению», — говорил био-

¹ Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 194, 214.

² Гордин М.А. Владислав Озеров. Л., 1991. С. 18.

граф драматурга М. А. Гордин. Он же отмечал, что «Озеров принадлежал к наполеоновскому поколению не потому, что был одногодком Наполеона, а потому, что был его духовным ровесником. Их поколение употребило свои десять—пятнадцать лет, которые всякий раз даются молодым людям, чтобы совершить то, чего не делали до них и не сделают после (а потом уже подрастают дети и начинают примерять жизнь на себя), — употребило на то, чтобы научиться новому, небывалому еще презрению к жизни»¹.

На время социализации Карамзина и Озерова (конец XVIII — начало XIX в.) и приходится начало «раздачи» титулов поколений. Впрочем, у самого Карамзина на всю «Историю государства российского», вкуче с кратким продолжением — «Запиской о древней и новой России», — слово «поколение» встречается только один раз и то как синоним понятия «династическое колено». Зато в сочинениях А. С. Пушкина это уже достаточно распространенное понятие². Пушкин же предложит рассматривать как поколение, например, «птенцов гнезда Петрова».

Первые попытки теоретического построения истории как смены поколений относятся примерно к концу 50-х — началу 60-х годов XIX столетия. В соотношении с появлением самого понятия промежуток в 50 лет подтверждает давно подмеченную историками идей закономерность: около 50 лет проходит между появлением понятия и его широким распространением, применением в качестве термина и т.п. Н. Чернышевский, давший хрестоматийную фразу «история есть смена поколений», сейчас вышел из исследовательской моды — в знак неприязни не столько к нему, сколько к обезоб-

¹ Гордин М.А. Указ. соч.

² Появление оцифрованных текстов всех крупных русских классиков XIX в. позволяет с помощью компьютера очень быстро проводить контекстный поиск любых слов или, точнее, словоформ. Иногда случаются курьезы: при поиске у Пушкина слова «нация» компьютер выдал в качестве примера наиболее частого употребления нужного словосочетания слово «ассигнация».

разившим его вульгаризаторам советской эпохи. Тем не менее его построение истории поколений (которые он воспринимал как социологические единицы измерения) оказывается в основе отечественной традиции рассмотрения истории поколений. Видный идеолог демократии исходил из того, что все перемены, происходящие в физическом или умственном состоянии народа, есть «сумма перемен, происходящих в состоянии отдельных людей»¹. «Чтобы, — писал он, — совершилось в обществе что-нибудь важное, новое, нужно большинству общества составиться из новых людей, силы которых не изнурены участием в прежних событиях, мысли которых сложились уже на основании достигнутого их предшественниками результата, надежды которых еще не обрезаны опытом». Чернышевский полагал, что «простому арифметическому закону физической смены поколений» деятели предшествующего периода в среднем через 15–16 лет или вымрут, или одряхлеют и на смену им придут люди, бывшие «при начале периода юношами или детьми»². Чернышевский, быть может, еще и потому был популярен у студенческой молодежи, что именно на нее возлагал свои надежды на свершение исторического прогресса. Он был уверен, что именно молодежь примерно через каждые 15–16 лет принималась за реализацию почему-либо сорванного их предшественниками преобразования или выходила со своими идеями. («Своими» слово, важное для понимания разрыва мышления Чернышевского и его почитателей с круговоротом традиционного общества.) Чернышевский говорил, что указанная им «периодичность замечена всеми в событиях новой французской истории, но она также видна во всех тех веках и странах, которые особенно важны были для прогресса». В качестве примера он приводил историю Франции от «Большой революции» 1789 г. до революции 1848–1849 гг. и отмечал, что за прошедшие 49 лет «отжили свой век два поколения» и «четыре раза сменялось большинство взрослых людей». Эти четыре смены

¹ Чернышевский НГ. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 882.

² Там же. Т. 6. С. 15–16

поколений, которым, по Чернышевскому, соответствуют четыре смены внутренней жизни Франции: революция (11 лет), империя Наполеона (14 лет), Бурбоны (16 лет), Орлеанская монархия (18 лет). Те же периоды Чернышевский отыскал и в истории Англии: 17 лет от окончания наполеоновских войн до парламентской реформы 1832 г., затем 14 лет до отмены хлебных законов и т.д. И в этой стране, обошедшейся в XIX в. без революционных потрясений, «видим тот же средний срок, около 15 лет, для смены одного характера государственной жизни другим, срок, в который прежнее большинство общества заменяется другим большинством из нового поколения»¹. Таким образом, Чернышевский считал, что вывел важный универсальный закон: каждое новое поколение, как правило, выходит на совершенствование общественных учреждений со своей идеей, то близкой, а то и совершенно противоположной идее предшественников. Под влиянием идей Чернышевского была написана одна из первых радикальных прокламаций эпохи Великих реформ. Она называлась «К молодому поколению» и представляла собой радикальную интерпретацию теории Чернышевского. «Молодое поколение!.. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию, вы настоящая ее сила, вы вожаки народа... Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы...»²

Любопытно, что прокламация (ее автором был Н. Шелгунов) начиналась со стихотворения декабриста Рыльева. Не в этом ли довод о сохранении преемственности поколений?

2. Гамлеты и донкихоты

Определить самосознание поколений XIX в. эмпирически чрезвычайно трудно, хотя бы из-за отсутствия репрезентативных массовых источников. Однако для попытки реконструкции

¹ Чернышевский НГ. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 16, 17.

² Шелгунов НВ. и др. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 335, 339.

такого самосознания можно использовать методикку герменевтики. Будем основываться на том, что помимо рационального восприятия окружающего мира существует еще и его эмоциональное переживание. Оно оказывает сильное установочное, предрациональное (по Гадамеру, *Vor-Urteil* — «предрассудочное») влияние на мировоззрение той или иной личности. Восстановить, некоторым образом смоделировать такое переживание, возможно с помощью сопоставления сложившихся в интересующую нас эпоху поведенческих стереотипов с теми яркими литературными образами, восприятие которых исследователем носит и рациональный (вследствие сложившейся традиции литературоведения), и эмоциональный (вследствие художественного мастерства создателей этих образов) характер.

Безусловно, не всякий, даже яркий литературный образ можно использовать для подобной типологизации. Однако образы Гамлета и Дон-Кихота настолько оторвались от своего литературного «хронотопа», настолько широко обобщают противоположные поведенческие типы, что вполне подходят для поставленной задачи. Как замечал И. Гончаров, Гамлет У. Шекспира и Дон-Кихот М. Сервантеса «поглотили в себя почти все, что есть комического и трагического в человеческой натуре»¹. Попытки сопоставления этих образов в российской мысли относятся к эпохе кануна Великих реформ (В. Белинский, И. Тургенев), и действительно, фактический материал позволяет увидеть Гамлета и Дон-Кихота взглядами двух разных поколений: декабристов и «идеалистов 30-х годов».

Достаточно важным представляется то, что в России первой половины XIX в. герои Сервантеса и Шекспира были хорошо известны, по крайней мере, в образованном обществе. Уже на рубеже XVIII–XIX вв. «Дон Кихот» находился в библиотеке каждой дворянской усадьбы, причем как на французском языке, так и на русском в переводах². По подсчетам

¹ Гончаров ИА. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 367.

² Дмитриев СА. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854. С. 26.

Е. Любимовой, в 1769–1931 гг. в России вышло 32 издания «Дон Кихота»¹. Шекспировский «Гамлет» был запрещен цензурой в 1762–1809 гг. (формально за цареубийство, неформально — за слишком явные параллели с судьбой Павла Петровича), но тем охотнее читался, а в 1830-е годы пользовался большой популярностью у столичной, т.е. московской и петербургской, публики². Таким образом, рассматриваемые поколения и с Дон-Кихотом, и с Гамлетом были хорошо знакомы и не раз сопоставляли их, приходя, впрочем, к противоположным оценкам.

Декабристы, в отличие как от предшествующих (И. Крылова, Н. Карамзина), так и последующих поколений (например, Н. Михайловского), воспринимали прежде всего положительные черты Дон-Кихота. «Славный Сервантесов рыцарь печального образа» — говорил о нем В. Кюхельбекер³. А Пушкин писал, что «в Радищеве нельзя не признать политического Дон-Кихота... действующего с энергией удивительной и с рыцарской совестью»⁴.

Кюхельбекера же в мистерии «Ижорский» герой, с которым автор себя порой отождествлял, восклицает в конце:

«Послушайте и смейтесь: кровь
И жизнь отдать, принять крещения муки
Мне что-то хочется за веру, за любовь,
За правду и свободу...
...Я на корабль в Одессе сяду
И донкишотствовать отправлюся в Элладу!»⁵

Крайне важны факты самоотождествления ряда дворян с сервантесовским героем. На дальнем рубеже декабристской эпохи М. Муравьев, отец декабристов Муравьевых, в письмах к сестре А. Луниной, матери декабриста Лунина, отождествлял

¹ Сервантес и мировая литература. М., 1969. С. 181.

² История русского драматического театра. М., 1987. Т. 3. С. 181.

³ Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983. С. 131.

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1937. Т. 12. С. 352.

⁵ Кюхельбекер В.К. Избр. произв. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 272.

себя с Дон-Кихотом, называл себя «странствующим рыцарем»¹. На ближнем краю эпохи В. Печерин говорит, что ведет свой род от знаменитого предка, «пресловутого рыцаря Ламанчского, воспетого Сервантесом»². И симпатии, и самоотжествление возможны из-за совпадения ряда черт, характеризующих и литературного героя Сервантеса, и представителей поколения декабристов. Во-первых, это «мощное воздействие слова на поведение, знаков на быт», подмеченное Ю. Лотманом в отношении декабристов³. У Сервантеса на этом основывается сам сюжет романа. Во-вторых, это верность идеалам древнего рыцарства, каким оно показано в исторической беллетристике того времени. Такая верность — норма поведения для Дон-Кихота: «Он почел благоразумным и даже необходимым, как для собственной славы, так и для пользы отечества. Сделаться странствующим рыцарем... и... начать заниматься тем же, чем, как это было известно ему из книг, странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет»⁴. Стремление подражать героям древности характерно и для молодых русских офицеров 1812 г. М. Муравьев в мемуарах отмечал роль «повествований о подвигах древних рыцарей и примеров воинской доблести, почерпнутых при чтении жизни героев» для воспитания воинского духа⁵. Общество «Орден русских рыцарей» М. Орлова, героическая поэзия К. Рыльева подтверждают стремление декабристов подражать благородным книжным героям. Именно благородным и книжным, что показывает сам характер восприятия Средневековья тем поколением. Вот как писал А. Бестужев-Марлинский: «Эпоха была самая драматичес-

¹ Цит. по: *Багно В.Е.* Дорогами Дон-Кихота. М., 1988. С. 296.

² *Печерин В.С.* Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX века: Мемуары современников. М., 1989. С. 211.

³ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 355.

⁴ *Сервантес М.* Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский: Пер. Н. М. Любимова. М., 1978. Т. 1. С. 23.

⁵ Русские мемуары. 1800–1825. М., 1989. С. 79–80.

кая, самая поэтическая, жизнь не текла, а кипела в этот век набожности и любви, век рыцарства и разбоев. Охотничьи рога гремели в лесу без устали. Вдали роптало аббатство вечерню звоном колоколов. Турниры соединяли воедино красоту и отвагу. Странствующие рыцари ломали копья на всех перекрестках»¹.

Параллели возникают даже в видении истории Дон-Кихотом и декабристами. Речь Дон-Кихота о золотом веке (ч. 1, гл. 11) отражает его восприятие истории как количественных изменений, приводящих к усложнению и ухудшению человеческих отношений в обществе (кстати, не эта ли глава — первоисточник для Константина Леонтьева?). Древние времена, собственно «золотой век», пример наибольшего приближения общества к идеальному. Среди основных достоинств «золотого века» — чистота нравов, обуславливающая свободу и независимость людей. Именно из такого видения истории вытекает и мотивация человеческой деятельности: главное, по Дон-Кихоту, всемерно способствовать возвращению человечества в состояние «золотого века» путем борьбы с порчей общества, с восстановлением попорченной справедливости, а также путем соблюдения неукоснительной нравственности. «Мой долг — вступаться за тех, кто в заступлении нуждается, и выручать угнетенных» — так говорит Дон-Кихот (ч. 2, гл. 27). Восприятие истории декабристами, хотя и базируется на идеях Просвещения (а может, именно поэтому), в общем, схоже с восприятием Дон-Кихота. Теория «естественного права» подразумевает некий «золотой век», где все люди равны между собой и, стало быть, свободны. Для декабристов «золотым веком» России была эпоха «древнерусского вечаевого правления», они «мечтали перенести ее в настоящее» — утверждают современные историки философии².

¹ Московский телеграф. 1832. № 32. С. 545.

² *Галактионов АА, Никандров П.Ф.* Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989. С. 230.

Любопытно, что отношение окружающих к Дон-Кихоту как к слабоумному также находит свои аналоги в декабристскую эпоху. Язвительный Н. Греч вспоминал, что «Рылеев был не злоумышленник, не формальный революционер, а фанатик, слабоумный человек, помешавшийся на пункте конституции»¹. И. Якушкин говорил о соседях-помещиках: «Смотрели на меня, как на чудака»². Император Александр I как-то заметил об А. Муравьеве, полемизировавшем с харьковским помещиком В.Каразиным в пользу возможности освобождения крестьян: «Дурак, не в свое дело вмешался»³.

Три грани сервантесовского героя открываются внимательному читателю: грань Алонсо Кихано Доброго (положительно прекрасного человека), линия рыцаря Печального Образа (высокое начало самопожертвования) и линия Дон-Кихота Ламанчского (отсутствие чувства действительности)⁴. Те же три грани открываются и перед исследователями декабристов. Герои поколения — положительно прекрасные люди, готовые к самопожертвованию ради свободы и справедливости. Рылеев восклицает:

Чтоб я молодые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет! Нет! Тому вовек
Со мною не случится!

(Характерно обилие восклицательных знаков.)

И в то же время у декабристов чувство действительности подавляется идеальными образами, которые они себе создали. Их воззрения складываются в эпоху романтизма и могут быть определены как «политический романтизм». Характер-

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 261.

² Декабристы. Избр. соч.: В 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 397.

³ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 223.

⁴ Багно В.Е. Указ. соч. С. 219.

ными проявлениями политического романтизма являются «Конституция» Никиты Муравьева и «Русская правда» Павла Пестеля. Когда П. Пестель, рассуждая с единомышленниками о республиканском правлении, «представлял себе живую картину всего счастья, коим бы Россия, по нашим понятиям, тогда пользовалась», то собравшиеся «входили в такое восхищение и, сказать можно, в восторг», что готовы были «не только согласиться» но и предположить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей».

На создание такой всеобъемлющей картины «светлого будущего», получившей в 1824 г. название «Русской правды», П. Пестель потратил почти десять лет и все равно не успел свести отрывки в целое. Параллельно в Северном обществе разрабатывал свою «Конституцию» Никита Муравьев. Его работа, даже по мнению ортодоксального декабристоведа М. Нечкиной, имела только характер проекта.

В целом при рассмотрении декабристских документов, часто называемых «программными», в глаза бросается особенность, не свойственная действительно программным документам последующих эпох: авторы предложили статическую картину желаемого будущего, практически не отобразив ни динамики ведущих к ней событий, ни путей и методов проведения конкретных преобразований. В этом смысле оба проекта представляли собой не столько программу, сколько умело подобранную по вкусам авторов и несколько «русифицированную» компиляцию элементов европейских и североамериканских политических систем, реальных или умозрительных.

По мнению специалистов, романтизму в целом присущи «абсолютный характер идеалов при осознании невозможности их осуществления в данной действительности и предельно острое переживание этой двойственности бытия». Для политического романтизма декабристов — это абсолютный характер их политических идеалов (свобода и права

личности вместо прав сословий; народное представительство вместо неограниченной монархии) и острое переживание их невозможности в современной России.

Это переживание отразилось в произведениях лидера Северного общества — Кондратия Рылеева, в его стихах:

Несмотря на хлад убийственный
Сотраждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет доблестный Вадим.

И у него же в «Исповеди Наливайко» звучит:

Известно мне, погибель ждет
Того, кто первый восстает
На притеснителей народа.

Судьба меня уж обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Впервые услышав этот отрывок, друг К. Рылеева М. Бестужев был поражен. Он обратился к автору: «Знаешь ли, какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобой?» И Рылеев ответил: «Знаю».

А накануне 14 декабря 1825 г. А. Одоевский воскликнул: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» Еще парадоксальнее высказался один из руководителей выступления Черниговского полка Бестужев-Рюмин: «Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России»¹.

Традиция восприятия декабристов как людей, готовых к самопожертвованию ради свободы и справедливости, но при этом не обладающих чувством реальности, идет от следующего за ними поколения — от «идеалистов 30-х годов». В. Белинский, например, писал, что «комическая сторона Дон-Кихота состоит в противоположности его любимой идеи с требованием времени, с тем, что она не может быть осуществлена в действии, приложена к делу... Дон-Кихот действует, в качестве рыцаря, нелепо и глупо». Для Белинского и Чацкий из «Горя от

¹ Восстание декабристов. Т. 9. С. 49.

ума» (человек декабристского поколения) — «новый Дон-Кихот; мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади»¹. Позаимствовав и развив идею В. Белинского, позже выскажет свои чувства и И. Тургенев: «Дон-Кихот проникнут весь преданностью идеалу, для которого он готов подвергнуться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; саму жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала... Нам скажут, что идеал этот почерпнут расстроеным воображением из фантастического мира рыцарских романов — согласны — и в этом состоит комическая сторона Дон Кихота». Подмеченное Белинским «отсутствие такта действительности» — вот та черта, которая в то время была наиболее очевидна. Поражение декабристов стало символом поражения идей Просвещения в их радикальном виде, тем более очевидное после воцарения в самой Франции Карла X и смены его Луи Филиппом. Духовный авторитет Франции в 30-е годы падает очень низко, по крайней мере для молодого поколения 1830-х годов. Как писал 24-летний Мишель Бакунин: «Вся жизнь Франции есть не что иное, как осознание пустоты и мучительное стремление наполнить ее чем бы то ни было, а все средства, употреблявшиеся для наполнения себя, призрачны и бесплотны».

Молодежь 1830-х годов увидела свои черты в ином герое — в Гамлёте, чей образ оторвался от шекспировского сюжета. Именно тогда вернулась на подмостки театров Москвы и Петербурга «пиеса Шакспира „Гамлёт“». Ударение на последнем слоге свидетельствует о том, что путь пьесы из Англии в Россию лежал через Францию: первые переводы «Гамлета» делались еще в XVIII в. с французских переработок. Присутствующий в трагедии мотив царсубийства приводил на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. к тому, что «Гамлета» дважды запрещала цензура — несложно было усмотреть параллели с печальными исходами царствований Петра III и Павла I. Этим фактом подогревался интерес публики к премьере новой постановки пьесы, состоявшейся 22 января 1837 г. Автор но-

¹ *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 2. С. 238.

вого перевода — Николай Полевой — поразил зрителей современным звучанием пьесы XVII в. Театроведы сходятся в том мнении, что Полевой вложил в текст (правда, за счет вольных его изменений и дополнений) свое переживание драматических событий собственной жизни¹. Это было время цензурных гонений на журнал Полевого «Московский телеграф», закончившихся закрытием последнего за критическую рецензию на патриотическую пьесу Н. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Исполнитель роли Гамлета, великолепный актер П. Мочалов, усилил современное звучание пьесы, поскольку, по признанию Ап. Григорьева, «играл всегда одно веяние своей эпохи» и в этом своем смысле был «один из воспитателей всего... поколения „молодых“ идеалистов»². Резонанс от спектаклей оказался очень сильным — после первых же его представлений (одно из них шло в день дуэли А. Пушкина, другое — на следующий день после смерти великого поэта) появились отклики: Н. Станкевич, 23 года: «У нас много общего с героем пьесы»³, М. Бакунин, 22 года: «Мы созерцаем самих себя»⁴, В. Белинский, 25 лет (этот молодой человек ходил смотреть «Гамлета» по меньшей мере 10 раз в течение года⁵): «Гамлет... это вы, это я, это каждый из нас более или менее»⁶. Гамлет с П. Каратыгиным в главной роли был первым спектаклем, на который пошел А. Герцен, вернувшийся в Петербург из ссылки. Потрясенный до слез и рыдания, он писал Н. Герцену: «Нет, не читать, это надобно видеть... для того, чтобы усвоить себе... Что это за сила гения так уловить жизнь во всей необъятности ее... Прав Гете: его (Шекспира) создание имеет непреложную реаль-

¹ Алтерс Б.В. Театр Мочалова и Щепкина. М., 1979. С. 164.

² Григорьев А.А. Воспоминания. М.; Л., 1930. С. 114.

³ Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982. С. 157.

⁴ Бакунин М.А. Гамлет // Памятники культуры. Новые открытия. 1984. Л., 1986. С. 59.

⁵ Подсчитано по: Оксман Ю.Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.

⁶ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 2. С. 8.

ность и истинность»¹. Н. Огарев признавался в письме к жене: «Гамлет!.. — ведь это я, чисто я»². Ф. Буслаев вспоминал, что как раз в ту эпоху друзья видели в будущем профессоре русской литературы А. Селине «олицетворение Гамлета, разменявшегося по мелочам»³. Для многих день встречи с Гамлетом стал днем осознания самих себя. Подобное ощущение общности с Гамлетом стало возможным потому, что главную нравственную проблему Гамлета молодое поколение восприняло как свою собственную. Гамлет в переводе Полевого переживает: «Наш век расстроен! О, несчастный жребий, зачем же я рожден его исправить?» — «Слышите ли, — восклицал, обращаясь к своим читателям, В. Белинский, — зачем же **Я** рожден его исправить?»⁴ То, что век расстроен, наши герои воспринимали отнюдь не умозрительно. Российское государство стремилось в то время прежде всего к созданию идеально функционирующего бюрократического механизма. Идеалом Николая I была жизнь по уставу⁵. Не укладывающееся в схему поведение молодежи подверглось принудительному регулированию. В 1831 г. был разгромлен кружок Сунгурова в Московском университете, установлен полицейский надзор за общавшимися с его членами студентами Н. Станкевичем, Я. Неверовым, Н. Огаревым⁶. Последний подвергся аресту и ссылке в 1834 г. фактически за вольномыслие. В. Белинский был исключен из Московского университета в угоду принципу «как бы чего не вышло» (на-

¹ Герцен АИ. Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 22. С. 65.

² Гершензон М.О. Образы прошлого. М., 1912. С. 422.

³ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 40.

⁴ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 2. С. 15.

⁵ Об армии, как об идеале, Николай I писал: «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого... все подчиняется одной определенной цели, все имеет свое назначение. Потому-то мне так хорошо среди этих людей, и поэтому я всегда буду держать в почете звание солдата. Я смотрю на свою человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит» (*Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. С. 147).

⁶ ГА РФ. Ф. 109, 1-я эксп., 1833. Д. 150. Ч. 1. Л. 37, 140.

кануне ревизии университета «значительным лицом» из столицы — С. Уваровым), как автор запрещенной цензурой драмы «Дмитрий Калинин»¹. Личное счастье А. Кольцова рухнуло из-за того, что его возлюбленная была крепостной. Узнав о стихах М. Лермонтова «Смерть поэта», Николай I спросил об авторе: «Не помешан ли господин поэт?»² и сослал «бесстыдного вольнодумца» (характеристика А. Бенкендорфа) на Кавказ. К. Аксаков, семья которого бережно хранила традиции патриархальной Руси, воспринимал Россию через образ, навеянный детским сном:

Нет, мечта не изменилась,
 А по-прежнему жива,
 С той поры, как мне приснилась,
 Семилетнему Москва.
 Срок мой краток или длинен,
 Образ врезан вещим сном:
 Площадь Красная и Минин,
 Весь в цепях, перед Кремлем³.

Герценовский образ 30-х годов XIX в. — «темная ночь»⁴. Так видели эпоху люди поколения, помнившие хотя бы вечер царствования Александра I. Они надеялись на преодоление наступивших «мрачных» времен. Осознавая неправомочность, а то и преступность деяний верховной власти, они были озабочены необходимостью доказать, что это именно злодеяния — и не менее, каким-либо решительным действием. Это гамлетовские мотивы:

Ничтожный и презренный человек
 Бесчувственный — молчу, когда я знаю,
 Что преступленье погубило жизнь и царство...⁵

¹ Оксман Ю.Г. Указ. соч. С. 52.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 318.

³ «Русский архив». 1888. Кн. 2. № 9. С. 163–164.

⁴ Герцен А.И. Собр. соч.. Т. 9. С. 139.

⁵ Шекспир В. Гамлет — принц Датский / Пер. Н. Полевого. СПб., 1889. С. 43.

Гамлет хочет знать все наверняка, ибо:

Быть может, привиденье это было
Мечта, коварство духа тьмы?¹

В этом сомнении — мучительность внутреннего противоречия:

К чему мне жизнь? Твердить: я должен сделать
И медлить, если силы есть и воля, и причины...²

С этими мотивами перекликаются стихи ровесника М. Лермонтова, Э. Губера:

Ночи бессонные, ночи мучения,
Скоро ли сгинете вы?
Скоро ли снимете ношу сомнения
С бедной моей головы?³

У другого ровесника М. Лермонтова — М. Бакунина именно под впечатлением от «Гамлета» возникают мысли о необходимости понять преступление и, поняв, действовать: «Злодеяние еще не открыто; совершил же его король, в руках которого сосредоточен и суд, и исполнение суда. И, несмотря на это, оно должно быть открыто, доказанное преступление должно быть осуждено и оскорбленное величество права отмищено и восстановлено в своей неприкосновенной святости»⁴. Но и молодого М. Бакунина сдерживают сомнения: «Время внешней деятельности для меня еще не пришло и... если б оно и пришло, я не знал бы, что делать»⁵. Причина сомнения его в том, что «для того, чтобы действовать, нужно быть уже в истине, дабы действие было выражением и осуществлением истины, а не лжи»⁶. Единственная форма внешней деятельности — критическое отношение к существующему порядку. На него указывал в воспоминаниях о кружке Н. Станкевича К. Аксаков:

¹ Шекспир В. Гамлет — принц Датский. С. 44.

² Там же. С. 77.

³ Антология поэтов пушкинской поры. М., 1988. Кн. 3. С. 294.

⁴ Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. М., 1934. Т. 1. С. 58.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ Там же. Т. 2. С. 48.

«В кружке уже вырабатывалось общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир — воззрение большей частью отрицательное»¹. Член кружка В. Белинский в середине 1830-х годов прививал своему ученику, юноше К. Кавелину то же «отрицательное отношение ко всей окружающей его действительности — социальной, религиозной и политической»². Критицизм по отношению к государству, восхищаться которым и прославлять которое предписывалось, — вот объяснение удивительной и парадоксальной «странной любви» к отчизне, известной по поэзии Лермонтова и перекликающейся с идеями Чаадаева. Чаадаев писал в «Апологии сумасшедшего»: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее, я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что мы теперь прежде всего обязаны Родине истиной. Я люблю мое отечество так, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, я признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают у нас теперь многие дельные умы»³. Критицизм к сегодняшнему дню порождался верой в завтрашний день (а не в возвращение вчерашнего, как у донкихотов). Об этом писал Н. Огарев: «О! Надежда, надежда! Опять я верю в будущность моей родины, опять люблю ее, опять чувствую, что во мне есть жизнь молодая, сильная»⁴.

Отрицательное отношение к действительности проявлялось столь заметно, что зачастую отталкивало от молодежи 1830-х годов декабристов. На Кавказе, где пересекались пути двух столь несхожих поколений, декабристы настороженно

¹ *Аксаков КС.* Воспоминания студенчества // Русское общество 30-х гг. XIX века в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 318.

² *Оксман ЮГ.* Указ. соч. С. 112.

³ *Чаадаев ПЯ.* Полн. собр. соч. и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 533.

⁴ *Гершензон М.О.* Указ. соч. С. 424.

принимали М. Лермонтова. «Сознаюсь, мы плохо понимали друг друга, — вспоминал М. Назимов, — над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали... он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления»¹. Н. Лорер, описывая встречу с М. Лермонтовым, говорил, что увидел холодного, желчного ненавистника рода человеческого, чувствовал себя с ним неловко и расстался холодно.

Сыны другого поколенья,
Мы в новом — прошлогодний цвет:
Живых нам чужды впечатленья,
А нашим — в них сочувствий нет.
Они, что любим, разлюбили,
Страстям их нас не волновать.
Их не было там, где мы были,
Где будут — нам уж не бывать!
Наш мир — их храм опустошенный,
Их баснословье — наша бль...

Так писал в 1840 г. П. Вяземский, ощущавший разрыв двух поколений². В свою очередь, В. Белинский комментировал эти строки: «Мы не можем без живой симпатии читать этих стихов, в которых отжившее свой век поколение, в лице одного из замечательнейших своих представителей, с такой грустной искренностью признает себя побежденным, и, отказываясь делить интересы нового поколения, уже не обвинят его за то, что оно живет жизнью тоже своего, а не чужого времени»³. Это поколение именно Белинский называл «романтическим».

¹ *Висковатый П.А.* Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 303.

² *Вяземский П.А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 33.

³ *Белинский В.Г.* Собр. соч. Т. 7. С. 169.

(Вяземский из «отжившего поколения» пережил Белинского на 30 лет.)

Закрытость Гамлетов перед окружающим — это реакция на попытку введения «единомыслия» в России, проявление «двоемыслия», или, по определению М. Салтыкова-Щедрина, «двоегласия»¹. Слова становятся камуфляжем, скрывающим внутренний мир. Так говорили и о Гамлете:

Расспрашивать себя он не дает
И с хитростью безумства ускользает,
Чуть мы хотим склонить его к признанию
О нем самом².

Замкнутость могли прервать только близкие по духу люди. Белинский восторженно передавал друзьям свой откровенный разговор с Лермонтовым во время посещения поэта весной 1840 г. в Ордонанстаузе. (Лермонтов был посажен туда за дуэль 18 февраля 1840 г. с Барантом.) «Я с ним спорил, и мне отраднее было видеть в его рассудочном, охлажденном, озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сразу сказал ему — он улыбнулся и ответил: „Дай бог!“» — так писал Белинский Боткину³. И. Панаев приводит на память монолог Белинского о той же встрече с Лермонтовым: «Я смотрел на него и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его (Лермонтова) приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким всегда желал его видеть»⁴.

П. Анненков писал о Н. Огареве: «Ошибся бы тот, кто принял бы Огарева, на основании его философии против пошлостей света и его философских трудов, за нелюдима, спо-

¹ Сороковые годы XIX века. М., 1959. С. 180.

² Шекстир В. Трагедии. М., 1983. С. 187.

³ Белинский ВГ. Собр. соч. Т. 9. С. 364.

⁴ Панаев ИИ. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 167.

собного довольствоваться собой и не нуждаться в обществе. Он, выражаясь его словами, полон веры в человечество, в самого себя, в свое призвание»¹.

Но, спрятав от окружающих свой внутренний мир, нужно было все же примириться с существующим строем, хотя бы временно. С этого примирения началось раздвоение пути последекабристского поколения.

Когда и старость падает так низко,
Что ж юности осталось?.. Страшно,
За человека страшно мне!²

Так восклицает Гамлет Н. Полевого, Гамлет 30-х годов XIX в. — в пьесе Шекспира такой реплики не найти. Не умершего по дороге из Персии Печорина ждал путь мрачный, тот же, что достался реальным «героям безвременья» (определение Н. Михайловского), чьи имена если и остались, то только в архивных списках да в позабытых журналах той эпохи. Их сопровождал траурный марш лермонтовской «Думы»:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа...

Монолог Печорина из повести «Фаталист», в котором сопоставляются предки донкихотов и их потомки гамлеты, — это их монолог: «Мы, их жалкие потомки... мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно проходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми и с судьбой»³.

И все же это не было неизбежностью: у Гамлета был выбор, и он это сознавал:

¹ Н. П. Огарев в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 154.

² Шекспир В. Гамлет — принц Датский. С. 67.

³ Лермонтов М.Ю. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 584.

Что доблестнее для души: сносить
 Удары оскорбительной судьбы
 Или вооружиться против моря зол
 И победить его, исчерпать разом?¹

Девиз иного, светлого пути звучал часто в письмах молодого М. Бакунина. Это восприятие сердцем евангельское: «И познают истину, и истина освободит их»². В этом — надежда на лучшее будущее, тот гамлетовский оптимизм, который в пьесе выражен так:

..Он не для того нас наделил божественным умом,
 Чтоб погубили мы его бесплодно...³

«Его во многих отношениях дурное настоящее во многих отношениях обещает прекрасное будущее» — так воспринимали «героя своего времени» Белинский и его друзья⁴. Для них он находится в том «переходном состоянии духа, в котором для человека все старое разрушено, а нового еще нет и в котором человек есть только возможность чего-либо действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем».

Ради познания истины возвысились молодые гамлеты до высот философского духа, отстранились на время от активной «внешней» деятельности, отгородились от жизни томами Канта, Фихте, Гегеля. Осознав несовершенство современного им мира, необходимость его переустройства, люди поколения, входившего в жизнь на рубеже 30–40-х годов XIX в., надеялись вернуться на путь деятельности и сделать слово делом, нащупав хотя бы направление движения к истине. В этом причина того особенного явления, которое Д. Овсяннико-Куликовский в «Истории русской интеллигенции» назвал «философскою жаждою»⁵.

¹ Шекспир В. Гамлет — принц Датский. С. 77.

² См., например: Бакунин М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 209, 315.

³ Шекспир В. Гамлет — принц Датский. С. 69.

⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 134.

⁵ Овсяннико-Куликовский Д. Г. Литературно-критические работы. М., 1989. Т. 2. С. 132.

ПРОЕКТ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»: ДВИЖЕНИЕ ПРОТЕСТА В СССР

В. М. Воронков

В статье обсуждается связь между развитием политического протеста в СССР и перерастанием его в общественное движение, с одной стороны, и изменениями в советском обществе — с другой. В основу аргументации положены высказанные в ряде опубликованных автором работ идеи, которые позволяют посмотреть на изучаемый феномен из новой социологической перспективы. Одна такая идея связана с исследованием особого советского поколения «шестидесятников». Его активность привела к тому, что, во-первых, инакомыслие в советском обществе стало неформальной нормой, по крайней мере одной из норм, а во-вторых, отдельные не связанные между собой проявления имевшего политический характер протеста против существующего режима эволюционировали в общественное движение, позже обозначенное термином «диссидентское». Другая идея, позволяющая по-новому проанализировать движение протеста в последние три десятилетия существования советского режима, связана со спецификой публичного пространства в СССР.

Статья базируется на проведенном автором в начале 1990-х годов историко-социологическом исследовании инакомыслия в СССР (биографические интервью с активистами движения, протоколы неформальных встреч и бесед с ними, анализ 385 анкет, заполненных активистами сопротивления), а также на анализе дискуссии о поколении «шестидесятников» и диссидентстве.

© В. М. Воронков, 2005

Рассматривать сопротивление режиму как общественное движение возможно лишь по отношению к периоду, начавшемуся с 1956 г. В течение 30 лет это движение не являлось однородным по условиям общественной борьбы, но имело определенную целостность. XX съезд КПСС зафиксировал окончание эпохи безоговорочного господства ортодоксального сталинизма. Хрущевская «оттепель» стимулировала распространение не только инакомыслия, но и инакодействия. И то и другое имело место и раньше, но их эпизодичность и изолированность акций не позволяют говорить о сопротивлении тех лет как об общественном движении и о значимом влиянии сопротивления на изменение общественного сознания.

Движение протеста 1956–1985 гг., несмотря на пестроту идеологических воззрений разных групп, следует считать единым движением сопротивления, поскольку объективно главной целью его существования был подрыв монополии КПСС на идеологию и политическую деятельность. Первая фаза движения характеризуется появлением разрозненных групп и одиночек, предпринимавших отдельные акции протеста. Вторая фаза связана с появлением самиздатовского бюллетеня «Хроника текущих событий». В это время, к концу 1960-х годов, сопротивление стало постепенно преобразовываться в коллективный субъект, где между участниками протеста осуществлялась информационная и контактная связь (*network*) с помощью «Хроники текущих событий». Некоторые результаты исследования, где протест анализировался как общественное движение, были изложены ранее (*Воронков В., 1992; Voronkov V., 1993*).

1. Поколение. Социологический подход

Не вдаваясь в подробности дискуссии о поколении, давно ведущейся представителями социальных наук, обратимся к

важному здесь для анализа понятию «**социологическое поколение**». Проблематика социологии поколения сформулирована Карлом Мангеймом (*Mannheim K*, 1970). Мангейма молодежь интересовала как субъект социальных изменений, в отличие от представлений видных адептов структурного функционализма, которые ее рассматривали главным образом как объект социализации, а любые проявления молодежного протеста трактовали как формы девиантного поведения (*Parsons T*, 1942; *Parsons T*, 1962; *Eisenstadt SN*, 1956). В своем анализе я опираюсь на те работы исследователей проблематики поколения, которые вслед за Мангеймом исходили из «субъектной» трактовки поколения.

Изучение социально-исторического развития, особенно в периоды быстрых перемен в обществе, так или иначе наталкивает исследователя на понятие «поколение». Предмет поколенного анализа — изучение «возрастных групп как **агентов социального изменения**, включая интеллектуальные и организационные альтернативы, которые они противопоставляют существующим мировоззрениям, ценностям и жизненным стилям, источники их оппозиции внутри существующего общества и развитие отношений между этими и другими агентами социального изменения внутри их возрастного слоя» (*Lauffer L, Bengtson V*, 1974. P. 186). Поскольку общественное движение обычно рассматривается как агент социального изменения, то в данном социально-историческом контексте особенно трудно провести границу между движением и поколением, о чем я буду говорить далее.

В контексте данной работы важно еще раз подчеркнуть, что я рассматриваю поколение не с биологических позиций, а как социологическую категорию. Проблема поколения лежит в социальной сфере и хотя опирается на представление о жизненном цикле группы, однако к нему не сводится. Если бы не было социального взаимодействия, социальной структуры, истории, то не было бы и социологического понятия «поколение». И оно определялось бы лишь как биоло-

гическое (демографическое) поколение через рождение, старение и смерть конкретных возрастных когорт. Тот факт, что люди родились и выросли одновременно, еще не означает, что они стали поколением в понимании социолога. Простое хронологическое совпадение жизненных циклов поколения не создает.

Поколение — общность людей примерно равного возраста, которые обладают сходными культурными и социальными ориентациями и формами поведения. Такие ориентации формируются в процессе социализации, поэтому принципиальные различия в этом процессе приводят к расслоению и становлению четких социальных границ внутри общности с одним и тем же поколенным статусом. Лишь часть сверстников обладают поколенной взаимосвязью из-за общности волнующих их проблем. И уж заведомо меньшая часть тех, кто мог бы принадлежать к поколению по возрасту, в действительности осознают свое поколенное единство, вырабатывая общую систему ценностей и соответствующие формы деятельности.

Мангейм, а за ним и другие исследователи, считает, что период формирования «характера» поколения начинается в 16–17 лет и заканчивается к 24–25 годам, когда окончательно кристаллизуются общественно-политические взгляды. Юность и ранняя взрослость — важнейший период, когда происходящие события в решающей степени воздействуют на мировоззрение, укрепляя общность жизненного опыта и самосознания поколения.

Влияние происходящих событий на выработку поколенного самосознания получило эмпирическое обоснование. Американские социологи Г. Шуман и Ж. Скотт продемонстрировали, что действительно между поколениями существуют серьезные отличия, связанные с оценкой значимости тех или иных общественных событий. Важность периода юности как критического при формировании поколения подчеркивают следующие обстоятельства. Во-первых, обыч-

но люди не склонны оценивать как важнейшие те события, которые имели место до их рождения. Во-вторых, осведомленность и осознание политических событий развиваются только в ранней юности. В-третьих, большинство людей не считают важнейшими те события, которые произошли уже после того, как им исполнилось 25 лет (*Шуман Г., Скотт Ж., 1992*).

Я придерживаюсь мнения, что, прежде чем исследовать качественные признаки, присущие либо приписываемые какой-либо общности (в данном случае — поколению), необходимо в первую очередь определить границы этой общности. Здесь можно опереться на важную работу Фредерика Барга, который сформулировал и развил соответствующую идею при исследовании этнических групп (*Barth F., 1969*). Исходя из этого, я мог бы определить *социологическое поколение как общность людей, 1) разделяющую определенные культурные ценности и реализующую их в своих культурных практиках; 2) создающую поле коммуникации и взаимодействия; 3) члены которой сами себя идентифицируют как составной элемент поколения (и идентифицируются аналогично со стороны других), приписывая себе (и получая подтверждение этого от других) отличия от других современников.*

Здесь важно сделать акцент на принципе формирования границ, выделяющих анализируемое поколение. Знание границ позволяет достаточно точно идентифицировать принадлежность к поколению, чьи культурные ценности мы пытаемся определить. Границы же возможно определить путем самоидентификации членов поколения и их идентификации с точки зрения других, не относящих себя к описываемой группе.

Поэтому, определяя границы самого специфического в советской истории поколения, «шестидесятников», я опирался во многом на высказывания как представителей поколения о самих себе, так и не относящих себя к «шестидесятникам», об их определении анализируемого сообщества.

2. Границы поколения

Размышления о поколении «шестидесятников» занимают немало места в публицистической дискуссии первой половины 1990-х годов, когда общество пыталось осмыслить феномен «шестидесятничества». Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя.

Множество определений этого поколения отражает различие представлений о типичных чертах «шестидесятников». Каждый автор конструирует это поколение по-своему, приписывая ему те или иные черты. И сразу наталкивается на трудности определения. Типично высказывание одного из авторов, который называет шестидесятые годы «каким-то особым островом в нашей общенациональной советской биографии», также считает это поколение «самым странным и неопределяемым» (Лукиных Н., 1993). Известный публицист Андрей Немзер очень точно определяет дискурсивное значение понятия «шестидесятник»: «Кто это такие, никто толком сказать не мог, слово становилось чем угодно: символом, ругательством, комплиментом, жупелом — но только не термином» (Немзер А., 1992. С. 230).

Чисто идеологический подход к определению «шестидесятничества» — к чему склонен ряд участников дискуссии — лишает последнее поколенческого смысла и делает бессмысленным вопрос о границах: «„Шестидесятник“ — это в первую очередь духовное понятие, представление о человеке, который сопротивлялся лжи и насилию и не изменял своих взглядов из страха или в угоду конъюнктуре» (Романков Л., 1994). Исходя из этого определения, автор отказывается в принадлежности к «шестидесятникам», например, одному из глашатаев и культовых фигур этого поколения поэту Е. Евтушенко.

Однако независимо от разногласий по поводу приписываемых «шестидесятникам» черт, для подавляющего большинства авторов их существование является реальностью.

Более того, ни одно другое поколение не имело столь сильной идентичности (само понятие «шестидесятничество» — самоназвание поколения, вступившего в культурно-общественную жизнь во время хрущевской «оттепели»). Чтобы перейти к анализу границ поколения, я полагаю достаточными доказательства того, что в общественном сознании это поколение существует.

2.1. Границы временные

Осознанно либо неосознанно участники дискуссии чувствуют, что поколение в данном случае — феномен не демографический, речь ни в коем случае не идет о возрастной когорте. С одной стороны, дискурс о «шестидесятниках» предполагает, что они составляли заведомое меньшинство среди сверстников. С другой стороны, заметна тенденция многих авторов раздвигать временные границы поколения за счет представителей других возрастных когорт, разделяющих ценности «шестидесятников»: «Знаменитое поколение «шестидесятников» в СССР, никогда не бывшее поколением в возрастном смысле, так как к нему принадлежат люди разных возрастов, начавшие в шестидесятые «оттепельные» годы проявлять различного рода нетривиальную в условиях СССР социальную активность...» (*Басина Е*, 1994).

Чтобы подчеркнуть значимость событий периода «оттепели», сделавших часть соответствующей возрастной когорты поколением, хочу акцентировать внимание на том, что ранняя социализация этих людей ничем особенным не примечательна. Анализ биографий, в том числе подавляющего большинства собственно участников протеста, показывает, что в детстве и ранней юности «шестидесятники» ничем не отличались от своих сверстников. Воспитывались они в обычных советских семьях.

Вот, например, что говорит о себе один из самых харизматических лидеров поколения Булат Окуджава: «Мои родители, которых я так любил и люблю, — они были фанатич-

ными большевиками... Я ведь сам был «сталинистом», несмотря на то, что у меня репрессировали родителей... Такое было время. В том-то и драма» (Соколов Ю., 1993). Другой кумир «шестидесятников» Е. Евтушенко пишет: «Я ходил вместе с мамой и отцом на демонстрации и просил отца приподнять меня повыше. Я хотел увидеть Сталина. И я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым выпала честь подносить букеты цветов Сталину» (Евтушенко Е., 1988).

Некоторые участники дискуссии справедливо пытаются обратить внимание на особенности процесса социализации поколения, чтобы очертить его границы. К сожалению, формулируют они свои гипотезы, исходя из самых общих соображений. Вот один из типичных примеров: «В раннем возрасте этого социального поколения была война, сделавшая ровесниками людей с пяти-, семи-, а то и десятилетней возрастной разницей. Война же, в первую очередь для воевавших, но и для многих невоевавших также была временем активной самостоятельной деятельности, раннего взросления, зависимости не только от событий, но и от самого сохранения жизни от собственных, личных, индивидуальных сил. Именно этот опыт и дал тем, кто пережил его в адекватном тому возрасте (старше 13 и моложе 30), ту энергию и способность осуществлять себя, которые проявились, как только социальные обстоятельства дали для этого малейшую возможность» (Басина Е., 1994).

Предложенная гипотеза вызывает сомнение хотя бы потому, что война не явилась критерием разграничения поколений в том смысле, который вкладывает в него автор статьи. Войну пережили все, а не только «шестидесятники». Вместе с тем мое исследование показывает, что те, кто назвал войну главным событием в их жизни, а это подавляющее большинство тех, кому было именно «от 13 до 30», принадлежат к предыдущему — «военному» — поколению. Так что, напротив, «шестидесятниками» стали скорее «дети войны», которые праздновали свое совершеннолетие уже после ее окончания.

Попытаюсь очертить временные границы поколения, основываясь на проведенном исследовании. Как я уже упоминал, поколения связаны с общим переживанием важнейших общезначимых событий, которые происходили в период формирования мировоззрения, т.е. в возрасте от 16 до 25 лет. Как для подавляющего большинства участников движения протеста, так и для прочих «шестидесятников» такими событиями, по их рассказам, стали события, произошедшие в очень короткий период времени, а именно в 1956 г. — XX съезд КПСС и все этому сопутствующее, а также, в основном для участников движения, события в Польше и Венгрии. Хотя в постперестроечное время стало «неприличным» упоминать о своих «марксистских заблуждениях» либо о влиянии коммунистических «экспериментов» на развитие собственного свободомыслия, однако эти обстоятельства оказались достаточно прозрачными даже в тех интервью, где об этом не было сказано прямо.

Вот некоторые типичные высказывания известных диссидентов и шестидесятников. «Мы (...) дети XX съезда» (*Марченко А.*, 1993). «Мои сверстники — дети оттепели, но в том смысле, что тогда появилась возможность проявить себя» (*Войнович В.*, 1993). «Доклад Хрущева на XX съезде партии был разорвавшейся бомбой, он в то время посеял надежды, что теперь все будет по-иному. Но в том же 1956 г. Хрущев послал войска на подавление революции в Венгрии... Все иллюзии, все надежды исчезли» (*Попова А.*, 1994). «Я сам продукт 56 года, той эпохи, когда все нынешние веяния возникли. Возникли и потом, к сожалению, сошли на нет» (*Ожуджава Б.*). «Для меня это, в первую очередь, те люди, тот человеческий тип, который сформировался во времена призрачной хрущевской оттепели» (*Романков Л.*, 1994). Выражение «дети XX съезда» стало особенно распространенным публицистическим штампом, а также кличкой поколения.

«Шестидесятниками» стали те представители соответствующих возрастных когорт, которые увидели возможность вы-

бора перспективы, стимулировавшего активную интеллектуальную работу, поиск своего пути. Чаще всего социальная среда не давала возможности выйти за пределы идеологических догм и привычных стереотипов поведения. Во всяком случае, анализируемое поколение объединяет единый социальный опыт переживания событий 1956 г., когда будущие «шестидесятники» были в возрасте от 16 до 25 лет. Исходя из этой гипотезы, которая находит эмпирическое подтверждение, основу поколения составили родившиеся в 1931–1940 гг.

Некоторые высказывания как будто подтверждают это предположение. Родившийся в 1929 г. философ А. Пятигорский говорит: «Сам я — не шестидесятник — Я называю себя человеком сороковых годов, созревшим в пятидесятые» (*Пятигорский А.*, 1995). В этой же беседе литературовед И. Смирнов, родившийся в 1941 г., называет себя «биологическим шестидесятником, но ментально принадлежащим к следующему десятилетию» (Там же).

Если граница, отделяющая «шестидесятников» от предыдущего военного поколения, достаточно ясно очерчена (хотя, вероятно, к «шестидесятникам» относит себя и некоторая часть тех, кто успел совсем юным поучаствовать в войне), то граница, отделяющая их от следующего поколения, далеко не очевидна. Родившихся во время войны тоже следовало бы отнести к «шестидесятникам» примерно в той же пропорции, что и в предыдущих возрастных когортах. Это связано с тем, что «оттепель» имела некоторую протяженность во времени, и хрущевские реформы успели во многом сформировать «шестидесятническое» самосознание и у родившихся в 1941–1945 гг. и даже позже. Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что переживание событий 1956 г. привело к формированию сознания специфического поколения. Однако и весь период непоследовательного хрущевского правления находился под влиянием реформаторских идей, почему ряды «шестидесятников» продолжали пополняться представителями последующих возрастных когорт. Поэтому авторы говорят о «славном десятилетии» (*Аннинский Л.*, 1991)

или о том, что эпоха 1960-х годов хронологически продолжалась с 1957 по 1967 г. (*Библер В.*, 1994) либо с 1956 по 1968 г. (*Глезер А.*, 1994).

Особенности периода конца 1950-х — начала 1960-х годов, кризис тогдашнего общественного сознания не только усилили процесс поколенческой самоидентификации «шестидесятников», но и оказали огромное влияние на тех, кто формально мог бы принадлежать к следующему поколению. Многие родившиеся уже после войны мало отличались от своих старших братьев, испытав сильнейшее воздействие соответствующей среды в процессе социализации. Если «шестидесятники» отказались от ценностей отцов, то следующее за ними поколение, напротив, во многом укрепляло и распространяло ценности отцов-«шестидесятников». В. Турчин отмечает, что «...все мы так или иначе с этим поколением связаны. Песен Булата Окуджавы и Александра Галича, конечно, не поем, но стихи Бродского читаем» (*Турчин В.*, 1993). А один из сегодняшних апологетов «шестидесятничества» прямо заявляет, что 1960-е годы длились тридцать пять лет и закончились в начале 1990-х годов, подразумевая то решающее влияние, которое «шестидесятники» оказали на развитие советской культуры (*Жуховицкий Л.*, 1993).

2.2. Границы социально-пространственные

Хотя одни и те же события формировали мировоззрение всей советской молодежи в соответствующий период, однако явно меньшую ее часть можно отнести к «шестидесятникам». Это связано с различием восприятия этих событий, что зависело от социальной среды, в которой проходил процесс социализации. В общественном сознании восприятие новых идей и образцов поведения оказалось неравномерным не только из-за социально-групповых различий, которые не были столь разительными, но все же существовали. В СССР имели место огромные социальные и культурные различия между столицей и провинцией, городом и деревней, систе-

ма же поселений в целом была строго иерархической. Потому неудивительно, что производили социальные инновации крупнейшие города, в первую очередь Москва и Ленинград, а уже потом эти инновации медленно распространялись по каналам коммуникации (которые были чрезвычайно слабо развиты) по всей стране. Это отмечают и некоторые авторы размышлений о поколении: «„Оттепель“, как и новые стереотипы поведения, стала достоянием прежде всего москвичей» (Высоковский А., 1994). Именно Москвой были ограничены возможности получения актуальной информации, общения с иностранцами, встреч с кумирами. Москва высасывала из провинции почти всех значимых в той или иной области творческой деятельности людей. В столице для них существовали лучшие условия, там был менее жестким контроль властей, там, наконец, формировалась специфическая среда вольнодумства, которая стала питательной средой протеста и «второй культуры».

Столичные жители и провинциалы, не говоря уже о сельском населении, находились в разном социальном времени. Поэтому понятно, что восприятие происходящего очень различалось в разных социальных средах. Это видно и по запаздыванию, с которым провинция копировала репертуар протестных акций, свойственный ранее крупнейшим городам. Если, например, для Москвы рубежа 1960–1970-х годов была характерна полуполегалная диссидентская среда с открытыми подписными обращениями и собраниями, то для провинциальных городов этого времени типичными были только появляющиеся конспиративные организации, занимающиеся в том числе тайным распространением листовок, — этап для столицы пройденный.

Некоторые авторы не ограничивают список городов, где был сконцентрирован «положительный заряд умственной энергии, которым обладала советская интеллигенция», лишь Москвой и Ленинградом, добавляя в него еще несколько названий — Новосибирск, Таллин, Тбилиси (Пятигорский А.,

1995). Однако практически во всех высказываниях границы «шестидесятничества» не выходят за пределы десятка крупнейших советских городов.

Разумеется, новые веяния так или иначе затронули и разные социальные среды в самих крупных городах. В полемике с критиками «шестидесятников» «восьмидесятниками» А. Колесников пишет: «...Не следует всех „отцов“ валить в одну кучу — они у нас очень разные, многие из них не чувствуют родства с теми представителями собственного поколения», которых автор определяет как «прекраснодушных левых интеллигентов» (*Колесников А.*, 1992). Почти все участники дискуссии ограничивают поколение «шестидесятников» интеллигенцией: «Небольшая прослойка оппозиционно настроенной интеллигенции, условно именуемая „шестидесятниками“» (*Павловский Г.*, 1994).

3. Поколенное единство

Поколенное единство (термин К. Мангейма) предполагает осознание своей поколенной общности и выработку соответствующего самосознания. Шестидесятники обладали беспрецедентным поколенным самосознанием. «Шестидесятники многое знали о себе. Знали, что они — поколение. Знали, кто их противники... знали даже то, что они — „шестидесятники“. Это самоназвание, не слишком благозвучное и не очень глубокомысленное, но полное лестных исторических аналогий, они (с легкой руки С. Рассадина) взяли себе с первых же месяцев начавшегося славного десятилетия» (*Аннинский Л.*, 1991).

Хотя впоследствии их пути разошлись, и они даже оказались по разные стороны баррикад, это не отменяет их общности. Конечно, поколение не было чем-то застывшим, неизменным. Напротив, именно это поколение обладало огромной динамикой. Безусловное «мы» времен «оттепели» закономерно эволюционировало к размежеванию. М. Липовецкий пишет об «идее пути» «шестидесятников», отмечая развилки, где пути их расходились. «На первой разошлись „верные ленинцы“ и те, кто разделил идеи и настроения дисси-

дентского движения. На второй произошло размежевание с „почвенниками“» (*Литовецкий М.*, 1991. С. 232). «Шестидесятичество (...) не было ни кастой, ни сектой, было разнородно и разноречиво» (*Берг М.*, 1994).

Несмотря на последующие идеологические противоречия, «шестидесятники» были единым поколением и по структуре сознания, и хотя бы по тому факту, что референтной группой для них являлись именно «свои», т.е. принадлежащие к их поколению. «Их всегда отличало групповое доверие» (*Павловский Г.*, 1994). «В своей книге Синявский ставит себе в заслугу полемику с Шафаревичем и компанией. Но теперь уже ясно, что это был спор между своими, внутришестидесятническая дискуссия, участники которой стояли на принципиально одинаковых позициях» (*Шушарин Д.*, 1993). «Их всегда отличало групповое доверие друг к другу» (*Павловский Г.*, 1994). В целом внутр поколенческие различия оказались не столь существенными, по сравнению с различиями между поколениями.

Это стало особенно заметным в процессе перестройки, которая привела к поляризации в среде «шестидесятников». Оказавшись на противоположных полюсах борьбы за изменение общества, они доверяли скорее друг другу, нежели своим более молодым соратникам, которых они плохо понимали и которых ощущали чужими. Теперешних противников связывала общая поколенческая этика, общие «правила игры», соблюдение которых делало участников дискуссии понятными и предсказуемыми. В пользу этой гипотезы говорит, например, и высказанная в интервью со мной видным русским националистом, одним из лидеров ВСХСОН, противоречивая позиция. С одной стороны, он, сторонник российской империи, враждебно относится ко всем, кто стремится развалить империю, а с другой — он выразил симпатии к литовским националистам — его соратникам по борьбе с советской системой, — с которыми он сидел в лагере и которые стремились как раз разрушить империю, столь симпатичную русскому националисту.

4. Символическая интеграция

Символы играют очень важную роль в процессе интеграции любой общности. Трудно назвать символы, которые были бы характерны для предыдущего или последующего поколения. Для «шестидесятников» характерен набор таких ярких символов, что еще больше подчеркивает их единство.

Иронично, но точно подметил внешние символы, интегрировавшие «шестидесятников», А. Колесников, написавший, что они «чтили Евтушенко, клялись за рюмкой водки пасть сугубо «на той единственной гражданской» (строчка из популярной песни Б. Окуджавы. — *ВВ.*) и с удовлетворением отмечали по утрам перед зеркалом дальнейший рост хемингуэевских бородок» (*Колесников А.*, 1992).

«Поколение шестидесятых вошло в жизнь под флагом поэзии. Так вышло, что именно молодые литераторы стали голосом поколения, паролем и отзывом», — пишет литератор Л. Жуховицкий. Он подчеркивает, что «таких профессий, как социолог и, тем более, политолог, тогда просто не существовало, и аудитория привычно повернулась к писателям» (*Жуховицкий Л.*, 1993). Символы формировались кумирами, принадлежавшими к творческой интеллигенции, которые сами становились символами поколения. Чаще всего называются имена Е. Евтушенко и Б. Окуджавы, несколько реже упоминаются А. Вознесенский, И. Бродский, А. Галич, Р. Рождественский.

Утверждение новых стереотипов жизни распространялось через поэзию, новую городскую прозу и неизвестный ранее, но очень значимый с конца 1950-х годов жанр бардовской песни. «Сначала официальной романтике октябрьского переворота они эффективно противопоставили романтику Э. Хемингуэя и Э. Ремарка. Ковбойки и гитары у костра вытеснили из душ подрастающего поколения революционные маузеры и пыльные шлемы комиссаров (еще одна аллюзия к культовой песне Б. Окуджавы. — *ВВ.*). Молодежь смотрела им в рот» (*Черняков Ю.*, 1993).

Героем становится романтик-горожанин, покоряющий суровую природу, лишь наездами возвращаясь в город. Вот как

описывается тогдашний «нормативный» для «шестидесятнической» среды тип поведения: «Явиться в город из дальних странствий, нагрянуть без предупреждения к „железным“ друзьям, которые всегда ждут»; при этом быть обязательно «бородатым, в тертых джинсах и штормовке — с „запахом тумана и тайги“» (*Высоковский А.*, 1994).

Хотя властителями дум были «лирики», символическими героями поколения стали «физики». Вера в технократический прогресс вызвала моду на физиков, которые были романтизированы в многочисленных романах и кинофильмах (романы В. Каверина «Открытая книга», Д. Гранина «Иду на грозу», фильм М. Ромма «Девять дней одного года» и т.д.). Повсеместно шла дискуссия по поводу роли физиков и лириков в обществе: Поэт Б. Слуцкий сформулировал победу «физиков» в известных строках: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне».

5. Открытость общества и формирование «шестидесятнического» мильё

Многие авторы обращают внимание на особое значение состоявшегося в 1957 г. в Москве всемирного фестиваля молодежи, во время которого москвичи впервые в массовом порядке смогли общаться с иностранцами. Этот фестиваль и другие акции хрущевского руководства не просто демонстрировали «открытость» новой государственной политики (*Высоковский А.*, 1994), но и реально сделали общество достаточно открытым для того, чтобы возникло общественное движение протеста. Изменилась структура политических возможностей.

В первую очередь следует отметить возможность получения зарубежной информации. Чтобы читать строго дозируемые для распространения газеты других социалистических стран, в которых информация была зачастую более обширной и несколько иначе интерпретируемой, молодые люди активно изучали иностранные языки. Стало нормой в определенной среде слушать по радио западную музыку (особен-

но джазовую), что постепенно привело к привычке слушать западное радио вообще. В литературе стали модными Хемингуэй и Ремарк. Началось всеобщее повальное увлечение западом в молодежной «шестидесятнической среде». «Мы хотели жить общей жизнью со всем миром, с тем самым „свободолюбивым человечеством“, в рядах которого еще недавно сражались наши старшие братья» (Аксенов В. — цит. по: *Высоковский А.*, 1994).

Общеизвестным фактом является то, что наиболее глубокие корни инакомыслия поколения пустило в культурной среде. Возникновение и развитие культурного андеграунда было тесно связано с существованием протестного движения. В проведенных интервью постоянно звучал мотив значимости культурных событий для социализации информантов. Дискуссии 1956 г. вокруг романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», травля Б. Пастернака, полемика вокруг журнала «Новый мир», скандалы вокруг художественных выставок, первые публикации А. Солженицына, публичная активность ряда поэтов, сделавшихся культовыми фигурами поколения, стали в ряд с политическими событиями, сформировавшими поколение «шестидесятников».

Часто невозможно указать на границы между культурным и политическим протестом. Полулегальные и нелегальные акции художников, исключительно широкое распространение художественного самиздата, вольнодумство ряда известных авторов, которые в своих произведениях пытались обойти несколько ослабшую цензуру, — все это помогало кристаллизации той самой среды, в которой зародилось движение протеста и которая являлась базой мобилизации ресурсов движения.

Культурная среда тесно пересекалась с академической. А. Пятигорский в своем интервью говорит: «Вспомни феноменальный взрыв моды на науку. Не заниматься наукой было в каком-то смысле неприличным. Это было не только творчество, но и наукомания. Наукомания в России идеализировала Академию — критиков советской Академии наук не было. Это было единственное место, где можно было не просто существовать, а хорошо существовать. В университетах —

тоже, но хуже. А в Академии мы жили наилучшим образом... Академическая ситуация, начиная с Хрущева, очень изменилась. Как в моем присутствии сказал один выдающийся деятель КГБ (и я ему верю, хотя это опять вопрос осознания им своих функций): „Академия нам всегда будет нужна. Лучше уж вы там делайте, что хотите, и нигде больше“» (*Пятигорский А.*, 1995). Относительно большая свобода, которая характеризовала академическую среду, привела к тому, что почти 30% репрессированных пришли в движение из науки (важно отметить очень высокую долю лиц, получивших высшее образование или прервавших его из-за репрессий, — более 70%) (*Voronkov V.*, 1993. P. 945). Не случайно признанным лидером диссидентского движения стал известный ученый академик А. Сахаров.

Огромные изменения в обществе коснулись буквально всех сторон его существования. Новая программа массового строительства дешевого жилья («хрущевки») дала возможность быстро расселить часть коммуналок из кварталов старой застройки больших городов, подавляющее большинство переселившихся впервые столкнулись с неведомым прежде уровнем приватности. Новая жилая среда вызвала новые формы жизни. Возник такой социальный феномен, ставший одним из символов поколения «шестидесятников», как «интеллигентская кухня». «Маленькие кухни стали чем-то вроде семейных клубов, куда набивались большие компании, пели, пили, говорили, работали, писали... Среди горожан появляется тяга к другим, неформальным отношениям, взаимопониманию и глубинному общению. В моду стала входить демонстрация легкости отношений. Все должны были быть знакомыми со всеми, при этом на самом деле круг „своих“ строго отслеживался. Смысл такого поведения заключался в том, чтобы чувство взаимопонимания было запрятано под специальным, как бы ничего не значащим жаргоном, укладывалось в непредсказуемом, слегка абсурдном поведении» (*Высоковский А.*, 1994).

К началу 1960-х годов можно говорить о формировании новой социальной среды — «шестидесятнического мильё», сам факт существования которого имел для советского общества важнейшие социальные последствия.

6. Поколение и протест

То, что большинство диссидентов вышли из «шестидесятников», сомнения у большинства авторов не вызывает. Для А. Пятигорского, размышляющего о поколении и подчеркивающего ошибку «шестидесятников», которые предполагали возможность самореализации в пределах режима, диссидентство было реакцией на эту ошибку, «шестидесятые переросли в политическое движение» (*Пятигорский А.*, 1995).

Б. Окуджава, втянутый в общую дискуссию, говорит о «шестидесятниках»: «Они не были революционерами, баррикад не строили, бомб не бросали. Хотя некоторые и выходили в 1968 г. на Красную площадь, а это требовало немалого мужества. Был А. Сахаров, были Буковский, Гинзбург...» (*Окуджава Б.*, 1993). «Шестидесятники — невероятно разные: тут и тяга к эстраднему успеху, тут и первое диссидентство и начало правозащитного движения, тут и смешные, робкие, иногда наглядные ростки популизма» (*Библер В.*, 1994).

Некоторые авторы даже не видят возможности провести границу между «шестидесятниками» в целом и диссидентами, отмечая в первую очередь то, что их объединяло, а именно «нетривиальная» общественная активность. «Это позволило объединить в общность объективно оказавшихся по разные стороны баррикад, но так или иначе преуспевших или в официальном, или в диссидентском плане (а иногда последовательно и в том и в другом)» (*Басина Е.*, 1994).

Иногда в сознании автора понятия «шестидесятник» и «диссидент» становятся идентичными. «Когда я говорю о шестидесятниках, я имею в виду художественный андеграунд, диссидентов и небольшую часть официальной, но антикон-

формистской культуры... Конформистов же мы не называем шестидесятниками...» (Глезер А., 1994).

Вместе с тем некоторые авторы, в большинстве сами в прошлом диссиденты, напротив, стараются дистанцироваться от «шестидесятников». «В диссидентской среде их не принимали всерьез, относились по-дружески, но полагали конечными для политики людьми» (Павловский Г., 1994).

Однако в проведенных автором интервью с участниками протеста, при обсуждении мотивации участия в движении неоднократно возникал сюжет о ненамеренности такого участия. Иногда типичные инакомыслящие «шестидесятники» в процессе дружеского общения в какой-то момент осознавали, что стали уже фактически «инакодействующими». Нравственные соображения не позволяли им отказаться от друзей, так что в движении они оказывались «случайно».

О невозможности провести границу между поколением «шестидесятников» и диссидентами пишет и такой видный исследователь диссидентства, как Александр Даниэль. Он ясно указывает на то, что именно из «шестидесятников» (Даниэль, правда, необоснованно, на мой взгляд, сильно сужает границы поколения) рекрутировались диссиденты и что «„шестидесятничество“ и диссидентство не могут быть признаны двумя последовательными стадиями единого процесса развития общественного самосознания» (Даниэль А., 2002. С. 56).

Эмпирическим доказательством того, что «поколение диссидентов» практически полностью укладывается в границы «шестидесятничества», являются сделанные мной расчеты протестной активности в различных возрастных когортах по данным о 385 репрессированных в 1956–1985 гг. В движении участвовали представители нескольких возрастных когорт. Одни пришли в движение на излете их жизненной активности, другие отдали борьбе самые продуктивные годы, третьи участвовали в сопротивлении совсем юными. Приведу собранную статистику дат рождения репрессированных в исследуемый период (Voronkov V., 1993. P. 944):

Период, включающий год рождения репрессированного	Доля в общей численности (%)
До 1925 г.	11,9
1926–1930 гг.	8,8
1931–1935 гг.	20,0
1936–1940 гг.	29,1
1941–1945 гг.	10,4
1946–1950 гг.	11,9
1951–1955 гг.	3,6
1956 г. и позже	4,2

Хорошо видно, что в основном движение протеста было «шестидесятническим». В возрастных когортах, которые условно укладываются во временные границы анализируемого поколения (1931–1945 гг.), доля активистов движения значительно выше, чем у родившихся раньше или позже. (На первый взгляд кажется, что когорта 1941–1945 гг. сравнительно пассивнее родившихся в следующем пятилетии. Однако рождаемость во время войны в полтора раза уступала послевоенной, так что простая процедура стандартизации возрастной структуры демонстрирует, что протестная активность малочисленных детей военных лет в реальности в полтора раза выше.) Мнение же об особой социальной активности, отличавшей поколение «шестидесятников», разделяют практически все о нем писавшие.

Еще два аргумента свидетельствуют о том, что именно «шестидесятники» составляли костяк движения в течение всего тридцатилетия. Во все периоды, включая даже 1980-е годы, они составляли большинство репрессированных. Это видно по тому, что по мере развития движения постоянно падает доля молодых людей до 30 лет среди впервые арестованных (от

83% в 1956–1960 гг. до 25–30% к концу тридцатилетия). Соответственно растет средний возраст участников движения: 26,5 лет — в 1950-е годы, 30 лет — в 1960-е, 37 лет — в 1970–1980-е годы, что свидетельствует о пополнении сопротивления скорее новыми «шестидесятниками», а не представителями последующего поколения. (Voronkov V., 1993. P. 947).

Безусловно, это было движение образованного слоя. Общество приступило к медленному изменению своей психологии, начиная с наиболее продвинутых в социальном смысле групп, фактически речь идет о тех же «шестидесятниках» (Voronkov V., 1993. P. 945):

Уровень образования участников	Доля в общей численности (%)
Высшее	51,3
Незаконченное высшее	20,4
Среднее специальное	6,5
Среднее	15,9
Неполное среднее	5,9

В поколении «шестидесятников», как показывает подробный анализ, 70–80% участников движения учились в вузах. Более поздние возрастные когорты, заведомо не относящиеся к «шестидесятникам», резко отличаются по своему образовательному уровню, здесь учившихся в вузах — лишь около 45%. Различия в степени образованности двух поколений заметны невооруженным глазом. Видные участники движения сами пишут: «Когда на смену старшим, ушедшим в лагерь, пришла диссидентская молодежь, — общекультурный уровень диссидентов и правозащитников заметно снизился» (Богораз Л, Голицын В, Ковалев С. и др, 1991. С. 537).

Обращает на себя внимание очень большая доля прервавших высшее образование. Это связано с тем, что инакомыслящих студентов обычно исключали из вуза. В некоторых возрастных когортах доля начавших обучение, но так и не

сумевших получить институтский диплом исключительно высока. Для родившихся в период войны таковых насчитывается 41%. Действительно, студенты в движении «шестидесятников» играли наиболее важную роль. Примерно каждый четвертый из родившихся в 1936–1950 гг. в момент ареста был студентом. При этом не надо забывать, что чаще всего сначала следовали предварительные репрессии (исключение из института за неблагонадежность), а арест следовал вскоре после этого, почему доля студентов в движении фактически намного выше. Вместе с тем в когорте родившихся после 1950 г., несмотря на молодость этого поколения, лишь каждый десятый был студентом.

В целом социальная структура участников сопротивления такова (Voronkov V., 1993. P. 946):

Социальная группа	Доля в общей численности (%)
Гуманитарная интеллигенция	29,4
Инженерно-технические работники	19,0
Учащиеся	16,8
Квалифицированные рабочие	13,5
Неквалифицированные рабочие	6,6
Квалифицированные служащие	6,6
Военные	4,4
Неквалифицированные служащие	1,9
Неработающие	1,9

Конечно, часто весьма условно можно отнести того или иного участника движения к определенной социальной группе. Лишенному права на работу по специальности человеку оставалась лишь возможность заняться неквалифицированным трудом. Поэтому в реальности не следует преувеличи-

вать, например, роль рабочих в сопротивлении. Особенно это относится к последующему за «шестидесятниками» поколению, где доля рабочих составляет одну треть.

Однако при всех оговорках нельзя не видеть, что движение сопротивления — движение в основном интеллигенции, и в первую очередь гуманитарной. В поколении, предшествующем «шестидесятникам», каждый второй принадлежал к этой группе. Среди «шестидесятников» их было около 30%. Зато в послевоенном поколении протеста к гуманитарной интеллигенции можно отнести лишь каждого десятого.

Таким образом, нельзя не признать, что в целом движение сопротивления не имело широкой социальной базы, опираясь почти исключительно на определенный слой интеллигенции — тех самых «шестидесятников», и имело элитарный характер. Это подтверждают и оценки самих участников сопротивления. «С 1965 года в петициях, заявлениях, протестах приняло участие, по грубой сценке, около 1500 человек, в основном научная и творческая интеллигенция» (*Богораз Л., Голицын В., Ковалев С.*, 1991. С. 510).

Лишь в молодом поколении, вышедшем на сцену к концу анализируемого тридцатилетия, при всей его относительной малочисленности, мы наблюдаем резкое изменение социальной структуры участников движения. Только в отношении младших возрастных когорт, где каждый шестой был занят малоквалифицированным трудом при высшем образовании, можно говорить о тенденции к маргинализации движения, трудностях социальной адаптации и относительной депривации его участников. Это отличие также свидетельствует об определенной качественной грани, отделяющей «шестидесятников» от других поколений.

В целом приведенный анализ участия в сопротивлении демонстрирует исключительное значение в его становлении и развитии «шестидесятников», которые составляли подавляющее большинство всех участников движения и были наи-

более активны, наиболее образованы, обладали более высоким общественным статусом.

7. «Другая публичность» и протест

Я хотел бы предложить самую общую модель функционирования публичной и приватной сферы в советском обществе, чтобы в ее рамках понять, почему столь важно рассматривать протестное движение 1956–1986 гг. в контексте поколения «шестидесятников» и как из этой перспективы оценить массовые социальные движения периода перестройки (более подробный анализ этой модели см. в: *Voronkov V*, 2000; *Zdravomyslova E, Voronkov V*, 2002; *Oswald I, Voronkov V.*, 2003).

Используемые мною понятия «*приватной*» и «*публичной*» сфер требуют некоторых пояснений, поскольку в реалиях советского общества они отличаются от принятого в западном обществе понимания этих сфер. Разумеется, бессмысленно говорить о публичной сфере в Советском Союзе с позиций классического республиканского подхода (в духе Хабермаса и Арендт), который трактует публичное как политическое — сфера частных людей, которые собираются вместе как публика вне (или против) государства, чтобы дебатировать проблемы, касающиеся всех. В указанном смысле такая сфера существовать попросту не могла. В данном случае я предлагаю использовать драматургический подход (в духе Arjés), который рассматривает публичную сферу как сферу социальности (анализ различных подходов см.: *Weintraub J.*, 1996).

В советском обществе последних десятилетий сфера, регулируемая неформальным правом обычая (точнее говоря, сложившаяся на наших глазах сфера внеправового регулирования, оформленного в виде негласных конвенций), стала абсолютно преобладать над сферой, регулируемой писанным правом. В любом современном обществе существует, конечно, по-

добное разделение правового пространства, однако характерное для СССР длительное доминирование права обычая привело к фундаментальным сдвигам в общественной жизни (Bunte O., 1996).

Общество признавало легитимными нормы в обеих сферах, хотя они друг друга взаимоисключали. Постоянное укрепление легитимности права обычая подрывало легитимность писаного права. Поэтому существовал механизм сдерживания угрозы распада общества. А именно деформация правового пространства компенсировалась «уравновешивающей» деформацией коммуникативного пространства.

Это означало, что в собственно публичной (официальной) сфере обсуждение того, что попадало под право обычая, было табуировано. Весь гигантский прирост разнообразия социальной жизни последних десятилетий регулировался главным образом правом обычая, а потому почти не обсуждался в публичной сфере или допускался в нее не иначе, например, как в виде проблемы борьбы с «пережитками капитализма». В официальной публичной сфере жизнь советских людей выглядела утопией, никак не согласующейся с их повседневным опытом.

В отличие от официальной публичной сферы, где существовали лишь писано-правовые порядки и отдельные случаи их нарушения, вне этой сферы обсуждалось практически все. Правда, «вне» не означало приватной сферы. Последняя во все советские времена была в жизни людей малозначима и не имела четкой границы, отделяющей ее от публичной сферы. Доминировала идеология коллективной жизни, люди жили в коммунальных квартирах, так что в сталинские времена тотального контроля существование приватной сферы было и вовсе иллюзорно.

В последние три десятилетия существования советского общества в нем сформировалась «вторая» публичная сфера, или, можно сказать, публичная сфера «реальной жизни», которая была отделена от первой жесткой границей. Ее развитие явилось следствием окончания эпохи сталинизма. По-



Рис. 1. Изменение границ между приватной и публичной сферами в процессе развития и разрушения советского общества

скольку реальную жизнь, разительно отличавшуюся от официальных публичных представлений о ней, невозможно было обсуждать в официальной публичной сфере, вместе с тем практика репрессий значительно смягчилась, то возникло коммуникативное пространство — назову его *приватно-публичной сферой*, — где и обсуждалось практически все.

С началом массового жилищного строительства в 1950-х годах в российских городах появляется физическое пространство для развития приватности и ухода от государственного контроля — отдельные квартиры. Собственно приватность по-прежнему не играла особой роли в жизни общества, однако теперь ее граница конструируется не по отношению к официальной публичной сфере, а отделяет ее от «другой публичности». Типичный пример связи этих двух социальных пространств — так называемая «интеллигентская кухня», в рамках которой концентрировались критические настроения по отношению к режиму и зарождалось диссидентство.

Исторически совпали несколько важных обстоятельств: 1) смягчение режима репрессий; 2) тот факт, что общество стало более открытым; 3) появление физического пространства для приватности. Все это в совокупности и сформировало

новое поколение, условия социализации которого резко отличались от тех, в которых формировались советские люди прежде. Результатом же всех этих изменений, в том числе и активности «шестидесятников», и стало появление той особой приватно-публичной сферы, которая отличала советское общество от западного.

Хочу подчеркнуть, что «другая» публичность здесь не рассматривается по аналогии с «другим обществом», которое было сконструировано в дискуссии о диссидентстве в Восточной Европе. Не следует думать, что приватно-публичная сфера — поле коммуникации специфических мильё. Каждый советский человек в этой сфере в основном и существовал. При этом он принадлежал как бы к двум пространствам одновременно, хорошо понимал границу между ними и не путал правил, принципиально различавшихся в этих сферах (в этом смысл «социальной шизофрении», которая в публицистике часто приписывается *homo soveticus*). Существовала молчаливая конвенция между гражданами и государством по поводу границы между двумя публичными пространствами, нарушение которой осуждалось обеими сторонами и вело к репрессиям.

В целом поколение «шестидесятников» соблюдало неписанный договор о соблюдении правил пересечения границы между двумя публичными пространствами. При этом «шестидесятники» сделали нормой в рамках приватно-публичной сферы невозможную прежде критику действий власти. Одновременно они вполне легально расширяли в рамках официальной публичной сферы тематику ведущихся дискуссий, благодаря своему влиянию в ряде «толстых» журналов (самый известный из них «Новый мир») и культуре вообще, а также поддержке некоторых относительно либеральных представителей власти (например, видный впоследствии сподвижник М. Горбачева А. Яковлев).

Регулярные попытки сознательного нарушения обсуждаемой границы можно наблюдать со второй половины 1960-х годов

со стороны диссидентов. Сам факт требований к власти соблюдать декларируемые государством Конституцию, законы и права человека («Соблюдайте ваши законы!») принципиально разрушал неписаные, но вполне легитимные «правила игры». ***Диссидентов в данном контексте можно определить как людей, которые демонстративно переносили в сферу официальной публичности правила, предназначенные для privately-публичной сферы.*** Их лозунг «Жить не по лжи!» означал требование сделать правила в обеих публичных сферах идентичными. Таким образом, диссидентом следует считать человека, который не просто нарушал границу, но пытался ее разрушить. Тем самым подрывалось одно из главных условий стабильности советского режима, поскольку диссиденты пытались перенести обсуждение всей реальной жизни в официальную публичную сферу. Диссиденты первыми пытались сформировать зародыш гражданского общества в СССР, создавая независимые гражданские ассоциации вне контроля государства.

Такого рода попытки разрушить границу предпринимались позже и со стороны ряда «этнических меньшинств», например движение евреев-отказников за право выезда в Израиль или движение крымских татар за право возвращения в Крым, откуда они были насильно выселены режимом. К попыткам разрушать границу из-за пределов советского общества можно отнести и зарубежное радиовещание на русском языке («Свобода», «Голос Америки», Би-би-си, «Немецкая волна»), которое, однако, нейтрализовывалось специальным глушением и переносилось, таким образом, в privately-публичную сферу. Государство достаточно успешно обороняло границу до второй половины 1980-х годов, когда политика перестройки начала превращать общество во все более открытое.

• • •

Можно утверждать, что главный критерий выделения «шестидесятников» как специфического поколения связан с

тем, что для определенной социальной группы открылась возможность выбора перспективы, который стимулировал на активную интеллектуальную работу, на поиск своего пути. Это отнюдь не касалось большинства: чаще всего социальная среда не позволяла выйти за пределы идеологических догм и стереотипов поведения. Не все увидели выбор. Есть основания предположить, что прежде всего «шестидесятниками» стали либо студенты, вырвавшиеся из прежней социальной среды, либо молодые люди, воспитанные в тех редких семьях, где дух фронды существовал уже у их родителей.

Среди принадлежащих к этому поколению людей далеко не все стали участниками движения сопротивления. Мало было объективных возможностей для альтернативных действий, а плата за участие в протесте была весьма высока. Понятно, что численность этого поколения невелика, число участников движения гораздо меньше, однако именно это поколение сыграло решающую роль в последующих революционных изменениях в обществе.

Между движением сопротивления и последующими движениями периода перестройки имеются существенные различия, связанные в первую очередь с принципиальными изменениями в структуре политических возможностей, степенью открытости режима. Развитие политического протеста делало режим все более открытым, что создавало дополнительные предпосылки развития движений. Участвующие в протесте на его ранних стадиях «жаворонки» заплатили максимальную цену, создав политические возможности для активизировавшихся позже «сов». В период перестройки на сцену выходят новые поколения. По мере радикализации движения роль «шестидесятников» постепенно уменьшается. И во всяком случае, уже не они воспользовались плодами революции, что, впрочем, подтверждает известную историческую закономерность.

Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / Ed. F. Barth. Bergen-Oslo; L.: Universitets Forlaget/George Allen & Unwin, 1969. P. 9–38.

Eisenstadt S.N. From Generation to Generation. Age Groups and Social Structure. N.Y., 1956.

Laufer L., Bengtson V. Generations, Aging and Social Stratification: On the Development of Generational Units // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30. N 3.

Mannheim K. Das Problem der Generationen // Mannheim K. Wissenssoziologie. Neuwied, 1970. S. 509–565.

Oswald I., Voronkov V. Licht an, Licht aus! “Oeffentlichkeit” in der (post)sowjetischen Gesellschaft // Sphaeren von Oeffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs. / Hg. G. Rittersporn, M. Rolf, J. Behrends. Peter Lang, 2003. S. 37–64.

Parsons T. Age and Sex in the Social Structure of the United States // American Sociological Review. 1942. Vol. 7. N 5. P. 604–616.

Parsons T. Youth in the Context of American Society // Dedalus. 1962. Vol. 91. P. 97–123.

Voronkov V. Die Protestbewegung der “Sechziger”-Generation. Der Widerstand gegen das sowjetische Regime 1956–1985 // Osteuropa. 1993. Vol. 8. S. 939–948.

Voronkov V. Politische Biografien im privaten und oeffentlichen Diskurs / Hg. I. Miethe, S. Roth. Giessen: Psychosozial-Verlag, 2000. S. 150–162.

Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/ Privat Distinction // Public and Private in Thought and Practice / Ed. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago; L: The University of Chicago Press, 1996. P. 1–41.

Zdravomyslova E., Voronkov V. The Informal Public in Soviet Society: Double Morality at Work // Social Research. 2002. Vol. 69. N 1. P. 49–69.

Аннинский Л. Рецензия // Иностранная литература. 1991. № 2. С. 251–254.

Басина Е. Долгое детство. Великие надежды никогда не сбываются // Независимая газета. 1994. 12 янв.

Берг М. Герой нашего времени // Московские новости. 1994. 12–19 июня

Библер В. Шестидесятники навсегда. Постюбилейные размышления о Булате Окуджаве // Независимая газета. 1994. 9 апр.

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Политическая борьба или защита прав? // Погружение в трясину. М., 1991.

Булат Окуджав в гостях у «Труда» // Труд. 1993. 11 марта.

Вите О. Избиратели — враги народа? (Размышления об адекватности электорального поведения и факторах, на ее уровень влияющих) // Этика успеха. 1996. № 9. С. 58–71.

Войнович В. Беда России в том, что в ней нет крупных государственных мужей (интервью) // Независимая газета. 1993. 10 марта.

Воронков В. Активисты движения сопротивления режиму 1956–1985: Попытка анализа // Социология общественных движений: Эмпирические исследования. М.: Институт социологии РАН, 1992.

Высоковский А. Архитектура разрухи. Неставшие (1992): Среда шестидесятых // Век XX и мир. 1994. № 10.

Глезер А. Им говорят: «Уйдите, отдайте, умрите»: Шестидесятники на тропе оборонительной войны // Независимая газета. 1994. 27 июля.

Даниэль А. Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). С. 51–65.

Евтушенко Е. Преждевременная автобиография (сокращенный вариант 1962 г.) // Неделя. 1988. Апр.

Жуховицкий Л. Самая удачная карта // Книжное обозрение. 1993. 22 окт.

Колесников А. Запой, или Конец тысячелетия // Независимая газета. 1992. 9 окт.

Липовецкий М. Совок-блюз // Знамя. 1991. № 9.

Лукиных Н. Новое поколение «шестидесятников» // Московская правда. 1993. 19 сент.

Марченко А. Свои люди — сочтемся? // Общая газета. 1993. 24–30 сент.

Немзер А. Страсть к разрывам. Заметки о сравнительно новой мифологии // Новый мир. 1992. № 4.

О времени в себе. Шестидесятые годы — от Афин до ахинеи (Беседа А. Пятигорского и И. Смирнова) // Независимая газета. 1995. 10 нояб.

Окуджава Б. Еще в литавры рано бить (интервью).

Павловский Г. Нам пора выходить из «интеллектуального запоя» // Книжное обозрение. 1994. 28 июня.

Попова А. Бессмертие Петра Григоренко // Известия. 1994. 27 июля.

Романков Л. Слово в защиту // Невское время. 1994. 4 июня.

Сокалов Ю. Булат Окуджава тридцать лет спустя // Известия. 1993. 6 марта.

Турчин В. Здравствуйте, Теодор Тэжик! Здравствуйте, Александр Глезер! Дурацкая бесконечность и ностальгия по шестидесятым... // Независимая газета. 1993. 3 марта.

Черняков Ю. Компенсация неприкаянности как способ жизнедеятельности // Независимая газета. 1993. 30 апр.

Шуман Г, Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2.

Шушарин Д. Прощание с Андреем Синявским, или Мама, я хочу в совок // Сегодня. 1993. 16 окт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

А. М. Никулин

Поколения — череда воплощений человечества. Человечество — главное эстетическое и философское понятие мировоззрения Андрея Платонова (1899–1951), звучащее на платоновском языке то трогательно-торжественно, то беспощадно-иронично. Писатель даже собирался создать роман под названием «Путешествие в человечество». Окончательно разрешить парадокс человечества, полагал вполне по-федоровски Платонов, можно только через всеобщее преодоление смерти и воскрешение всех умерших поколений вспять. Большинство положительных героев А. Платонова невозмутимо убеждены, что в будущем обязательно настанет вселенская победа над смертью, а в настоящем надо лишь подвижнически трудиться над приближением живородящего момента всеобщего преображения.

В юности Платонову — страстному участнику русской революции — казалось, что последние времена постижения истины — преодоления смерти — уже вот и наступают: «Есть революции, изменяющие внешний образ жизни лишь слегка... И есть перевороты, резко меняющие внешность человечества... Человеческий мир сейчас стоит перед великим и коренным изменением внутренней сущности самого человека... Грядущая жизнь человечества — это поход на Тайны во имя завоевания Истины, источника великого и последнего наше-

го блага. Около нее мы остановимся навсегда. Ибо не бесконечности, а конца, результата прогресса хочет человечество» (1921). Через 15 лет голос умершего отца вещает сыну одного из героев пьесы, и фактически от имени своего поколения Платонов признает: «Мы не знали ни счастья, ни истины, ни простого удовлетворения от своей работы и от своих страданий. Но мы тоже хотели создать великий мир благородного человечества, и мы чувствовали себя достойными его. Мы спешили работать, мы воевали, мучились и болели, мы устали и умерли... мы сделали кое-что в жизни: мало, но сделали. Мы верили в лучшего человека, — не в самих себя, но в будущего человека, ради которого можно вынести любое мученье... Высший прекрасный человек — вот в чем тайна, которую мы не могли открыть, и потому мы умерли в тоске» (1936).

Впрочем, Платонов так никогда и не отрекся от своих юношеских чаяний, подчеркнув на исходе жизни: «Мое молодое, серьезное (смешное по форме), — остается главным по содержанию навсегда, надолго» (1950).

В одной из своих повестей, размышляя, как противостоять фашизму, Платонов задавался вопросом: «...Не бывает ли изредка во время человеческой жизни, что истинное движение в будущее возможно начать только после возвращения в прошлое, — возвращения, когда люди словно припадают к своему детскому чувству матери, к своей забытой памяти, к первому и лучшему опыту жизни, без воспоминания о котором невозможно понять, что делать в будущем» (1939). А припадение к своему детскому чувству матери, к своей забытой памяти лучшего опыта и есть *акт возвратно-поколенческий*, в котором человек вновь обретает веру и силу в преодолении испытаний текущей жизни, в наступлении жизни достойной и счастливой.

...

Обращение юного Платонова от яростно-героического видения безликого роя поколений, стремящихся к концу истории, к краткому постижению личностной загадки в судьбах

каждого поколения, как всечеловеческой исторической проблеме, постепенно происходит во второй половине 1920-х годов. Начиная с первого сборника платоновских повестей и рассказов (1926 г.) намечился и неуклонно впоследствии углублялся почти всегда неспешный, часто невнятный диалог меж четырьмя основными поколениями героев: детьми, молодыми людьми, пожилыми и стариками. Представители всех четырех разных поколений становились главными героями в произведениях Платонова, но во всех произведениях часто именно в моменты разнопоколенческих общений формулируются центральные апории платоновских исканий. Разновозрастное общение лучше помогает постигать общую судьбу человечества, тем более разновозрастное общение времен российских войн, диктатур, революций России первой половины XX в.

В рассказе «Родина электричества», а также в незавершенном «Техническом романе» Платонов описывает общение юного электротехника Душина с бедной безымянной старушкой во время летней засухи в период Гражданской войны. Разглядывая эту иссохшую древнюю нищенку душинскими глазами, Платонов описывает ее появление и исчезновение так: «Около иконы сидела усохшая старуха, ростом с ребенка... лицо и руки ее были покрыты морщинами, точно застывшими судорогами страдания, во взгляде был зоркий ум, прошедший такие испытания жизни, что старушка, наверно, знала не меньше целой экономической науки и могла бы быть почетным академиком... Старуха пошла за плетень своего хозяйства и сразу забылась там в одурении своих текущих забот, как будто от ее трудов зависело благосостояние вечности». В этой женщине Платонов словно запечатлел бесконечную вереницу поколений народа в безропотном круговороте нищеты трудившегося на земле. Новое поколение большевистских электротехников Душиных-Платоновых стремилось вырвать человечество из такого унылого ритма истории.

Изначально вопрос кардинального преобразования условий человеческой жизни революционному платоновскому поколению в основном являлся лишь своей технической стороной. Власть казалась своею, и преобразование ветхой, нищей, безграмотной страны в новое общество высокой и богатой культуры представлялось именно делом техники. Многочисленные молодые герои повестей и романов Платонова: Дванов из «Чевенгура»; Бастолоева, Вермо, Високовский из «Ювенильного моря», Сарториус, Честнова из «Счастливой Москвы», Душин и Щеглов из «Технического романа» — воодушевленно трудятся именно как инженеры, техники, изобретатели — преобразователи косного мира дикой природы в новый невиданный мир науки и культуры. Почти каждый из них разрабатывает какой-нибудь глобальный технический проект, переворачивающий условия человеческого существования в ближайшем будущем, например электротехник Вермо заявляет: «Я ручаюсь, что не каждый еще сумеет умереть из нас, как наступит высший момент нашей эпохи: нам тогда потребуется лишь построить оптический приемник-трансформатор света в ток, как мы сейчас строим радиоприемники, и через него к нам польется бесконечная электрическая энергия — из солнечного пространства, из лунного света, из мерцания звезд, из глаз человека... Вот такая проблема, товарищи...»

Впрочем, почти постоянно рядом с этими юношами и девушками Платонов размещает людей старшего поколения, которые годятся в отцы, иногда в деды юным советским техникам, которые не менее молодежи воодушевлены историческими возможностями созидания нового общества и тем не менее обладают также более критическим, иногда сатирически парадоксальным даром видения революционного преобразования России. Как правило, это одинокие пожилые техники-странники, отпускающие иногда сочувственные, иногда иронические, иногда тревожные и даже разочарованные, но всегда пронизательные комментарии к советской России, саму себя сверхпреобразующей.

Из «Ювенильного моря» (1933) старик Умрищев робко метафорически интересуется не только инженерной составляющей юной советской технократической идеи: «А что, когда начнут из дневного света делать электричество... не настанет ли на земле тогда сумрак?..»

Из «Котлована» (1930) кулак пророчествует пришедшей его кулачить молодежи: «Колхоз вам не годится... Ну что ж, вы сделаете из всей республики колхоз, а вся республика-то будет единоличным хозяйством... Глядите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек!»

Из «Че-Че-О» (1928) провинциальный старый рабочий анализирует социальную базу именно среди советской молодежи для появления и упрочения власти того самого «главного человека»: «Например, так. Он человек молодой, а я уже почти старик. Он приходит в цех, ему дают работу. Я тридцать лет мастерской, я не грубо знаю свое дело, а он мальчишка, работать не умеет. Ну, кого послать, скажем, в организацию? — посылаем его, он в работе не нужен, работать не научился, а... мне от работы отойти невозможно. Вот он там и делает власть за нас, а что понимает?! Юноши, попавшие в цех, никому не дороги, да и им самим не дорого работать за станком. Ими и затыкают всякие выборные должности, а потом сами делаются профессиональными руководителями, без всяких прочных товарищеских связей с мастерами... А там наверху, в руководящих сферах, молодому человеку представляется теплота обеспеченной жизни, почетность положения и сладострастное занятие властью...»

В повести «Усомнившийся Макар» (1929) одноименный с ее названием герой, попав во властную чиновно-иерархическую Москву, увидал во сне гору, а на ней — ужасного главного научного человека: «...человек тот стоял и молчал, не видя горящего Макара и думая лишь о целостном масштабе, а не о частном Макаре. Лицо ученойшего человека было освещено заревом дальнейшей массовой жизни... а глаза были

страшны и мертвы от нахождения на высоте и слишком далекого взора.

— Что мне делать в жизни, чтобы я себе и другим был нужен? — спросил Макар и затих от ужаса. Научный человек молчал по-прежнему без ответа, и миллионы живых жизней отражались в его мертвых очах».

В своем сне Макар полез на вершину, на которой возвышался «научный», чтобы потрогать его, и потрогал: «От прикосновения неизвестное тело шевельнулось, как живое, и сразу рухнуло на Макара, потому что оно было мертвое».

Под натиском мертво-машинообразной армии не установленной политической принадлежности гибнет утопический город юных и пожилых анархо-коммунистов — «Чевенгур» (1929). Не способные выжить в суеде абсурдных социальных преобразований, умирают дети в «Чевенгуре» и «Котловане» — символы того самого нового счастливого поколения, во имя которого создается невиданный социальный порядок.

Многие герои Платонова к 1930-м годам все отчетливее осознают, что революционный социально-технический прогресс их века повсюду начинает подпадать под контроль мертвящей «научной» бюрократии тоталитарно-империалистического типа. Сам Платонов задается тревожным вопросом в одной из записных книжек: «Совершенствуется не только техника производства материальной жизни, но и техника управления людьми. Не настанет ли в последнем кризиса перепроизводства, кризиса исторической безысходности» (1932).

Некоторые из молодых и талантливых технократов в произведениях Платонова иногда резко порывают со своей блистательной инженерно-бюрократической средой, отказываясь работать на безысходные планы *«всего вышеуказанного будущего»*. В финале платоновской повести «По небу полуночи» немецкий военный летчик Зуммер решительно расстается с миром фашизма, расстреливая в воздухе собственную эскадрилью, летевшую бомбить республиканскую Ис-

панию. Падая с неба немецкого политического полета на землю испанской непредсказуемой повседневности, Зуммер стремится переродиться к новой трудной, свободной жизни, уподобляя себя зерну из библейской притчи. Советский талантливый инженер Сарториус в романе «Счастливая Москва» неприметно, но добровольно оставляет мир молодых, радостных столичных технократов, возвращаясь в бедную повседневность, предпочитая идти своими личными, государственно не почетными путями самопознания. Он меняет фамилию, профессию, бредет по стране, где «улыбающийся, скромный Сталин сторожил на площадях и улицах все открытые дороги свежего, неизвестного социалистического мира, — жизнь простиралась в даль, из которой не возвращаются».

Возвращение — вот ключевое слово в размышлениях позднего Платонова о развитии человеческих поколений.

• • •

Со временем образы платоновских возвращений становятся все более родственны движению древнего архаического сознания, в котором возвращение есть вечный природно-космический цикл, где сама смерть — возможное движение к новому возвращению-пониманию жизни, где судьба человека уподобляется неизвестному семени в каменистой почве, прорастающему, умирающему и вновь прорастающему... В рассказе «По небу полуночи» немецкий летчик, стремясь сорвать с себя линейную униформу фашистского поведения, вопрошает, возвращаясь к древнеприродному пониманию действительности: «Так что же это? Отчего в меня некое Эриха Зуммера весь мир посылает свои сигналы и природа сеет свои семена, а из меня ничего не происходит, не возрастает обратно в ответ, в отплату и в благодарность, точно я та не рожаящая, мертвая земля, в которой посеянные семена, не оживая в зачатъе, лишь распадаются в прах и отравляют почву ядом погибшей неистраченной силы, чтобы земля стала еще более бесплодной, чтобы она окаменела... Но труд-

но понять и правильно направить свою жизнь тому, кто не умирал ни разу и не был близок к смерти».

В рассказе «Неизвестный цветок» (1950), написанном за год до собственной смерти, Платонов фактически по-своему перерабатывает евангельскую притчу о сеятеле. Неизвестное семечко попало на суровую каменистую почву пустыря и с невероятным трудом все же выжило, выросло в прекрасный цветок, который «постоянно старался расти, если даже корни его постоянно глодали голый камень и сухую глину». Пришедшие дети-школьники обрабатывают и удобряют землю бесплодного пустыря. На следующий год на том бесплодном месте, где удержался и выжил лишь один прекрасный цветок, вся земля была покрыта новым поколением благоухающих трав и цветов, но самым прекрасным из них вновь оказался тот цветок, на долю которого выпало трудное время и которому пришлось расти в бесплодном месте: «Цветок этот рос из середины стеснивших камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и еще сильнее отца, потому что он жил в камне».

В социальном мире ближе всех к смертельному состоянию безвестного семени в каменистой почве оказываются сироты. Именно им приходится произрастать на неведомой территории без благодатной семейной почвы. Один из западных современников Платонова писал о послевоенном поколении своих сверстников как о *потерянном*. Платонов же часто представлял послереволюционное поколение России как поколение сиротское, и не только в буквальном смысле, как детей, у которых погибли родители в ходе мировой и Гражданской войн, но также и в смысле историко-культурном. Это поколение после революции оказалось в странно неведомой исторической и социальной обстановке, где по-настоящему свою силу и красоту обретают платоновские сироты, стремясь пробиться памятью и действием к своим родным корням.

Одна из самых радикальных платоновских моделей истории преодоления сиротства заключается в повести «Джан». Ее главный герой — сирота Назар Чагатаев из малого народа джан,

вымирающего в центре среднеазиатской пустыни, попадает в Москву, где вырастает и получает высшее образование, затем возвращается к своему народу, спасает и возрождает его, прерывая заклятие народного сиротства, вновь заложив основы родительской преемственности его поколений.

Другой путь возвращения к исторически необходимой преемственности поколений — постижение наследия человеческих гениев. В своем обзрении «Книга о великих инженерах» (1939) Платонов отмечал: «На примерах из разных областей деятельности человека (Шекспир, Пушкин, Бетховен, Коперник...) мы знаем, что классы и эпохи проходят, а некоторые люди и их дела остаются. Если бы было иначе, то не существовало бы и самой истории, и каждый класс и эпоха представляли бы из себя безмолвные „острова уединения“... Нетрудно доказать, что истинно великие изобретения, имеющие наиболее емкие и даже отдаленные перспективы своего применения и развития, совпадают с интересами принципиально другого, неклассового общественного устройства — с бесклассовым, „бессмертным“ обществом». Для Платонова и Пушкин, и Дизель одинаково становятся бессмертными современниками как его, так и последующих поколений. Их гений трагически пробивался через твердыни сопротивления косности современных им природы и общества, принося все более прекрасные плоды в каждом последующем поколении. При таком понимании преемственности естественно звучит финальное восклицание платоновской статьи о великом поэте: «Да здравствует Пушкин — наш товарищ!» (1937). Но, постигая пути поколенческого бессмертия человечества, Платонов никогда не утверждал, что эти пути открыты лишь для великих гениев, наоборот, он стремился открыть в текущей повседневной жизни обычных людей все то же самое, дорогое ему новое бессмертное общество. В записных книжках в середине 1930-х годов Платонов отмечает: «Новый мир реально существует, поскольку есть поколение искренне думающих и верующих... но он локален этот мир, он местный

как географическая страна наряду с другими странами... Всемирным, универсально-историческим этот новый мир не будет и быть им не может.

Но живые люди, составляющие этот принципиально новый и серьезный мир, уже есть, и надо работать среди них и для них».

И Платонов с тщательностью маленьких голландских живописцев и с глубинностью Рембрандта прописывает этот мир искренне думающих и верующих современников. Этот мир повседневности прежде всего сосредоточивается к концу 1930-х годов вокруг семейной любви. Сравнивая пушкинских Петра и Евгения в «Медном Всаднике», Платонов отмечает, что бедный обыватель Евгений равновелик вождю Петру, хотя бы в своем так и не реализовавшемся стремлении к семейной любви, необоримому всеми стихиями Санкт-Петербурга. Поэтому так много произведений у позднего Платонова сосредоточено вокруг подробного описания семейного существования. Анализируя аксаковскую «Семейную хронику», Платонов подчеркивает, что особая сила аксаковского произведения заключалась «в изображении прекрасной семьи, вернее — целого рода, т.е. преемственности двух семейств, переходящих в будущую, третью, — через посредство ребенка: семья показывается через ее результат — ребенка, что наиболее убедительно... мать и отец в конце концов умрут, а потомок их останется — и воспитанная в нем любовь, возженное, но уже не утоляемое чувство обратится, должно обратиться, на других людей, на более широкий круг их, чем одно семейство. Сиротства человек не терпит, и оно — величайшее горе» (1941). Вскоре после написания этих строк началась великая война, разрушившая миллионы семей, производшая миллионы сирот.

В своем последнем крупном послевоенном произведении — рассказе «Возвращение» (1946) Платонов показал, насколько трудно и все же необходимо восстановление семьи после военной разлуки. Межпоколенная забота между родителями и детьми является основой такого восстановления.

• • •

Ранний Платонов мечтал вырваться из ритма Вселенной одним прямолинейно революционным броском последних поколений к заветной цели — финалу истории. Потом Платонов пересмотрел способ достижения этой цели. Цель достигается упорным межпоколенческим стремлением проникнуть в сам этот яростный вселенский ритм, чтобы, пульсируя с ним в гармоническом резонансе, постичь и преобразить томительный вихрь вселенских возвращений.

В записной книжке военной поры у Андрея Платонова есть описание пепелища, на котором маленький ребенок беседует со своей матерью о погибшем на войне отце. Это описание — ключевой аккорд в платоновской теме поколений человечества:

* — А мертвые из земли бывают жить?

— Нет, сыночек, они не бывают.

Мальчик умолк неудовлетворенный.

Неосуществленная или неосуществимая истина была в словах ребенка. В нем жила еще первоначальная непорочность человечества, унаследованная из родника его предков. Для него непонятно было забвение, и его сердцу несвойственна вечная разлука.

Позже я часто вспоминал этого ребенка, временно живущего в земляной щели... Враждебные, смертельно угрожающие силы сделали его жизнь похожей на рост слабой ветви, зачавшейся в камне, — где-нибудь на скале над пустым темным морем. Ее рвал ветер, и ее смывали штормовые волны, но ветвь должна была противостоять гибели и одновременно разрушать камень своими живыми, еще не окрепшими корнями, чтобы питаться из самой его скудости, расти и усиливаться, — другого спасения нет.

Эта слабая ветвь должна вытерпеть и преодолеть и ветер, и волны, и камень: она — единственное живое, а все остальное — мертвое, и когда-нибудь ее обильные, разросшиеся листья наполнят шумом опустошенный войною воздух мира, и буря в них станет песней» (1945).

МЕЖДУ ЖЕСТОМ
И СЛОВОМ
(о литературном поколении
и ненациональной
истории литературы)

Наталия Арлаускайте

На первый взгляд поколение кажется чрезвычайно привлекательной и как бы естественной единицей для описания и объяснения истории. При ближайшем рассмотрении оказывается чрезвычайно проблематичной как «естественность», так и «история». Биология с трудом поддается скрещиванию с последней, тем более что довольно скоро размышления о возможных комбинациях наталкиваются на вопросы «история чего?» и «какая история?». Один из вариантов соединения поколения с историей можно обнаружить у ранних русских конструктивистов — теоретиков литературы, сформировавших русскую формальную школу.

В конце 1920-х годов формалисты, по крайней мере основные представители формализма — Юрий Тынянов, Борис Эйхенбаум и Виктор Шкловский, — пытались наметить формы вероятностной истории литературы. Истории литературы, в которой сам ее объект — литература — явление не статичное, не нечто, на что мы всегда можем указать как на принадлежащее сфере литературного, но динамичное, находящееся в потенциальной готовности принять элементы, до тех пор принадле-

© Н. Арлаускайте, 2005

жащие внелитературным рядам¹. Будущая история литературы должна была учитывать особенности литературы как социального института: формы бытования (салоны, альманахи, журналы, домашние альбомы, группы)², рынок (издатели, потребители-читатели, профессионализация писательства, успех, критики, репутации и т.д.)³, различие между элитарной и массовой литературой, включая смещение и пересечение границ между ними.

Как известно, проект истории литературы не был осуществлен. Изменились как личные взаимоотношения, в том числе и оценка профессиональных занятий друг друга, так и общая ситуация в научной и культурной сфере. Тынянов и Якобсон попытались возродить ОПОЯЗ пражским тезисами в 1928 г. Дальнейшая история хорошо известна⁴.

При расхождении путей и соблазнов точкой схода оказалась сфера художественной прозы, которая странным образом соединила интерес к истории и литературе в фигуре литератора и в форме его биографии, будь то собственно биографически-исторический роман, как у Тынянова, авантюрно-историко-биографические романы и повести Шкловского или расследования истории успеха того или иного персонажа-литератора в статьях и более крупных сочинениях Эйхенбаума.

¹ Тынянов Ю. Литературный факт, о литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977; Эйхенбаум Б. Литературный быт. Литература и писатель. Литературная домашность // Эйхенбаум Б. Мой временник. Словесность. Наука. Критика. Смесь. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929.

² Например: Аронсон М, Рейсер С. Литературные кружки и салоны / Под ред., предисл. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Прибой, 1929; Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века / Под ред., вступ. ст. и примеч. Н. Л. Бродского. М.; Л.: Academia, 1930.

³ Гриц Т, Тренин В, Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина) / Под ред. В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума. М.: Федерация, 1929.

⁴ Из последних работ по русскому формализму можно упомянуть подборку статей в журнале: Новое литературное обозрение. 2001. № 51.

В свою очередь, интерес к литератору и его месту в истории литературы, формам присутствия в ней неизбежно стимулировал размышления о роли групп литераторов (во всем разнообразии — кружки, поколения, союзы и т.п.) и их смены в процессе эволюции литературы. Сам термин «эволюция», а также «генезис» предлагались в качестве замены претенциозного и чрезвычайно широкого, с точки зрения Тынянова, термина «история».

По каким признакам можно обнаружить, нащупать и буквально увидеть такую единицу, как *личность* и *поколение*? Как учитывать в проекте истории литературы отдельного *литератора* и группы литераторов, в данном случае — *поколение*? В каком соотношении находятся *текст литератора* и *поколение* в истории литературы?

Личность и поколение — слово и тело

Альфред де Мюссе начинает «Исповедь сына века» (1836) с описания того, как в течение одной войны происходит смена поколений: «Во время войн Империи, когда мужья и братья сражались в Германии, встревоженные матери произвели на свет пылкое, болезненное, нервное поколение. Зачатые в промежутке между двумя битвами, воспитанные в коллежах под бой барабанов, тысячи мальчиков хмуро смотрели друг на друга, пробуя свои хилые мускулы»¹.

Юрий Тынянов в знаменитом начале «Смерти Вазир-Мухтара» показывает, как поколения сменяются в течение одного дня в пределах одной площади: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось ... Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть жилами...

¹ Де Мюссе А. Исповедь сына века / Пер. Д. Лившиц, К. Ксаниной. М.: ГИХЛ, 1958. С. 6.

Тогда начали вдруг мерить числом и мерой, судить порхающих отцов; отцы были осуждены на казнь и бесславную жизнь...

...Отцы пригнулись, дети зашевелились, отцы стали бояться детей, уважать их, стали заискивать. У них были по ночам угрызения, тяжелые всхлипы. Они называли это „совестью“ и „воспоминанием“*.

И были пустоты.

За пустотами мало кто разглядел, что кровь отлила от порхающих, как шпала ломких, отцов, что кровь века переместилась.

Дети были моложе отцов всего на два, на три года¹.

Для обоих авторов важно, что суставы времени оставляют свои знаки в человеческом теле, а вывих суставов это тело (транс)деформирует, равно как и «родственные» отношения — отцы едва старше детей. Поколение узнаваемо по мимике и хореографии — литературной, дворцовой, военной. Один из основных мотивов романа Тынянова — выпадение из социальных сцеплений человека, не отмеченного телесной и поведенческой принадлежностью к поколению.

«Поколение» в качестве темы попадает только в литературные тексты Тынянова. С исследовательской точки зрения оно интересует в большей степени Эйхенбаума, который вводит в оборот несколько иногда пересекающихся понятий для описания места литератора и групп литераторов в истории литературы, и «поколение» среди них не является доминирующим.

В моножурнале «Мой современник» (1929) он помещает несколько статей, в которых в различных вариациях повторяет идею о том, что «основная литературная проблема нашей эпохи — не „как писать“, а „как быть писателем“... Утрачены формы литературной жизни, зыбок литературный быт»² (Статья «Гоголь и „дело литературы“»). Или: «Он знал не только ис-

¹ Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. Л.: Художественная литература, 1975. С. 3–4. Начальный пассаж романа о поколениях Тынянов полагал достаточно самостоятельным, чтобы вписать его в альбом Жевержеева.

² Эйхенбаум Б. Указ. соч. С. 89.

кусство писать, но и искусство *быть писателем*¹ («Литературная карьера Л. Н. Толстого»). Или: «Вместе с тем вопросы технологии явно уступают место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого „дела литературы“. Вопрос о том, „как писать“, сменился или, по крайней мере, осложнился другим — „как быть писателем“. Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонила проблему писателя»² («Литературный быт»).

«Литературное поколение»³ остро ощущается Эйхенбаумом как категория существенная, но она не получает теоретического осмысления. Вписать литературное поколение в историю литературы — это скорее намерение, нежели даже программа. Для сравнения приведем часто цитируемое место из дневника 1925 г.: «И как-то опять возвращаюсь к мысли о биографиях. Написать книгу, но не об одном, а о многих — не в психологическом и не в естественно-историческом плане (как у Оствальда), а в историко-бытовом. Сплести жизнестроение человека (творчество — как поступок) с эпохой, с историей. Написать что-то вроде: проблема жизни у людей начала XIX в., 30-х и 40-х годов, 50–60-х, 70–80-х и 90-900-х. Взять так пять поколений, чтобы там были и Пушкин, и Гоголь, и Тургенев, и Достоевский, и пр. Книга о людях, строивших культуру и свою жизнь (там же, например, Герцен). Тут дело окажется не только в „классиках“ и в „романтиках“, а в типе эпох, в возрастных отношениях и пр.»⁴. В исследованиях проблема «поколения» проходит по касательной к «биографии», как, например, в книге о Толстом: «Не всегда возрастная разница ощущается как разница поколений. Исторический возраст поколений бывает различным. Пушкин и Гоголь, несмотря на разницу в десять лет, не чувствовали себя людьми разных поколений [...].

¹ Эйхенбаум Б. Указ. соч. С. 109.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 50.

⁴ Чудикова М. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 111–112.

С другой стороны, почти такая же разница между Пушкиным и Жуковским (тринадцать лет) была разницей поколений, потому что середина двадцатых годов оказалась исторической границей¹. Интерес к биографии, который демонстрировали в разных аспектах почти все деятели русского формализма, чрезвычайно важен как знак проблематизации самого феномена биографии: как исследовать, как писать, сколько их, какая часть жизни имеет к ней отношение².

¹ *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой: Кн 1: 50-е годы. Л.: Прибой, 1928. С. 196; Цит. по: *Зенкин С.* Открытие «быта» русскими формалистами <<http://ivgi.rsuh.ru/zenkin1.htm>>.

² 5 марта 1929 г., уже после публикации совместных с Якобсоном тезисов, Тынянов пишет Шкловскому: «Необходимо осознать биографию, чтобы она впряглась в историю литературы, а не бежала, как жеребенок, рядом. „Люди“ в литературе — это циклизация вокруг имени — героя; и применение приемов в других отраслях, проба их, прежде чем пустить в литературу; и нет „единства“ и „цельности“, а есть система отношений, напр. в области полит[ической] деятельности, может быть комбинаторно связано с другим типом, скажем, отношением к языку и литературе (Грибоедов, Пушкин). Вообще, личность не резервуар с эманациями в виде литературы и т.п., а поперечный разрез деятельностей, с комбинаторной эволюцией рядов. Я еще не додумал, буду думать» (*Тынянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино. С. 517. Ср.: «рудименты разных интеллектуальных деятельностей» как наполнение категории быта (*Тынянов Ю.* Литературный факт... С. 264).

Именно на это время приходится всплеск интереса к биографическому жанру в Западной Европе и России. Роман Якобсон, наблюдая из Праги за литературной и научной жизнью в России, в конце 1928 — начале 1929 г. дважды обращается к Виктору Шкловскому с одной и той же просьбой-заказом, 14 ноября 1928 г.: «Перехожу к очередным делам... 4. Пришли для „Славише Рундшау“ небольшую статейку — три-четыре страницы — о новом русском биографическом романе — увлечение мемуарной литературой, Тынянов, с одной стороны, Форш, Сергеев-Ценский, В. Каменский и т.п. — с другой». В письме 20 января 1929 г. повторяет почти дословно (*Шкловский В., Якобсон Р.* Переписка (1922–1956) / Предисловие, подготовка текста и комментарии А. Ю. Галушкина // *Якобсон Р.* Тексты, документы, исследования М.: РГГУ, 1999. С. 122 и след.).

Особую значимость Эйхенбаум находил в *поведенческой модели* писателя и его *социальной роли/маске, жесте* как двигателе литературной судьбы и залого успеха. Эйхенбаумовский «жест» перекликается с телесно укорененным «поколением» Тынянова: он обладает биографообразующей функцией — жест визуален, он может быть запечатлен; набор запечатленных жестов — графическое воплощение персональной жизни. Не случайно Эйхенбаум полагал, что «Тургенев, бросающий в угол недочитанный том стихотворений Некрасова, — это исторический жест, достойный внимания»¹.

Точно так же буквально употребляется Эйхенбаумом понятие «писательский облик»: «писательский облик — открытки с его [Максима Горького] изображением покупались нарзахват. ... Публика не давала ему проходу, „глазая“ на него»²; «Не даром в разных городах стали появляться лже-Горькие»³. Здесь же возникает понятие «*писательская судьба*», «*писатель с судьбой*»: «быть писателем с „судьбой“ учиться было не у кого, кроме Толстого»⁴. И тут же уже без кавычек о Толстом: «человек с судьбой и поведением»⁵. Писательская судьба в статье о Толстом находит свой эквивалент *литературная карьера*, а *писательский облик* приближается к *социальной роли, маске* («Успех М. Горького вначале имел не столько литературный, сколько социальный характер. В русской литературе явился какой-то самовольный писатель, самоучка, не интеллигент, не земец и даже не разночинец»⁶) с нечетким объемом понятия, от «заместителя русской интеллигенции»⁷ — Горького до «салонного ампула артиста у Тургенева, в котором есть исторический смысл, характерный для эпохи»⁸.

¹ Эйхенбаум Б. Некрасов // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л.: Художественная литература, 1986. С. 342.

² Эйхенбаум Б. Мой современник. С. 117.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 93.

В теоретических работах Тынянов вводит не социальное, но текстуальное, речевое понятие «литературная личность», которая может быть реконструирована на том основании, что существуют явления стиля, которые приводят к лицу автора¹, или «речевая установка литературы»². При этом есть авторы, которые обладают литературной личностью, восстанавливаемой не по отдельному произведению, а по их целокупности (Байрон, Гейне, Есенин), и не обладают ею (Лесков, Тургенев).

Эту терминологию подхватят позже Юрий Лотман и Борис Успенский в работе о «Письмах русского путешественника» Николая Карамзина: «[...] поразительная литературная судьба Карамзина — судьба человека, стоящего вне борьбы, споров и эмоций, но провоцирующего борьбу, споры и эмоции читателей и потомков. При этом двойственность литературного облика, исходно заданного образом автора „Писем“, позволяла с самого начала „читать“ его с противоположных позиций: как патриота и галломана, новатора и консерватора, чувствительного и холодного, мятежника и врага политики и мятежей. [...] Для читательской аудитории эта двойственность определяла литературное лицо Карамзина. Для самого Карамзина она определяла его литературную позу»³.

Занимая промежуточную позицию между Тыняновым и Эйхенбаумом, Лидия Гинзбург пользуется социально-речевыми понятиями «литературный тип», «литературная личность» писателя, причем последняя может сознательно избираться: «Моей задачей является найти литературный тип Вяземского; выделить признаки, которые образовывали в нем авторскую личность определенной формации»⁴; «Вяземский

¹ Тынянов Ю. Литературный факт... С. 268

² Тынянов Ю. О литературной эволюции... С. 279.

³ Лотман ЮМ, Успенский БА. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Сер.: «Литературные памятники». Л.: Наука, 1984. С. 528–529.

⁴ Гинзбург Л. Вяземский-литератор // Русская проза / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 103.

строит биографию [Дмитриева, Озерова, Фонвизина] не путем безразличного собирания фактов, а путем отбора тех фактов, которые могли осветить интересовавшие его вопросы — именно *литературную и гражданскую личность писателя* (здесь и далее курсив мой. — НА) // Та литературная личность, которую Вяземский *избрал для себя*, определяется его нежеланием признать себя готовым писателем»¹.

Комментируя отличие в подходе к литературному быту как части истории литературы у Эйхенбаума и Тынянова, Сергей Зенкин замечает, что «два подхода к быту — через институты и через (прото)тексты, через „поколение“ и через „литературную“ и „пародическую“ личность — различаются по своим научным установкам. Это социологический и семиотический подходы к культуре. Первый стремится поставить литературу в институциональные границы (не обязательно государственные, классовые и т.д. — важно, чтобы текст где-нибудь кончался), второй описывает ее бесконечную экспансию в окружающий мир, который изначально семиотизирован и поэтому так легко и органично поддается литературной обработке... первый подход основан на общей механике социальных групп, второй — на самодеятельности индивидуального субъекта»². Возможности текстуализации поколения и ее место в конструировании литературной личности я попытаюсь продемонстрировать во второй части статьи.

Поколение для Анны Ахматовой

1964 годом отмечены последние попытки Анны Ахматовой восстановить текст завершающей седьмой элегии из цикла «Северные элегии», в который вошли стихотворения, написанные в разное время, — в 1921 г. («Третья»), в 1940–1945 гг. («Первая.

¹ Гинзбург Л. Вяземский — литератор. С. 124–125.

² Зенкин С. Открытие «быта» русскими формалистами // <<http://ivgi.rsu.ru/zenkin1.htm>>.

Предыстория», «Четвертая», «Пятая», «Шестая»), в 1955 г. («Вторая. О десятих годах») и в 1958–1964 гг. («Седьмая». «Третья») — должна была войти еще в цикл «Эпические мотивы» (“*Аппо Domini*”), но осталась неоконченной и была включена в позднейший цикл¹. В то же время в июне 1940 г., когда Ахматова читала эту элегию Лидии Чуковской, она вернулась к работе над стихотворением «Смеркается, и в небе темно-синем...» и дописала последние восемь строк², с которыми «Эпические мотивы», начатые в 1913 г., и были напечатаны позже. Таким образом, эти два цикла объединены работой, длившейся с перерывами приблизительно 50 лет.

Возвращение к ранним стихам, их переделка, перекомпоновка циклов и сборников были обычным делом для Ахматовой. Однако 50 лет работы все же исключительны. Почему именно эти два цикла?

Почти все стихотворения этих двух циклов (за исключением последней «Седьмой» из «Северных элегий») написаны астрофичным бесцезурным белым пятистопным ямбом. В русской поэзии этот размер отмечен четкой генеалогией³, и употребляющий его точно знает, что в лирике начало ему положено пушкинским «Вновь я посетил...», от которого идет весь комплекс значений разной степени отвлеченности — остановка одинокого путника (горожанина) в дальнем пути; повествовательность, объединенная с медитативностью; афористичность, философичность финала. Поэтому для Ахматовой выбор формы был одновременно знаком принадлежности к определенной традиции. Но только ли?

В промежутке между Ахматовой и Пушкиным всплеск интереса, потребности в астрофичном бесцезурном белом пятистопном ямбе приходится только на один период —

¹ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой, 1938–1941. М.: Согласие, 1997. С. 133.

² Там же. С. 113, 223–224.

³ *Гаспаров М.* Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. § 56, 67, 70, 76, 82, 93, 116.

10–20-е годы. Причем на достаточно очерченную группу авторов, далеко не всегда связанных программными или кружковыми привязанностями. Среди них прежде всего надо упомянуть Владислава Ходасевича и Михаила Кузмина.

Сравнивая отзывы Ахматовой о Ходасевиче по воспоминаниям современников, можно заметить, как менялось ее отношение. В дневнике П. Лукницкого за 3 марта 1925 г. читаем: «О стихах Ходасевича отзывается очень сдержанно. Когда я спросил в упор: „Любите?“ — ответила принужденно: „Есть хорошие стихи, но все это какое-то деланное, неоправданное...“¹. Спустя два года 10 декабря 1927 г.: «АА ставит резкую грань между одержимым „священным безумием“ Мандельштамом и Ходасевичем, желчность и болезненность которого повлияли и на его психику»². В шестидесятые годы оценка Ходасевича меняется. Юрий Оксман 14 января 1961 г. отмечал: «Спрашивал ее о Ходасевиче, она его очень ценит...»³ В дневнике за 23 сентября 1962 г. Лидия Чуковская пишет: «Анна Андреевна рассказала, что Нина Берберова за границей опубликовала всего Ходасевича. Тираж книги — 600 экземпляров. Анна Андреевна через кого-то просила передать ей, что у нас книга мгновенно разошлась бы десятиллионным тиражом. (Я: „Но у нас бы ее вообще не напечатали. Никаким тиражом.“) О Ходасевиче Анна Андреевна отозвалась с большой любовью»⁴. Вячеслав Вс. Иванов, чьи записи относятся к зиме 1963/1964 года, записывает со слов Ахматовой: «Я недооценивала Ходасевича. Это к тому, что я не люблю чистые пейзажи. А смотрите, что он делает (если я правильно понимаю свою запись, тогда же сделанную, она показала мне стихотворение „2-го ноября“»⁵.

¹ *Лукницкий ПМ.* Из дневника и писем // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 144.

² Там же. С. 173.

³ *Оксман Ю.* Из дневника, которого я не веду // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 641.

⁴ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой, 1952–1962. С. 520.

⁵ *Иванов Вяч. Вс.* Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Советский писатель, 1991. С. 487.

Между *деланностью* и *большой любовью* — существенное расстояние. Возможное объяснение кроется в том, что в 40–60-х годах Ахматова, одна из последних олимпийцев, обозревает пустеющее пространство по «гамбургскому счету» и устанавливает окончательные связи, будь то в центонной «Поэме без героя» или в эпических «Северных элегиях». Причастность личной истории Ахматовой, а также истории ахматовского поколения становится знаком отличия. В этом контексте не случайно упоминание стихотворения «2-го ноября». Это стихотворение входило в сборник «Путем зерна» (1920 и 1921), в котором почти подряд шли «Эпизод», «2-го ноября», «Полдень», «Встреча», «Обезьяна» и «Дом»¹, — все написанные белым пятистопным ямбом, открыто связанным с пушкинской традицией цитирования во «2-го ноября», упоминанием имени и началом *in medias res* в «Эпизоде»; городскими медитациями или раздумьями горожанина в прочих. И если не совсем понятно, почему «2-го ноября» оказалось связанным с пейзажами, то вполне вероятно, что слух Ахматовой вновь отозвался на хорошо ей знакомый эпический ритм, к тому моменту ставший для нее знаковым.

Здесь стоит подчеркнуть, что долгая история личных и литературных отношений Ахматова — Ходасевич — Кузмин не существенна, так как речь идет исключительно о литературном поколении, понимаемом как конструкт, созданный (индивидуально или коллективно) в определенном контексте, в качестве формы осмысления жизненного и литературного пути. Того поколения, которое Ахматова создает в 1940–1960-х годах, в 1910–1920-х не было, но произведенные тогда тексты могут служить и служат строительным материалом для него.

Связи между поэзией Ахматовой периода «Поэмы без героя» и творчеством Кузмина подробно описаны в статье

¹ Почти все они по отдельности были опубликованы сразу по написанию и неоднократно прочитаны публично, в том числе у Вяч. Иванова. См. примечания в: Владислав Ходасевич. Стихотворения (Библиотека поэта. Большая серия). Л.: Советский писатель, 1989.

Р. Тименчика, В. Топорова и Т. Цивьян¹. В ней акцентируется конструирование прошлого Ахматовой посредством обращения к текстам современников (и не только), связанное прежде всего с двумя произведениями Кузмина — романом «Плавающие — путешествующие» (1915) и поэмой «Форель разбивает лед» (1927)². Однако роль последней поэмы в конструировании прошлого в творчестве Ахматовой не ограничивается «Поэмой без героя», а след от «Форели» ведет к «Северным элегиям».

Обычно в комментариях к этой поэме указываются литературные и кинематографические подтексты («Ангел западного окна» Густава Майринка и «Кабинет доктора Калигари» Роберта Вине), расшифровываются автобиографические детали, и все произведение нанизывается на сложный механизм памяти и воспоминаний³. Помимо механизма памяти, в поэме, состоящей из двенадцати глав — «ударов», двух вступлений и заключения, существует еще один стержень — ритмический.

Первый, пятый, восьмой, десятый удары и заключение написаны именно интересующим нас размером. В переводе на количество стихов на него приходятся 219 стихов, на все остальные — 217, т.е. половина поэмы написана именно им. В остальной части ритмического единства нет, скорее белые пятистопные ямбы рассказывают историю, а мелодии из других глав аранжируют основную тему или являются сольными партиями действующих лиц истории (подназвание шестого удара — «Баллада»).

Авторы статьи «Кузмин и Ахматова» заметили, что строки: *«Толпой нахлынули воспоминанья, // Отрывки из прочитанных романов, // Покойники смешались с живыми»* — из «За-

¹ Тименчик РД, Топоров ВН, Цивьян ТВ. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. 6. N 3. July.

² В статье ошибочно указан 1929 г.

³ См. комментарии А. Лаврова и Р. Тименчика к изданию: Кузмин М. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1990; Богомалов НА. «Отрывки из прочитанных романов»; Вокруг «Форели» // Богомалов НА. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 163–173, 174–178.

ключения» «Форели» стали формулой сюжетообразующего принципа «Поэмы без героя», а также отметили родственность «Поэмы» метрической схеме и строфической структуре «Второго удара».

Развивая их наблюдения, можно сказать, что ритмическая организация является знаком пространства памяти, пространства, в котором моделируются связи и отношения, в котором память семиотизируется. Белый пятистопный ямб становится таким пространством поколенческой памяти для Ахматовой¹. «Северные элегии» (напомню — написанные в разное время) — это автобиография и одновременно биография поколения: *так вот когда мы вздумали родиться* («Первая»); *И знала я, что заплачу сторицей // В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме, // Везде, где просыпаться надлежит // Таким, как я, — но длилась пытка счастьем* («Вторая»); *В то время как мы за полночь старались // Не видеть, что творится в зазеркалье* («Третья»); *И нас никто не знает — мы чужие. // Мы не туда попали... Боже мой!* («Шестая»).

Бродскому сочетание память — белый пятистопный ямб достается в готовом виде:

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркала,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все разночинно, наспех, как-нибудь...

«Северные элегии» («Первая»)

¹ Описывая историю пятистопного ямба в XX в., Михаил Гаспаров отмечает приверженность «восходящему» ритму у группы поэтов, в которую входят все трое рассматриваемых здесь авторов: Блок, Белый, Кузмин, Волошин, Ходасевич, поздний Мандельштам и Ахматова. *Гаспаров М. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. С. 105.*

Подруга милая, кабак все тот же.
Все та же дрянь красуется на стенах,
Все те же цены. Лучше ли вино?
Не думаю; не лучше и не хуже.
Прогресса нет, и хорошо, что нет.

Бродский. «Элегия» (1968)

Бродский не столько соучаствует в ритмическом конструировании поколения, сколько присоединяется в качестве позднего его члена (в силу молодости и недавности воспоминаний пока не чуткого к астротичности) — поколенческая память им не создается, а усваивается.

Литовское слово в теле русского поколения¹

Томас Венцлова — литовский поэт, Йельский профессор. В 2001 г. Фонд «Пограничье» объявил его человеком пограничья 2001 г., что было логическим продолжением визита в Вильнюс трех нобелевских лауреатов — Виславы Шимборской, Понтера Грасса и Чеслава Милоша — и Томаса Венцловы 1–2 сентября 2000 г., лейтмотивом которого стал опыт географического и культурного пограничья. В летнем вильнюсском пейзаже он — человек с авоськой, прогуливающийся по знакомым улицам. Если Нобелевская премия в ближайшее время достанется литовскому автору, то это будет именно Томас Венцлова.

В контексте рассуждений формалистов об истории литературы и способах вписывания в нее автора в терминах литературной личности, представителя поколения или литературной роли интересно попытаться нащупать те исторические, в том числе поколенческие, связи, которые актуальны для литературной позиции Венцловы.

¹ Автор выражает признательность Томасу Венцлове за чтение этой статьи и комментарии.

Венцлова — классицист, или, по точному наблюдению Бродского, архаист-новатор, именно без редакторского «и», испортившего название статьи Тынянова¹. Чуткость к форме, знание ее возможностей и владение ею; укорененность в многоязычной европейской культуре, интенсивное имение ее в виду, «напряженное переживание культуры», как однажды Лидия Гинзбург сказала об Анне Ахматовой; сдержанность поэтической интонации — знаки классицистичности в широком смысле. Однако некоторые элементы формы могут расцениваться как знак не только эстетической позиции, но и принадлежности к определенному литературному поколению.

Белые пятистопные ямбы (как правило, астрофичные и бесцензурные)² разбросаны по разным сборникам, и трудно было бы выделить периоды большей плотности, напр.: *Per nakį šapnaš buvo hygius laikui.* (сборник «Знак речи», 1972), *Vienuoliktoji giesnė* («Щит Ахиллеса», 1976), *Prieš liepos vidurį Paryžius tuščiuas* («Густеющий свет», 1990), *Skiriama kėdikiui*³ («Вид из аллеи», 1998), а также два стихотворения вне сборников — *Kopos Watermill'e*⁴ и *Po paškaitoš*⁵. Помимо прямых отсылок к уже обсуждавшимся текстам Ахматовой, например, цитата в стихо-

¹ *Brodskij J. Poezija kaip pasipriešinimo realybei forma // Vencloua T. Rinktinė. Vilnius: Baltos lankos, 1999. С. 201.*

² Исследователи литовского стихосложения, как правило, не уделяют специального внимания пятистопному белому ямбу. Так, в одном из наиболее полных очерков он не упоминается вовсе (*Girdzijauskas J. Lietuvių eilėdara: XX amžius. Vilnius: Mokslas, 1979*). Видимо, причина кроется в отсутствии глубокой и специфической традиции, хотя этим размером традиционно с середины XIX в. переводятся драмы, напр. шиллеровские, см.: *Mikšytė R. Literatūrinės įtakos lietuvių silabinei-toninei eilėdarai // Lietuvių poetikos tyrinėjimai. Literatura ir kalba. XIII. Vilnius: Vaga, 1974. С. 48–49.*

³ «На рождение младенца» / Пер. В. Гандельсмана // *Венцлова Т. Граненый воздух. М.: ОГИ; Дом Юргиса Балтрушайтиса, 2002.*

⁴ *Kultūros barai. 1991. N 11.*

⁵ *Naujasis Zidinys-Aidai. 2001. N 9.*

творению *Kartagijojė po daugėlio metų*¹ из третьего стихотворения, входящего в «Эпические мотивы», «Смеркается, и в небе темно-синем...»², а также поэтической версии воспоминаний об Анне Ахматовой³ в «Po raškaįtoš», — в обсуждении вероятной связи Венцловы с русским белым пятистопным ямбом более важной фигурой является Ходасевич. Кузмин, видимо, — элемент поэтического образования, но не связей или идентификаций, или во всяком случае весьма отдаленных.

Так, можно заметить прямые переключки между финалом «Встречи» Ходасевича и *Per naktį sapnas buvo lygus laikui...*, «Полднем» и *Prieš liepos vidurį Paryžius tuščias*. Помимо парфраз, важным оказывается эмигрантский, или «посткатастрофный», словами Венцловы⁴, опыт обоих поэтов. Кстати, *Prieš liepos vidurį Paryžius tuščias* написано уже в эмиграции.

В интервью 1997 г. журналу *Linija* Венцлова сказал, что каждый поэт создает свою судьбу по определенной модели, и между судьбами его и Бродского много общего — модель та же. Там же он говорит о том, что в части его текстов можно обнаружить элементы модели поэтического языка, свойственной Бродскому⁵. Здесь прежде всего важна осознаваемая поэтом-филологом связь между поэтической судьбой и поэтическим языком в терминах модели. Помимо поэтического ровесника Бродского, в строительстве этой модели участвуют многие авторы европейской литературы, в русской части которой наиболее часто самим Венцловой упоминаются Пастернак, Цветаева и Ман-

¹ «Много лет спустя в Карфагене» / Пер. В. Гандельсмана // *Венцлова Т.* Граненый воздух. М.: ОГИ; Дом Юргиса Балтрушайтиса, 2002.

² Замечено Донатой Митайте в: *Mitaite D.* Tomas Venclova: biografijos ir kūrybos ženklai. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2002. С. 113.

³ <akhmatova.org/articles/ventslova.htm>.

⁴ *Viešaties Dievo diktatas* // *Manau, kad...* Pokalbiai su Tomu Venclova. Vilnius: Baltos lankos, 2000. С. 73.

⁵ *Tomas Venclova: laisvė, literatūra, laikmetis* // *Manau, kad...* Pokalbiai su Tomu Venclova.

дельштам, а особо подчеркиваются (после, *конечно, поэтов Серебряного века*) Анненский и Ходасевич¹. На одной из встреч в Русском культурном центре в Вильнюсе в 1995 г. в качестве наиболее близкого поэта Венцлова назвал Ходасевича с оговоркой: *каким странным это ни казалось бы*.

Ходасевич оказывается тем звеном, через которое Венцлова «подключается» к условному ахматовскому поколению, и одним из знаков включенности является приверженность белому пятистопному ямбу. Нужно оговориться, что если здесь названное «ахматовское поколение» — это прежде всего поколение последних олимпийцев, то, по крайней мере теоретически, конструкций такого поколения могло быть много, в зависимости от того, кем или какой группой эта модель актуализирована. Так же много может быть поведенческих и поэтических форм, которыми эта конструкция наполняется. Поколение олимпийцев/архаистов/новаторов/... наполняется каждый раз заново, подобно архетипу, понимавшемуся Юнгом как пустая форма, которую культуры каждый раз наполняют специфическим содержанием. Поколение — культурный конструкт, актуализируемый каждый раз заново. Поэтому, говоря о конструировании поколения Ахматовой и Венцловой, необходимо иметь в виду, что при видимой общности не стоит ожидать полной тождественности конструкций.

Возвращаясь к поведенческому и текстуальному полюсам в рассуждениях русских формалистов о литературных поколениях, необходимо подчеркнуть, что ахматовское поколение конструировалось не только в текстуальной плоскости. Его поведенческое, или социальное, измерение можно обозначить как чуткость, вкус к поэзе, жесту, движению.

Это понимание ценности поведенческой формы отмечают многие современники Ахматовой. Здесь приведу только два свидетельства. Первое — визуальное. Известный портрет Ахматовой работы Данько полностью повторяет позу Пуш-

¹ Interviu laiške Aušrai Stanaitytei // Manau, kad... Pokalbiai su Tomu Venclova. Vilnius: Baltos lankos, 2000. С. 199.

кина в исполнении Опекушина — тот же наклон головы, та же правая рука, прижатая к груди, левая — отведенная назад¹: одинокий классик². Второе — свидетельство Лидии Гинзбург из записных книжек 1929 г.: «Секрет житейского образа Ахматовой и секрет ошеломляющего впечатления, которое этот образ производит, состоит в том, что Ахматова обладает системой жестов. То есть ее жесты, позы, мимические движения не случайны и, как все конструктивное, доходят до сознания зрителя. [...] Движения рук, плеч, рта, поворот головы — необыкновенно системны и выразительны, но то именно, что они выражают, остается неузнанным, потому что нет жизненной системы, в которую они были бы включены. Перед нами откровенное великолепие, не объяснимое никакими социально-бытовыми категориями»³.

Венцлова — скорее «человек с сухими кошками» Маяковского, прототип которого любил стоять на одной ноге, ставший профессором, и вряд ли кто отольет его в позе Мицкевича рядом с костелом св. Анны.

Поколение может конструироваться и часто конструируется «задним числом», по механизму это конструирование совпадает с созданием традиции у Т.-С. Элиота с тем существенным отличием, что поколенческая принадлежность входит одновременно в две сферы — социальную и текстуальную. Ее функция — легитимация литературного поведения, литературной позы, в данном случае — «классицист в стороне», или «классицист на обочине» дороги в шведскую столицу.

Фигура поколения существует исключительно в воображении — исследовательском, писательском, бытовом. Вооб-

¹ *Кацис Л.* Эскиз поэтики «41*»: О «женской красоте» А. Крученых // Терентьевский сборник № 2 / Под ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея. С. 92.

² О модели поэтического поведения, альтернативной пушкинской, см.: *Арлаускайте Н.* Авангардистская поза поэта (Св. Франциск, Пушкин, Хлебников) // Пушкинский сборник. Вильнюс. С. 133–144.

³ *Гинзбург Л.* Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989. С. 77, 80.

ражение, в свою очередь, ангажировано — идеологически, культурно, академически, поэтически, как угодно. Воображение истории в том числе. В этом пространстве воображаемых историй понятие «поколение» по-прежнему выглядит заманчиво.

Если одновременно учитывать его социальное и текстуальное измерения, возможно создание такого типа истории литературы, как «репертуар поколений». Так понимаемая история литературы не обязательно опирается на национальный проект, даже скорее избегает его в качестве рамочной позиции — не «поколенческая история русской литературы», а, например, «литературные поколения Нового времени» или — по типам поколений — «классицисты двадцатого века», «поколение ниспровергателей» и пр. Разумеется, в таком случае возникает необходимость учитывать множественность таких конструктов — индивидуальных и групповых, и сама множественность может стать объектом исследования. Так воображать историю литературы кажется вполне естественным на излете национального проекта культурного строительства, особенно заметного из Вильны/Wilno/Вильнюса.

Раздел 2

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ЗАМЕТКИ О ПРОБЛЕМЕ ПОКОЛЕНИЙ

Ю. А. Левада

Современный интерес к проблематике и механизму «смены поколений» связан, как представляется, помимо общетеоретических и исторических внутринаучных факторов, прежде всего с некоторыми обстоятельствами отечественной истории последних десятилетий. Во-первых, с оценкой роли уходящего поколения «шестидесятников», как будто проложившего путь к современным трансформациям, но, как это чаще всего бывает, не нашедшего в них своего места. А во-вторых, с представлениями о факторах развития страны на ближайшие десятилетия, т.е. с вопросом о том, что несет с собой «гелем младое, незнакомое». Эмоциональная окраска дискуссий на эти темы, в том числе в рамках «поколенческого» семинара Т. Шанина, в особых комментариях не нуждается. Настоящие заметки — попытка выделить некоторые моменты перевода проблемы в плоскость социологического анализа.

1. Фантомные категории

Само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения «фамильной» преемственности, приводит к ряду *мнимых конструкций*. Таковыми, например, являются «смена», «конфликт», «разрыв» поколений. «Временная» организованность общества (систе-

ма связей, обеспечивающих воспроизводство его основных структур, в том числе нормативно-ценностной, при смене «человеческого материала») обеспечивается прежде всего системой его социальных институтов. Соответственно общественно значимые перемены связаны преимущественно с трансформациями социальных институтов. «Поколенческая» составляющая перемен сводится к тому, что *одним из факторов* перемен оказывается деятельность относительно небольших групп молодых людей, ориентирующихся на нетрадиционные (часто внешние) образцы и способных влиять на элитарные слои и атмосферу общественной жизни.

«Разрыв поколений», о котором принято говорить, — это, по существу, ценностный раскол, воплощенный в противостоянии небольшой, но значимой группы доминирующей традиции, системе, строю. Такой раскол становился возможным в определенных обстоятельствах социально-исторического развития. В России он наблюдался дважды — в XIX и XX вв.

Знаменитая «проблема отцов и детей» российского XIX в. (и связанные в ней судьбы отечественной интеллигенции) отражает катаклизмы начальных стадий перехода традиционного российского общества на общецивилизационный путь модернизации. А проблема «шестидесятников» XX в. — попытка как-то повлиять на возвращение страны в утраченное цивилизационное русло. При всем различии количественных параметров, в том числе длительности существования, обеих групп каждая из них составляла небольшое, статистически незначимое меньшинство в своих демографически измеримых поколениях. Значение деятельности каждой из этих групп хорошо известно.

Дело, однако, не только в некоторой близости исторических функций упомянутых групп различных веков; имелось и определенное сходство их положения по отношению к доминирующим общественным институтам. В обеих ситуациях «оторвавшиеся» группы противостояли жестко и вертикально организованным институциональным системам. «Верти-

кально» организованными можно считать общественные системы, опорные структуры которых легитимированы прошлыми, нередко сакрализованнными установлениями, нормами, авторитетами, текстами. В них действует иерархия авторитетов, как бы опрокинутая во времени назад (высшим считается более древний, «исконный»). В таких системах условием социализации, показателем зрелости служила или в поздние времена считалась верность традициям, «заветам отцов», принятой догматике и т.д. Отсюда, естественно, неизбежные стремления к закрытости от внешних влияний и постоянная неофобия, боязнь перемен. Угрозе «разрыва» поколений противостояла жесткая система традиционных институтов социализации и социального контроля. Редкие и индивидуальные исключения («казус Гамлета»), если и не были плодом позднейшего литературного воображения, не меняли общей картины.

Дореформенная Россия — почти идеальный пример такого «вертикально» организованного закрытого общества, в котором дворянство и монархия служили хранителями традиционной косности. Конечно, уже с XVIII в. эта закрытость все более превращалась в фантом, все более лицемерный, но постоянно воспроизводимый до конца XIX в., при этом все попытки в какой-то мере расшатать систему исходили от различных по составу и ориентациям групп людей молодых и хлебнувших какого-то «чужого» воздуха (хотя бы книжного). Отсюда и характерное для тогдашней литературной идеологии представление о «разрыве поколений» («Отец понять его не мог...» и т.д.). В «разрывающей» группе последовательно оказывались молодые люди, принадлежавшие примерно к трем поколениям (Гёргена, «шестидесятников» и перелома XIX–XX вв.).

Но ведь и советское государство, вопреки собственным идеологическим вывескам («молодость мира»), строилось как вертикальная структура, постоянно оправдывавшая себя обращением к «заветам основоположников» и непогрешимой доктрине. Всякая инициатива пересмотра «основ» (если, конечно, она не исходила от непогрешимого авторитета верховного ли-

дера) представлялась опаснейшей ересью, равно как и всякая попытка апеллировать к молодым силам: в начале 1920-х годов — безуспешное обращение Л. Троцкого к революционной молодежи, в 1930-е — борьба против «комсомольского авангардизма», в начале 1960-х годов — кампания против «молодежных» уклонений в искусстве, философии и т.д. Обращения к молодежи, призывы к самопожертвованию в военных и трудовых условиях, муштровки и накачки — все было допустимо только при полном подчинении «вертикали» авторитетов. (Небольшой, но показательный пример: в конце 1940-х годов А. Фадееву — знаменитому литературному вождю — пришлось переписать уже прославленную «Молодую гвардию», чтобы добавить линию «партийного руководства».)

Поэтому нарождавшийся в расшатанной системе общественный протест (во всех его направлениях — радикальных и осторожных, левых и либеральных, религиозно- и национально окрашенных) неизбежно выглядел как «разрыв поколений». На деле, как и столетием ранее, речь шла не о противостоянии поколений, а о вызове определенных групп «вертикально» организованной косной общественной системе. Выразителями его оказывались 30-летние в 1960-х и 60-летние в конце 1980-х годов.

2. Существует ли такой конфликт сегодня?

После отступлений, сделанных в сторону фактов общеизвестных, можно подойти к проблеме сегодняшней: имеется ли, возможен ли подобный конфликт в современных условиях?

В нынешнем российском обществе можно, в частности, из опросов общественного мнения обнаружить различия позиций и оценок между различными группами, особенно между людьми старших и более молодых возрастов, например моложе и старше 40 лет. На эту тему много написано. Но ни «разрыва» поколений, ни «молодежного» вызова сегодня как будто не существует, трудно усмотреть и возможности для

его возникновения в обозримом будущем. Объяснения этому положению можно видеть в следующем:

— замкнутая «вертикальная» структура общества необратимо разрушена в минувшее десятилетие. При всех катаклизмах и противоречиях произошедших переломов появились определенные контуры общества, которое вынуждено обращаться не к традиционным, а к современным референтам;

— нынешние носители власти (или часть их) воспринимаются большинством населения, прежде всего молодыми людьми, как выразители, даже инициаторы модернизационных перемен¹;

— власть в стране в руках представителей поколения, условно говоря, 50-летних (45–55 лет) — наиболее «молодого» из поколений, которые реально могут претендовать на власть («поколение отцов»). Никакие сдвиги группового или персонального порядка этого положения не изменят. Все конфликты и колебания курса, сколь бы велики они ни оказались, могут происходить лишь внутри этой поколенческой группы и этой правящей элиты;

— наконец, в обществе практически отсутствует «внешняя» оппозиция по отношению к правящей группе и ее формальному лидеру (президенту). Действуют лишь различные группы давления на властные структуры.

3. Молодежь в обществе: функции и претензии

Известно, что в средневековом обществе социальные позиции (статус, владения, привилегии, обязанности) часто наследовались в 16–20 лет. Социальный статус отца (и соответствующие нормы поведения, ценности, связи и пр.) автома-

¹ Так, по одному из опросов (февраль 2002 г.) президентскую партию «Единая Россия» считают выразителем демократических ценностей значительно чаще, чем любую иную.

тически доставался сыну. В современном обществе, при других возрастных параметрах жизни людей, поколения сопряжены друг с другом скорее «внахлест», чем «встык», т.е. в среднем довольно долго сосуществуют, влияют друг на друга. Для такого общества характерно взаимодействие представителей *трех поколений* — «детей», «родителей» и «дедов». С этим, в частности, связано и значительное увеличение периода социализации (до 25–30 лет в минувшем XX в.). Поэтому социальные позиции (власть, авторитет и пр.) переходят «по наследству» скорее не от «отцов» к «детям», но от «дедов» к «отцам» (в определенной мере и к «матерям», но это другая проблема), т.е., условно говоря, не от «40-летних» к «20-летним», а от «60-летних» к «40-летним» (понятно, что где 40, там и 45–50 лет).

А это значит, что «лицо» общества в перспективе каждое поколение сегодняшних молодых людей сможет определять только после того, как перестанут быть молодыми, перейдя в статус «отцов».

Сказанное подводит нас к вопросу о месте и функции «молодежи» (как специфической группы) в процессах социального воспроизводства в современных условиях. Собственно, в других условиях такой проблемы и таких функций просто не существовало: молодежь — сравнительно недавняя социальная категория (примерно ровесница XX в.), продукт уже упомянутой растянутой социализации. Социальная статистика относит к ней лиц в возрасте 15–24 лет, это примерно 16–17% российского населения. В отличие от иных категорий населения она обладает статусом универсальной и преходящей (все должны «пройти» через молодежный статус, и никто не может остаться в нем). В этой категории неизбежно сосредоточиваются максимальные социальные и личные надежды, иллюзии, устремления.

В знаменитых переворотках и катаклизмах прошлого молодые, наименее отягощенные грузом традиций, «горячие головы», увлеченные пафосом перемен и преувеличенными

ожиданиями относительно их результатов, выступали носителями новых социальных ожиданий и иллюзий, самоотверженными ниспровергателями «старых» порядков и т.д. Как правило, именно они становились и первыми жертвами разочарований и «стабилизирующих» акций. Но иногда и инструментами таковых.

Когда-то А. Камю заметил, что «культурная революция» в Китае середины 1960-х годов являлась своего рода бунтом «дедушек» (т.е. ортодоксов революции) против «отцов» (оппортунистов), который совершался руками «внуков» (имелись в виду движения хунвейбинов и цзаофаней, «молодых гвардейцев» и «бунтарей», руками которых осуществлялись массовые расправы с неудобными деятелями). Некоторые аналогии подобных «поколенческих» ситуаций можно найти и в истории идеологических кампаний советских лет, например в начале 1930-х или в конце 1940-х годов, когда молодежь, студенты использовались для организованной партийными властями травли «уклонистов», «космополитов» и т.д. Политическая наивность, безоглядное доверие молодежных активистов власти и «отцу народов», впрочем не без участия карьерных факторов, служили неременным условием подобных акций. Правда, в отличие от китайской ситуации здесь речь шла в принципе скорее о расправах с «ортодоксами» и «старыми кадрами» для упрочения господства команды державных прагматиков.

«Встроенные» в современные общественные институты механизмы перемен практически исключают (или делают заведомо неэффективными, а потому и маловероятными) сокрушительные катаклизмы. Соответственно утрачивают смысл как «авангардистские» фикции, так и жертвенные роли молодежи в общественных переменах. И в нашей сегодняшней ситуации, по крайней мере в данный момент, внутри- и окол властные интриги не нуждаются в апелляции к молодежной да и какой-либо иной массовой поддержке.

Что же касается собственно «молодежных» выступлений и «бунтов» последнего времени (примерно второй половины

XX в., например, знаменитой волны 1968 г. в ряде стран), то они непосредственно были направлены главным образом на решение сугубо «молодежных» проблем, т.е. на расширение возможностей (временных и нормативных) продленного детства, на присвоение атрибутов «взрослого» мира в качестве элементов игры, развлечения. Понятно, совершенно иной смысл имеют, например, студенческие демонстрации с требованиями поддержки образования, предоставления работы и др.

На протяжении XX в. молодежные выступления, движения, организации действовали под различными флагами, преимущественно радикальными и экстремистскими — от коммунистических и леворадикальных до националистических, фашистских, религиозно-политических (наподобие бирманской «армии бога») и т.п. Восторженный энтузиазм и максимализм требований нередко сочетался при этом с предельно упрощенными критериями, фанатизмом, этическим утилитаризмом, бескомпромиссностью и жестокостью по отношению к реальным или выдуманным противникам и пр. Да и готовность к низвержению старых порядков или авторитетов часто оборачивалась преклонением перед «новыми» идолами. Это относится и к нарочито «правильным» движениям («причесанные» под государственного лидера мальчишки-девочки в противовес «растрепанным»). Такая зеркально-перевернутая модель молодежных бунтарей минувшего века неоднократно использовалась, и прежде всего «партиями порядка», различными по лозунгам и близкими по способам действия. Нетрудно заметить, что к таким феноменам относятся и недавно появившиеся «Идущие вместе».

По известной характеристике М. Мид, современная цивилизация «проспективна», обращена к будущему, поэтому в ней старшие поколения как бы учатся у младших. Последнее соображение, видимо, нуждается в определенных оговорках. Старшие, а собственно и «все», «учатся», а точнее, пожалуй, «заражаются» от молодых (все менее многочисленных, но все дольше и, по-видимому, сильнее действующих на общество)

некоторыми элементами стиля поведения, речи, моды и т.п., может быть, и своего рода «энергетикой» действия. Но преимущественно *игрового* действия. Во «взрослый» мир из подросткового перешли спорт, в том числе «зрительский», туризм, «игровой» секс и т.п. Когда-то приходилось писать, что взрослые, играя с детьми, в то же время «играют в детей»; признавая молодежную субкультуру (мир «продленного детства»), любясь ею или даже негодуя по ее поводу, мы как бы играем в подростков. Конечно, в нормальном состоянии взрослые не становятся ни детьми, ни подростками, но лишь выстраивают параллельный игровой мир наряду с «серьезным» миром работы, семьи, социальной ответственности и обязанностей.

Соотношение этих миров далеко не стабильно. Сугобо игровая спортивно-зрительская горячка довольно давно получила весомые экономические связи (тотализатор, реклама), а в последнее время приобрела способность «запускать» механизм массовой и даже межгосударственной социально-политической истерии. Недавний пример — мобилизация «патриотических» страстей в России вокруг зимних Олимпийских игр 2002 г., имитирующая худшие образцы «холодной войны»¹. Дело вовсе не в массовом интересе к содержанию каких-то соревнований или судейским оценкам. Околоспортивные («зрительские») страсти, как оказывается вновь, с легкостью укладываются в русло агрессивно-обиженного противостояния «чужим», «Западу», «заговору» и пр. Все эти психологические модели, отработавшие свое в советскую эпоху (кто не помнит установок типа: «Эй, вратарь, готовься к бою...» и т.д.), очевидно, сохраняют свою «боеготовность».

Вот почему никакие, сколь угодно обстоятельные, данные о настроениях, ценностях, установках сегодняшних молодых людей не могут приоткрыть нам картину «завтрашнего» об-

¹ Согласно одному из исследований ВЦИОМ (февраль 2002 г.), 75% опрошенных (без заметных отличий по возрасту и уровню образования!) интересовались не мастерством атлетов, а только успехами российской команды.

щества, если остается неясным, в какие социальные рамки выльются интересы и энергия молодых. Иными словами, дело не столько во взрослении сегодняшних молодых, а во «взрослении», формировании институциональной зрелости общества. Претенциозно пошлые лозунги типа: «Молодежь — наше будущее!» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее — это то, что сделают с бывшими молодыми социальные институты и обстоятельства. Только в условиях развитого, социально «зрелого» общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают «старческие» воспроизведения той же «подростковой» наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях.

МЕЖДУ ВСЕМ И НИЧЕМ¹

Б. В. Дубин

..Они могли спокойно разрезать друг друга на части,
но ребенок, дети для них святое дело.

Л. Петрушевская. «Детская кровь» (1979)

20 ноября 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН — в развитие утвержденной за 30 лет до этого Декларации прав ребенка — единогласно приняла Конвенцию о правах ребенка (на следующий год Конвенцию ратифицировал Советский Союз, позднее она признана Россией как правопреемницей СССР). В центре Декларации — положение о ребенке до 18-летнего гражданского возраста как о самостоятельном правосубъекте.

Путь к этому признанию был, как принято выражаться, долгим, и вряд ли кто скажет, что сегодня он благополучно закончился. По этимологии слово «ребенок» связано в европейских языках с такими значениями, как «сирота», «раб» и «немой, безгласный, безответный»². В архаических и традиционных обществах дети находятся по ту сторону черты со-

¹ Материал первоначально опубликован в: Индекс: Досье на цензуру. 1998. № 3. С. 66–70. Для настоящей публикации статья доработана.

² См. об этом: *Дубин Б. К интерпретации ранневозрастных категорий в социологических исследованиях чтения // Социально-психологические проблемы чтения. М., 1979. С. 97–105.*

циальной полноценности. Они — существа несамостоятельные и бесправные, в точном смысле слова — «ничтожные». Но именно поэтому в *мифологии* тех же самых обществ этот «запредельный» ребенок превращается в существо сверхъестественное. Он — или исчадие черных сил, выходец из нижнего мира (отсюда — коварные карлики легенд и сказок), или божественное дитя, солнечный младенец (греческий Гермес, германские эльфы). Как все сакральное, нездешняя фигура ребенка двойственна, больше того, максимально многозначна. Он — воплощение самого главного, центрального, заветного и вместе с тем совсем другого, запредельного, нечеловеческого. Чаще всего такой чужой нашему миру ребенок, которого ждет великое будущее, и вправду сирота: он не знает своего отца либо порвал с ним, проклят, изгнан из дома. Этот находящийся под смертельной угрозой и наделенный сверхъестественным могуществом младенец вообще существует до всякого времени. По парадоксальной старинной формуле, использованной Карлом Кереньи, он — «прежде отца»¹. Ребенок как бы *старше* своих родителей, поскольку ближе их к истокам сущего. Говоря опять-таки словами Кереньи, он — «неустойчивость, не отделившаяся от изначального»².

Но такова архаика и наследующий ей на протяжении веков мир устойчивой традиции, передаваемой из рода в род³. Как отдельное существо, как особая ценность ребенок появляется на свет гораздо позднее. Он — детище буржуазной эпохи: здесь он переживает свое, можно сказать, второе, уже культурное рождение. Для этого необходима самостоятельная, отделившаяся от рода-племени и насчитывающая всего несколько человек, желательно — двух ближайших по-

¹ Кереньи К. Предвечный Младенец в предвечные времена // Юнг КГ. Душа и миф: Шесть архетипов. Киев, 1996. С. 40.

² Там же. С. 85.

³ См.: Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М., 1977. С. 216–244; Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

колений, семья; нужна постепенно освобождающаяся от борьбы за *протитание* и переключающаяся на *воспитание* мать; требуется известный уровень благополучия, чувство отнесенности экономической стабильности, сознание присвоенности хрупкой ценности жизни — и как таковой, и каждой отдельной (отсюда окрашенная поэзией романтическая символика «домашнего очага» в противопоставлении «большому» миру за окном, неуютному и опасному, внятная позднее еще для Бодлера). Не зря тема детства укрепляется на Западе после периода Просвещения вместе с идеей терпимости к другим и любопытством, интересом ко всему иному, инаковому. В тогдашней европейской культуре рука об руку с образом ребенка встают фигуры свободного художника-гения, душевнобольного — своего рода символические шифры современной («модерной») эпохи. Параллельно им осознается проблематика женской эмансипации, складываются и институционализируются такие «гетерологические» науки, как этнография, сравнительное языкознание, собственно история (самостоятельные кафедры истории возникают в Берлинском университете в 1810 г., в Сорбонне в 1812 г.). В литературе развиваются и вызывают бурную общественную полемику такие «незаконные» жанры-парвеню, как роман воспитания (да и роман как таковой), автобиография, частный дневник, личные записки.

Духовные родители нового образа детства — европейские сентименталисты, и в первую голову Руссо, для которого ребенок — это сама природа, читай: природа человека. От него эстафету принимают романтики. В центре их программы — личность как активный субъект истории (понятие об исторической науке рождается тут же) и субъективность как исходный принцип познания, чувствования, действия (как помним, фаустовское «в начале было дело» переиначивает у Гёте хартию прежней, священной истории — евангельский Завет). Отсюда в Европе начинается длинный ряд парадизов младенчества как утраченного рая (от «Эмилия» Руссо до «Дру-

гих берегов» Набокова) и преисподних поруганного детства как его повседневного ада (от героев Диккенса до персонажей фильмов Франсуа Трюффо, биографических повестей Германа Гессе или Томаса Бернхарда и далее вплоть до нынешней педофилии, киднепинга и детомучительства). Развивается новая мифология «гениального дитяти» (Эвфорион в том же гетевском «Фаусте»), которую позднее подхватывает и тиражирует массовая культура. Фигура ребенка наделяется абсолютной сверхзначимостью. Она символизирует связь времен, указывает на смысловые дефициты, лакуны культуры, вехами очерчивает ее горизонты.

Больше того, ребенок становится своего рода «мерой» жизни общества, жизни культуры — и верхним, идеальным пределом их развития, и нижней границей их реальной развитости. Не зря в панорамно-историческом романе Понтера Грасса «Жестяной барабан» (и фильме, поставленном по нему Фолькером Шлёндорфом) рассказчик остается в черед европейский событий новейшего времени все тем же маленьким мальчиком, как бы задавая происходящему неизменный внутренний масштаб. Итальянский философ Джорджо Агамбен видит в детстве воплощенную возможность и воплощенную форму, подчеркивая в ребенке равенство себе, не отсылающее ни к чему. В этом смысле ребенок для него — парадигма жизни, образец «жизни как формы». Ребенок теперь — не ступень, не обещание, не символ иного. Он и есть *сам* человек — каждый из нас и все мы вместе взятые¹.

В России символика детства повернута характерным углом. Если говорить в самых общих словах, ребенка здесь наделяют не просто нарицательным, но, можно сказать, отрицательным значением (Ален Безансон видит в русской культуре постоянно вытесняемую и столь же постоянно прорывающуюся на поверхность сознания травматическую фи-

¹ См.: *Agamben G. Idée de l'enfance // Idem. Idée de la prose. P., 1998. P. 81–86; Idem. Enfance et histoire. Destruction de l'expérience et origine de l'histoire. P., 2000.*

гуру «убиенного царевича»¹ — от престолонаследника, загубленного во младенчестве пушкинским «царем-иродом», до революционной блоковской матушки-Руси, «слопавшей-таки» своего поросенка). Чаще всего в образе ребенка либо воплощается непреодолимый раскол поколений, порвавшаяся связь времен (ключевая для России формула «отцы и дети»), либо же этим символом нацело перечеркивается не только настоящее, но и любое, даже архисовершенное будущее. Оно, по знаменитой реплике героя Достоевского, не стоит одной детской слезинки².

Советское общество, настойчиво пытавшееся начать в истории с чистого листа, выглядеть в чужих и своих глазах как «молодость мира», не просто гноило и уничтожало в лагерях, убивало в войнах, а позднее выдавливало из страны наиболее молодых, способных и активных людей. Человеконенавистнический, самоистребительный импульс лег, среди прочего, в основу «нового человека». Негативное отношение к другому (от бесчувственности до ненависти) заложено в саму антропологию советского общества. Болезненная напряженность символов детства в советской культуре — вещь не случайная, и образы детей в прозе Платонова («Котлован») и фильмах Эйзенштейна («Бежин луг») — многозначительное свидетельство, парадигма человеческого удела в «новом мире». По логике комплекса, тяга к самоуничтожению — свидетельство глубокого внутреннего раздвоения и вместе с тем орудие дальнейшего раскола. А потому детством в советской России

¹ *Безансон А.* Убиенный царевич. М., 1998.

² Значимость фигуры ребенка может быть представлена и в негативном залоге. Среди смысловых узлов темы нежелательного, несостоявшегося, вытесненного детства в русской культуре, символику которых стоило бы специально развернуть, укажу для примера на такие соотнесенные друг с другом мотивы, как «недоносок» (от Е. Баратынского до В. Брюсова), брошенный ребенок (у А. Островского, Достоевского и т.д.) и отказ от рождения (антиевгеническая установка Н. Фелорова, перешедшая от него к А. Платонову, на которую в устном сообщении 2002 г. указал Ю. Левада).

клялись с каждой трибуны, продолжая не верить детям и не любить, не ценить детства. Его контролировали на каждом шагу. Малейшие его свободные проявления подавляли. Именно поэтому с изнанки плакатного образа «страны-подростка» десятилетие за десятилетием все отчетливее проступала неразрешимая, несмотря на все союзы и комитеты, все затраченные усилия, деньги и программы, «проблема молодежи», говоря суконным языком тех же программ. Обострялось положение неполных и конфликтных семей. Росла юношеская преступность. Учащались самоубийства. Вырвались из-под спуда, как пожар, наркомания и СПИД.

После десятилетий, чисто негативный опыт которых, по мысли Варлама Шаламова, передать никому невозможно, потому что некому и незачем передавать, ребенок в советской культуре стал исподволь наделяться значением бессильной жертвы. Официально мобилизующей фигуре матери-родины противостояла в андеграунде и диссидентстве символика Пьеты, а ходульной «Большой семье» Кочетова-Хейфица и лирическому «Серее» Пановой, Таланкина и Данелия — «Иваново детство» Тарковского, позже — «Покаяние» Абуладзе, «Легко ли быть молодым?» Подниекса с их образами детей-жертв. Советская культура — мартиролог детства. Обреченные детские герои Людмилы Петрушевской как будто вбирают в себя окружающее их неблагополучие, а теряющие человеческие черты, уже почти мифологические калеки Дмитрия Бакина опять врастают в землю, наделяясь то ли колдовской, то ли звериной силой зрения и слуха, но полной неспособностью осмысленно действовать.

Десятилетие за десятилетием в советской России под глянцево-обложкой преемственности воспроизводился, можно сказать, консервировался разрыв поколений, копились их взаимная глухота и агрессивность. По данным опросов ВЦИОМ 1990-х годов, желание молодежи быть понятой старшим поколением, поиски поддержки у взрослых чаще всего наталкиваются на требование «воспитывать молодежь в строгости

и уважении к старшим». Поколение родителей, а особенно пожилых россиян (по возрастной принадлежности, «дедов»), относится к младшим поколениям (по возрасту — их «внукам») с настороженностью и недоверием. Преобладает обвинительный уклон. Причем ведущая роль в этом принадлежит, скажем, не только малообразованным, неквалифицированным рабочим, но и руководителям разных уровней, дипломированной интеллигенции. Так, среди различных качеств работающей молодежи старшие чаще всего подчеркивают сугубо отрицательные черты: пристрастие к спиртному; эгоизм, равнодушие к окружающим; непорядочность, нечестность; недисциплинированность и безответственность; низкую квалификацию. И даже, казалось бы, преимущества молодых окрашиваются в сознании их «родителей» и «дедов» в отрицательные тона. Энергия, предприимчивость, смекалка молодежи обращаются в глазах их предков и наставников «делячеством», «корыстолюбием» и т.п.

Так закладывается, пестуется, воспроизводится отношение к детству и юности как чему-то отрицательному или, в лучшем случае, проходному — тому, что следует как можно скорее преодолеть¹. При мысли о детстве люди в России, по данным опросов ВЦИОМ, чаще всего думают о том, чтобы «как можно быстрее вырасти» (ясно, что формируют, задают подобное понимание отнюдь *не дети*). Может быть, не зря на рубеже 1980–1990-х годов 43% граждан тогдашнего СССР с гордостью чувствовали себя родителями своих детей, но лишь 20% испытывали гордость оттого, что они — дети своих

¹ Подробнее об этом см.: *Дубин Б.В.* Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 14–19 (в соавторстве с Н. Зоркой); *Он же.* Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: Межпоколенческая репродукция и разрыв поколений // Экономические и социальные перемены... 1995. № 1. С. 12–16; *Он же.* Молодежь и идеология сегодня // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 291–302.

родителей? И в конце 1990-х годов (мартовский опрос ВЦИОМ 1998 г.) 58% опрошенных молодых россиян до 30 лет признали, что выросли такими же, как их матери и отцы; вдвое меньше (25%) — что решительно отличаются от своих родителей. При этом 45% хотели, чтобы их собственные дети и внуки стали совсем другими.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

В. А. Ядов

Утверждение о том, что новые поколения выступают в качестве «мотора» исторических изменений, обсуждалось на нашем семинаре неоднократно¹. Известно также, что в среде молодежи намного больше, чем среди представителей старших поколений, тех, кто явно предпочитает западную модель общества².

Между тем здесь остается немало вопросов для размышления.

Вопрос первый. В какой мере утверждение о решающей роли молодых поколений в общественных преобразованиях приложимо к любым современным обществам?

Вопрос второй. Насколько эта идея, сформулированная в минувшем веке, адекватна веку нынешнему?

Вопрос третий. Какие группы или субкогорты российской молодежи обладают достаточным социальным ресурсом, чтобы оказать заметное влияние на предстоящие социально-экономические процессы в России?

¹ Уточним границу перехода в стадию жизненного цикла «взрослости». По Е. Омельченко, это есть «переход от безответственности к ответственности: владению всеми правами и обязанностями физически, психически и социально зрелого гражданина своего общества» (Омельченко Е. Молодежная культура и субкультура: Сер.: «Специализированные курсы в социологическом образовании». М.: Институт социологии РАН, 2000. С. 18).

² Анализ, любезно сделанный Ю. Левадой по просьбе автора.

Критериальным в поиске ответа на первый вопрос является различие «институциональных матриц» России и западных стран¹.

Базовые российские социальные институты вертикальны, государство выполняло и продолжает исполнять свою доминирующую функцию решительно во всех сколь-нибудь важных социально-экономических, политических и прочих новациях.

Этим мы радикально отличаемся от обществ западного типа, где гражданские институты, т.е. горизонтальные социальные взаимодействия, доминируют или уравнивают вертикальные, и соблюдается некий «общественный договор» между гражданами и государством, а судебная власть обладает реальной независимостью от тех и других. Исследования Рональда Инглехарта указывают на то, что принятые послевоенными молодыми поколениями либерально-демократические ценности в бывших фашистских странах Германии, Испании, Италии и Японии позволили им радикально изменить весь облик общества². Здесь, однако, надо дополнить объяснения Инглехарта. Во-первых, эти страны, потерпев поражение в мировой войне, оказались в зоне жесткого контроля государств антигитлеровской коалиции. Во-вторых, исторически сложившиеся институциональные и культурные «матрицы» Германии, Испании и других западноевропейских стран бывшего фашистского блока позволили быстро восстановить традиционные взаимоотношения гражданских структур и государства. Что касается Японии и Южной Кореи, то это — общества с доминированием корпоративной культуры. Секрет успеха Японии заключается в опоре на собственные культурные традиции при внедрении современных (капиталистических) социальных институтов³.

¹ *Курдяка С.* Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. Новосибирск: Издательство ИЭи ОПП СО РАН, 2001.

² *Inglehart R.* Changing Values, Economic Development, and Political Change // *International Social Science Journal*. 1995. Vol. 145.

³ *Китахара А.* Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // *Философские науки*. 1996. № 1–4. С. 30–48.

Принимая во внимание социально-культурные особенности России, возможности молодых поколений заметно трансформировать общество в согласии с их ценностями и жизненными практиками не столь очевидны.

Нужны два благоприятных условия:

а) недостаточно перейти из статуса дочери/сына в статус матери/отца, учителя и пр. *Чтобы осуществить свою роль обновленцев, молодые должны войти в состав властвующей элиты*, а это процесс постепенный, если исключить возможности государственного переворота. На нашей памяти «эдики и глебы» вымывались из аппарата ЦК КПСС либо вынуждены были принимать правила игры «митрофанов лукичей», равно как в постсоветское время в правительственных структурах не смогли закрепиться «молодые реформаторы» либеральных взглядов. Если же сегодня молодой президент обновляет свою команду сверстниками, то далеко не «эдиками», но товарищами по оружию. Таковы же и процессы в регионах;

б) молодое поколение избирателей при современных, как их называют, электоральных, технологиях мало что значит;

в) не хуже того: именно «порядочные» молодые люди испытывают глубокое отвращение к политике, а подрастающее жулье и «хваткие ребята» из бизнеса нацелены на власть.

Для оценки судьбоносной роли молодых поколений миросистемные процессы не менее важны, чем внутрироссийские. Глобальные взаимосвязи во всех сферах жизни (экономика, политика, культура, военно-оборонительные и наступательные альянсы стран) прерывают автономную историю отдельных национальных государств. Метафора Фукуямы о завершении истории отдельных стран сегодня имеет весомые свидетельства. Это обстоятельство заставляет осмыслить роль новых российских поколений в контексте геополитического будущего России.

С одной стороны, мы имеем интеллектуальные проекты оптимистов постмодернистского направления (движение цивилизации к максимуму свободы личности от давления социальных

структур), а с другой — мрачные прогнозы относительно вектора изменений в сторону повышенных глобальных и региональных рисков — природных, техногенных, социогенных.

Несомненна «гло-локализация», т.е. противоборство между процессами, унифицирующими экономическое, политическое и культурное пространство, с одной стороны, и тенденцией противостояния глобализации со стороны национально-государственных и этнокультурных «локалов» — с другой. Движение антиглобалистов — лишь обостренная форма такого противостояния, протест против «ожиревших», претендующих на право диктовать свои условия всему человечеству.

Я бы уточнил формулу гло-локализации, а именно: в реальности имеет место «гло-локал-анклавизация» мирового сообщества. Несмотря на демонстрируемую сегодня (после атаки террористов на США) солидарность стран, которые разделили мир на «цивилизованные» и нецивилизованные народы и вынужденно признали лидерство США, в недрах «солидарного сообщества» намечаются противоречия интересов разных стран. Образуются геополитические «анклавы». Евросоюз далеко не солидарен в собственном сообществе. Немало европейских (континентальных) стран, которые стремятся ослабить зависимость от мирового лидера¹.

При нынешнем ориентире российской геополитики мы скорее идентифицируем себя в качестве государства, близко-го к европейскому анклаву.

¹ В середине февраля 2002 г. политики и эксперты обсуждали будущее взаимоотношений между Россией и Евросоюзом. Директор политических программ Совета по внешней и оборонной политике А. Федоров назвал возникшую коалицию «альянсом лидеров» и добавил: «Стоит Бушу или Путину уйти со своих постов, как коалиция рассыплется». Немецкий политолог А. Рар утверждал, что «Америка не будет ни с кем считаться и вряд ли европейцы будут сотрудничать с США в военных операциях против стран, названных Бушем как возможных объектов удара» (Известия. 2002. 16 февр.).

Вместе с тем четко артикулированы в политических и финансовых кругах, как и в среде интеллигенции, призывы определить свою евразийскую идентичность и именно на этой основе укрепить положение России как великой державы. При возобладании такой геополитической стратегии Россия имеет перспективу автономной анклавизации в глобальном сообществе вместе с ближайшими соседями — «стратегическими» партнерами.

Итак, вопрос: к какому лагерю могут примкнуть новые поколения политиков и предпринимателей, интеллигентов и «народных масс»?

Напомним известную формулу А. Ахиезера о том, что Россия — расколотое общество. Раскол, с одной стороны, на приверженцев русских традиций, а с другой — прозападников, возникший со времен петровских реформ, нынче не только не преодолен, но скорее усиливается при активном участии Русской Православной Церкви в делах государства. Российские элиты не обнаруживают готовности искать какой-либо исторически «судьбоносный» компромисс. Попеременно то прозападники, то протрадиционалисты-державники берут верх во властных структурах, по-разному определяя вектор наших трансформационных процессов.

Статистики опросов общественного мнения указывают на определенно прозападные ориентации молодежи столиц и протрадиционные — молодежи провинциальных городов и села. Вполне возможное усиление противостояния России и Америки будет сближать нас с Европой и одновременно подпитывать великодержавно-«почвеннические» настроения. В этой ситуации можно полагать, что шансы двух извечных «партий» славянофилов и сегодня «атлантистов» — практически равны. Какая из них одолеет соперника в среде новых властвующих поколений?

В возрастной когорте молодых грубо приближенно можно выделить несколько групп: а) прозападники; б) русские патриоты-фанаты; в) прагматики, не имеющие собст-

венной идейной позиции; г) небольшая, но заметная часть экстремистов (крайне левые и полуфашисты), каковых я объединяю с криминальными группировками, и, наконец, д) подавляющее большинство общественно-политически равнодушных, отчужденных и от власти, и от гражданской жизни простых людей (в массовых опросах категория «мы простые люди, от нас ничего не зависит» обычно составляет одну треть или больше).

Логически рассуждая, отбросим как перспективу выход на арену истории группы «г»: для экстремистов ситуация ближайшего десятка лет явно не благоприятна. Из трех первых типизированных групп, скорее всего, прагматики имеют наибольшие шансы выйти на авансцену, ибо такова общемировая тенденция. Но еще более — российская. Это люди, не имеющие жизненных принципов, кроме одного — действовать с выгодой для себя и тех, кого они полагают «своими». Так называемое переходное состояние общества дает прагматикам наилучшие возможности реализовать свою инициативу, поскольку социальные институты расбалансированы, нормы и практики социальных отношений гибридные. Стратегия прагматика — чуть ли не единственно оптимальная. Поэтому доминирует прагматизм принятия решений «по ситуации». Николай Генов называет такую стратегию «инструментальным активизмом», которая подразумевает большую концентрацию на средствах достижения цели, нежели на самой цели¹.

Опять же рассуждая логично, можно предположить, какое именно субпоколение имеет больше вероятности определять наше будущее.

Задача сводится к той же дихотомии: к Западу или к Великодержавии. Ресурс великороссов небогат, так как в наше меркантильное время они практически ничем, кроме идеи, не располагают. Прозападники могут уверенно рассчитывать на

¹ *Genov N. Transition to Democracy and Nation-State in Eastern Europe // The Annals of the International Institute of Sociology. Vol. 7 / Ed. E. Scheuch, D. Sciulli. Leiden: Brill Publ.*

экономическую поддержку извне, а прагматики немедленно при-
мкнут к более сильному.

Новые поколения электората ничуть не будут отличаться от нынешних, ибо гражданское общество в России если каким-то чудом и состоится, то далеко не завтра.

Вероятный сценарий исторической миссии молодых представляется следующим образом.

Будем исходить из правдоподобной предпосылки теоретиков деятельно-активистского направления (Э. Гидденс, П. Бурдьё и др.). Предпосылка такова: не естественно-исторические закономерности определяют направление социальных изменений, но соотношение сильно- и слабобюджетных агентов — социальных субъектов, организованных и не организованных.

Верно, что молодые поколения принимают на себя ответственность за судьбы своих стран и народов, но с поправкой — не во всех странах, а лишь в тех, в которых политико-социально-культурные условия допускают это, а социальные структуры разных стран различаются по их «разрешающим способностям» (формула М. Арчер), причем западноевропейские институциональные структуры обладают высокими, тогда как российские, напротив, невысокими разрешающими способностями. И еще — государственные структуры в России всемогущи, гражданские пребывают в эмбриональном состоянии.

Для «рывка вперед» необходима гражданская солидарность. Она, по Парсонсу, возникает в случае преодоления аномии формированием принимаемой большинством «генерализованной» ценности, по Чарльзу Тилли, для этого необходима мобилизующая программа действий, а по-русски — «национальная идея». Какую идею сможет предложить новое поколение и вознести ее на своих знаменах?

Наши молодые если и несут, то разные знамена — от красного до трехцветного вкуче с черным и при фашизоидном значке.

Национальная идея мыслится нынешней элитой исключительно в символах прошлого величия, что отличает все госу-

дарства, переживавшие постимперский период. Все бывшие империи (Великобритания, Франция и др.) прошли три стадии (классификация О. Подвинцева): первая — период уверенности, что развал империи — исторический парадокс и вскоре «все образуется», далее — стадия мобилизации для восстановления былого статуса и завершающая стадия — при осознании бесперспективности имперской полититки наступает «примирение» с новым геополитическим состоянием, в котором славное прошлое консервируется в народной памяти и становится одним из ресурсов осуществляемых преобразований. В этой периодизации Россия далека от вступления в заключающую фазу.

Геополитические глобально-локально-анклавные процессы подталкивают Россию к тесному сближению с Евросоюзом. Прозападники и прагматики из нынешних элит, скорее всего, и далее будут объяснять обществу выгодность этой стратегии для России. А далее «отбор» новичков из молодых пойдет традиционным способом. Но в этом случае наступление третьей постимперской фазы не затянется на десятилетия.

В рамках нашей проблематики это означает, что прагматически ориентированные из молодых поколений смогут плавно встроиться в структуры власти, бизнеса, масс-медиа и пр., тогда как «идейным» для этого не достанет их социального и символического ресурса. С учетом миросистемных процессов это означает высокую вероятность того, что новые поколения прагматиков вынуждены будут продолжить трансформации российских социальных институтов в прозападном направлении.

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ДИНАМИКА ЖИЗНЕННЫХ ПРИТЯЗАНИЙ МОЛОДЕЖИ И СТРАТЕГИЙ ИХ РЕСУРСНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: 1985–2001 гг.¹

В. С. Магун, М. В. Энговатов

Предмет и информационная база исследования

Жизненные притязания молодежи и стратегии их реализации являются важным фактором ее социальной активности и в то же время индикатором фундаментальных перемен, происходящих в России и других странах бывшего Советского Союза.

¹ Авторы признательны А. Г. Вишневскому, В. Е. Гимпельсону, Е. И. Головахе, Б. В. Дубину, С. В. Захарову, Е. Ю. Мсцеркиной, Ю. Бернштейну (E. Burnstein) и Р. Добсону (R. Dobson) за комментарии и ценные советы.

© В. С. Магун, М. В. Энговатов, 2005

Настоящая статья посвящена анализу динамики притязаний и жизненных стратегий нескольких поколений российской и украинской молодежи, вступивших в раннюю юность в конце XX — начале XXI в., в период революционных изменений в странах бывшего СССР.

Имеющиеся у человека потребности объединяются в определенные категории, внутри которых находятся потребности близкие по содержанию, но различающиеся объемом требуемых благ и трудностью их достижения. В связи с этим и возник термин «притязания», относящийся к тем разновидностям родственных потребностей, которые человек самостоятельно, свободно для себя выбирает — в отличие от тех (как правило, меньших по объему требуемых благ и легче достижимых) потребностей, которые он вынужден принимать под давлением обстоятельств. Конкретную величину свободно выбранного человеком варианта потребности называют *уровнем притязаний*.

Данная трактовка близка к словарному определению, в соответствии с которым уровень притязаний рассматривается как «стандарт достижения, который индивид устанавливает для себя и которого он ожидает достичь. Термин может быть использован для обозначения всего, чего угодно, начиная от ожиданий индивида по поводу своих достижений при выполнении теста и кончая его представлениями о том общем жизненном положении, к которому он стремится»¹.

Выбор уровня притязаний сочетается обычно с выбором средств для их осуществления, т.е. с выбором личных *стратегий и тактик*. Ресурсы, на которые опираются эти стратегии и тактики, классифицируют по разным основаниям. Одним из них является субъект — носитель ресурсов. По этому основанию можно выделить стратегии, в которых ведущую роль играют затраты ресурсов (жертвы) самого индивида, и те, в кото-

¹ *Theodorson GA, Theodorson AG. A Modern Dictionary of Sociology. N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1969. P. 17.*

рых ведущую роль играет использование активности и иных ресурсов, принадлежащих другим людям (человек часто воспринимает ресурсы, предоставленные окружающими, как содействие или помощь с их стороны)¹.

Эмпирически показано, что эти ресурсы могут по-разному сочетаться друг с другом. Если судить по статистическим сопоставлениям, то чаще один взаимоисключает другой, порождая стратегии, основанные либо на собственных жертвах индивида, либо на использовании ресурсов окружающих людей. Но указанные категории ресурсов могут и взаимно дополнять друг друга, и тогда формируется третья группа стратегий, строящихся на одновременной мобилизации как собственных возможностей индивида, так и возможностей его социального окружения².

На основе этой классификации для данного исследования были выбраны показатели, характеризующие две категории ресурсов: ожидания молодых людей, касающиеся помощи со стороны окружающих (1), и готовности молодых людей идти на собственные жертвы, самим преодолевать трудности и лишения для достижения поставленных целей (2).

Недостаток процитированного выше словарного определения уровня притязаний, типичный, кстати, и для многих других определений данного понятия, — это как раз жесткая привязка притязаний только к одной категории ресурсов, а именно к активности самого индивида. Между тем и повседневный опыт каждого из нас, и научные факты свидетельст-

¹ *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983. В современной социологической литературе наряду с понятием «ресурс» часто используют понятие «капитал» (см.: *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. Электронный журнал <www.ecsoc.msses.ru>).

² *Магун В.С.* О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью // Психологический журнал. 1991. № 6.

вуют о том, что человек реализует свои потребности за счет не только собственной активности, но и иных ресурсов, принадлежащих, в частности, окружающим людям и другим социальным субъектам. Поэтому на основе притязаний у человека формируются не только цели для собственной деятельности, но и цели (или ожидания) в отношении активности окружающих. Соответственно притязания человека — это то желаемое им положение вещей, которого он стремится или рассчитывает достичь за счет как собственных, так и внешних ресурсов.

Исследование, о котором пойдет речь, основано на данных четырех повторных опросов. Замысел и методический инструментарий первого из них был разработан Е. И. Головахой и В. С. Магуном¹. Этот первый опрос был проведен в 1985 г. (Киев), второй — в конце 1990 — начале 1991 г. (Москва) и в 1992 г. (Киев), третий — в 1995 г. в столицах (Москва и Киев) и в провинциальных российских городах (Орел и Мценск²), четвертый — в 2001 г. в четырех упомянутых городах и в сельских районах Саратовской области. Объектами изучения каждый раз были 16–17-летние учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ (не включались в выборку школы с углубленным изучением иностранных языков или других предметов, гимназии, частные школы и т.п.). Сбор данных проводился методом группового анонимного анкетного опроса в школе (техника самозаполнения); как правило, в опросах одновременно

¹ Головаха ЕИ, Магун ВС. Теоретические и методологические проблемы исследования // Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / Под ред. В. Л. Осовского. Киев: Наукова думка, 1987. С. 276–282; Головаха ЕИ. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988; Магун ВС. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи...

² Орел — областной центр с населением 334 тыс. человек, Мценск — районный центр в Орловской области с населением 50 тыс. человек.

участвовал школьный класс полным составом. Сохранив таким образом принципы формирования выборки и инструментарий опроса, мы имеем возможность сравнить жизненные притязания и стратегии четырех поколений российской и украинской молодежи.

Численность опрошенных (N): в 1985 г. в Киеве — 625 человек, в 1990–1991 гг. в Москве — 387 человек, в 1992 г. в Киеве — 205 человек, в 1995 г. в Киеве — 203 человека, в Москве — 200, в Орле — 208 и в Мценске — 186 человек, в 2001 г. в Киеве — 200, в Москве — 230, в Орле — 253, в Мценске — 219 и в сельских поселениях Саратовской области — 176 человек. В общей сложности были опрошены 3092 человека¹.

Анализ результатов трех серий исследования (1985 г., начала 1990-х годов и 1995 г.) опубликован. При сравнении первых двух серий опросов было установлено, что уже на начальном этапе периода быстрых социальных изменений, получившего название «перестройка», произошел *резкий рост притязаний* юношей и девушек и заметно изменились их представления о способах воплощения этих притязаний в жизнь². Сопоставление материалов, полученных в 1995 г. в городах Москве, Орле, Мценске и Киеве, с двумя

¹ Девушек среди опрошенных было несколько больше, чем юношей (54% против 46%). В выборках, локализованных в различных пространственно-временных точках, соотношение юношей и девушек было не всегда одинаковым. В данной статье различия между юношами и девушками специально не рассматриваются, но там, где они существенны для интерпретации, они контролировались.

О влиянии пола, возраста, образования, типа поселения и характера занятости на притязания молодежи см.: *Магун В.С., Энговатов М.В.* Жизненные притязания молодежи Самарской области // Молодежь Самарской области в 2002 году: Современное положение и тенденции развития / Под ред. В. Б. Звонковского. Самара, 2003. <http://www.isras.ru/files/extra/Zhiznennue_prityazaniya_molodezhi.pdf>.

² *Магун В.С., Литвишцева А.З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Институт социологии РАН, 1993.

первыми сериями опросов продемонстрировало дальнейшее развитие тех же тенденций¹.

Спустя несколько лет после опубликования в 1993 г. наших выводов о резком повышении уровня потребительских и властных притязаний у молодежи появилась серия публикаций Л. Д. Гудкова (одна из них в соавторстве с М. В. Пчелиной), свидетельствующих о росте денежных притязаний на протяжении 1993–1997 гг., причем в данном случае речь шла уже не о межпоколенческих изменениях, а главным образом об изменениях притязаний *одних и тех же* людей².

¹ *Магун В.С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т. И. Заславской. М., 1996; *Он же.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы // Социологический журнал. 1996. № 3/4; Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 / Под ред. В. С. Магуна. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998; A Revolution of Young People's Aspirations and Changes in Their Life Strategies, 1985–1995 / Ed. V. Magun // Russian Education and Society. 1999. Vol. 41. N 11; N 12; *Магун В.С.* The Changes in Aspirations and Life Strategies of Russian and Ukrainian Youth During the Revolutionary Decade: 1985–1995 // From Pacesetters to Dropouts: Post-Soviet Youth in Comparative Perspective / Ed. T. Horowitz, B. Kotik-Friedgut, St. Hoffman. University Press of America. Lanham et. al., 2003.

Реакция многих людей на эти публикации, свидетельствующие о резком росте притязаний, часто носила алармистский характер: «Бедные дети! Какое их ждет разочарование!» Конечно, риск разочарований и фрустраций является неизбежной платой за высокие притязания, но нам представляется, что как раз *недостаточная* амбициозность является сегодня серьезным тормозом индивидуального и общественного развития; пока у людей не будет высоких запросов и притязаний, не будет и высоких достижений.

² См.: *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: Негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 31–42; *Гудков Л.Д.* Показатели статусной неудовлетворенности и их динамика // Там же. 1996. № 6. С. 45–50; *Он же.* Русский неоконсерватизм // Куда идет Россия?. Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т. И. Заславской. М., 1997.

В статье Ю. Левады, опубликованной еще через несколько лет и тоже базирующейся на опросах ВЦИОМ, напротив, акцент сделан на ограниченности притязаний россиян и слова «человек ограниченный» даже вынесены в ее заглавие¹. Хотя конкретные выводы Ю. Левады не противоречат выводу о «революции притязаний», сделанному в публикациях по материалам нашего проекта, все же различие в акцентах очевидно. Возможно, причины этого частично связаны с характером эмпирического материала. Наши респонденты — это выпускники средних школ, и, как было показано в специальном исследовании, даже среди молодежи эта социальная категория отличается одним из самых высоких уровней притязаний². Кроме того, вывод о резком повышении уровня притязаний был сделан применительно к концу 1980-х — началу 1990-х годов, а в статье Ю. Левады рассматриваются в основном данные начиная с 1997 г.

Теперь, благодаря материалам, собранным в 2001 г., мы имеем возможность продлить временной ряд сопоставлений и проследить *межпоколенные изменения притязаний и жизненных стратегий молодежи на протяжении более длительного периода (с 1985 по 2001 г.), который* рассматривается социальными учеными как период глубоких социальных трансформаций или социальной революции³. Первый наш опрос (1985 г.) был проведен как раз в канун этих фундаментальных изменений (их старт связывается с приходом к власти М. С. Горбачева и периодом «перестройки»). Последняя же

¹ Левада ЮА. «Человек ограниченный»: Уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 4. С. 7–13.

² Магун В.С., Энговатов М.В. Указ. соч.

³ Стародубровская ИВ, Мау ВА. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001; Вишневский АГ. Серп и рубль. Консервативная революция в СССР. М.: ОГИ, 1998; Гордон ЛА, Клопов ЭВ. Потери и обретения в России 90-х: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Т. 1; 2001. Т. 2.

серия опросов (в 2001 г.) была проведена как раз после того, как, по мнению ряда наблюдателей, революционный период в России завершился и с избранием В. Путина Россия вступила в постреволюционную фазу общественного развития.

Важнейшими экономическими событиями в период между опросами 1995 и 2001 гг. с точки зрения возможного влияния на уровень притязаний и представления молодежи о способах их реализации были острый финансовый кризис 1998 г., затронувший и Россию, и Украину, и начавшийся вслед за этим экономический рост (впервые после непрерывного спада, характерного для 1990-х годов).

Новизна данной публикации, по сравнению с предшествующими, не только в расширении временного диапазона до 2001 г. и включении в анализ еще одного поколения выпускников школ, но также и в изменении характера используемых показателей. Акцент в данной статье будет сделан не на исходные частные показатели, взятые непосредственно из ответов респондентов на отдельные вопросы анкеты (они были основным предметом анализа в прежних публикациях), а на производные интегральные показатели, являющиеся результатом комбинирования ответов на несколько различных вопросов. Их преимущество состоит в том, что на их основе можно четче увидеть главные тенденции. Эти новые интегральные показатели позволят уточнить и некоторые ранее сделанные выводы, касающиеся динамики 1985–1995 гг.

Интегральные показатели, которые будут использованы в статье, — это индивидуальные значения респондентов по факторам («факторные индексы»), полученные в результате трех факторных анализов — факторного анализа притязаний (1), готовности к собственным жертвам (2) и ожиданий помощи со стороны (3). Первичные данные, собранные в 1985 г. в Киеве, к сожалению, не сохранились, и в отношении этого массива мы располагаем лишь распределениями ответов на вопросы анкеты. Поэтому данные 1985 г. в факторный анализ не могли быть включены, и факторные индексы используются

только для сравнения между собой опросов, проведенных начиная с 1990–1992 гг. Для факторизации были отобраны ответы респондентов на те вопросы, которые начиная с 1990–1992 гг. присутствовали в анкетах на всех трех этапах исследования, давали достаточную межиндивидуальную вариацию и были сопоставимы в разных временных точках.

Для оценки значимости межгрупповых различий средних величин в статье используется однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Поскольку дисперсии сравниваемых групп, как правило, не равны, то в рамках этого анализа чаще всего применяется критерий Тамхена. Значимыми считаются различия начиная с вероятности ошибки 0,05, хотя фактически, если различие оказывалось значимым, то вероятность ошибки была существенно ниже — менее 0,01 или 0,001. ANOVA является достаточно жесткой процедурой оценки значимости, и неудивительно, что не все описываемые в статье различия оказались статистически значимыми. Все же в пользу их надежности часто свидетельствует повторяемость этих отличий у разных категорий респондентов, в частности повторяемость межпоколенной динамики притязаний и стратегий у молодежи, живущей в разных городах.

Структура и межпоколенная динамика уровня притязаний

Один из возможных способов классифицировать разнообразные притязания человека — рассмотреть их сквозь призму тех задач, которые решает индивид в различных сферах жизни: в труде, семейной жизни, культурной активности, потреблении и т.п. В соответствии с набором подобных задач у респондентов фиксировались *властные* притязания (желаемая должность), притязания на тот или иной *уровень материального положения* (зарплата, основное жилье, дача, автомобиль, общий уровень «богатства»), *уровень образовательного и культурного*

статуса (уровень формального образования, размер домашней библиотеки), *уровень признания (престижа)*, а также ожидания (феномен не идентичный, но коррелирующий с притязаниями) в отношении *числа будущих детей*. Респондентам также задавали вопрос о желаемом *уровне общественного положения*, и этот компонент притязаний, по замыслу, должен был объединить в себе многие более частные притязания.

В специальных исследованиях показано, что уровень притязаний обычно колеблется в определенном диапазоне¹. Учитывая данное обстоятельство, мы сформулировали вопросы так, чтобы актуализировать в сознании людей потребности, лежащие ближе к *нижней* границе диапазона: во всех случаях респондента спрашивали о том, что он счел бы *достаточным* для себя. Такого рода притязания, по-видимому, более реалистичны, и главное — человек тверже их отстаивает, борется за их поглощение в жизнь активнее, чем за осуществление своих более амбициозных устремлений.

Для сообщения о своих притязаниях респондентам, как правило, предлагались наборы «закрытий». Например, на вопрос: «Какую должность Вы сочли бы для себя в будущем достаточной?» — имелись следующие варианты ответов: 1 — рядовой работник; 2 — руководитель небольшого подразделения (бригадир, руководитель группы и т.п.); 3 — руководитель крупного подразделения на предприятии, в учреждении (начальник цеха, заведующий отделом); 4 — руководитель предприятия, учреждения; 5 — руководитель более высоких звеньев управления. Выбор того или иного варианта и характеризовал *уровень притязаний* респондента. Во всех этих случаях мы имеем дело как минимум с ранговыми шкалами, но

¹ Lewin K, Dembo T, Festinger L. Level of Aspiration // Personality and the Behavior Disorders / Ed. J. McV. Hunt. N.Y.: The Ronald Press, 1944 (фрагмент из этого текста на русском языке см.: Левин К, Дембо Т, Фестингер Л, Сифс Р. Уровень притязаний // Психология личности. Тексты. М.: Изд-во Московского университета, 1982); Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1975. Вып. 5.

в некоторых видах анализа мы принимаем допущение, что различия между соседними вариантами подобных ответов одинаковы и описываются метрической шкалой. Это допущение необходимо для того, чтобы можно было использовать более широкий диапазон инструментов статистического анализа — средние величины, факторный анализ и др.

Конечно, не все молодые люди точно знают, какую должность они планируют занять или какую дачу построить. Однако для изучения уровня притязаний это обстоятельство не является помехой, ибо известно, что в ситуации неопределенности человек порой даже более открыто выражает свои глубинные психологические свойства, чем в условиях полной ясности. Поэтому не обязательно приписывать ответам респондентов буквальный смысл. Юноша, заявляющий, что хочет стать руководителем предприятия, может и не знать в деталях, что это за работа, и уж тем более нет гарантии, что он соответствующую должность действительно займет. Но подобный ответ указывает на то, что должностные притязания данного респондента достаточно высоки.

При интерпретации полученных данных мы исходим из следующих довольно простых представлений о механизмах формирования уровня притязаний. Во-первых, для формирования уровня притязаний необходимо само знание человека о тех желаемых благах, которые вообще могут стать предметом его устремлений. Во-вторых, превращение образа того или иного блага в действующий уровень притязаний включает процесс соотнесения этого образа с представлениями о ресурсах (возможностях) достижения данного блага и о тех ограничениях (барьерах, ценах), которые достижению препятствуют. В-третьих, все эти процессы происходят под контролем социальных норм, разрешающих, запрещающих или предписывающих тот или иной уровень притязаний, те или иные средства его достижения, а также процедуры его принятия человеком (в частности, необходимость соотнесения притязаний с ресурсами и ограничениями).

Для начала рассмотрим межпоколенную динамику некоторых частных показателей уровня притязаний.

На рисунке 1 показана динамика ответов на вопрос о должностных притязаниях (для демонстрации основных тенденций мы ограничились тремя вариантами ответов из пяти). Как отмечалось ранее, с 1985 по 1995 г. эти притязания очень резко повысились: на графике видно, что и в Киеве, и в Москве доля ответов, указывающих на желание юношей и девушек занять две наиболее высокие позиции в должностной иерархии, значительно выросла¹, а желание стать руководителем небольшого коллектива, т.е. занять самую низшую из руководящих должностей, стало за эти годы гораздо менее популярным. (По обоим городам различия между опросами 1990–1992 гг. и 1995 г. в отношении двух наиболее высоких позиций, а также в отношении «руководителя небольшого коллектива» статистически значимы.) Что произошло на последнем этапе — после 1995 г.? Как видно из рисунка, и в Киеве, и в Москве, в отличие от предыдущего периода, изменения очень небольшие, причем в Киеве — в сторону снижения притязаний. В Орле и Мценске с 1995 по 2001 г. изменения более заметны и направлены в сторону повышения притязаний.

¹ Во всех случаях приводятся доли от числа респондентов, ответивших на вопрос. Доля не ответивших на вопрос обычно не превышает 2–3%.

Формулировки вопросов сохраняются в анкете неизменными с 1985 г., т.е. с советских времен, поэтому в вопросе о достаточной должности нет речи о том, хочет ли человек быть собственником того предприятия, должность на котором он будет занимать. Но неудивительно, что в 1990-е годы ответы на вопрос о должности и желание начать свой бизнес оказались тесно связаны: чем выше должностные притязания, тем чаще респонденты говорят, что их привлекает возможность создать свое дело, быть его хозяином. Из числа тех, кто хочет руководить предприятием или быть руководителем более высоких звеньев управления, предпочитают быть хозяином, а не наемным работником более 80% респондентов (данные опросов 1995 и 2001 гг.).

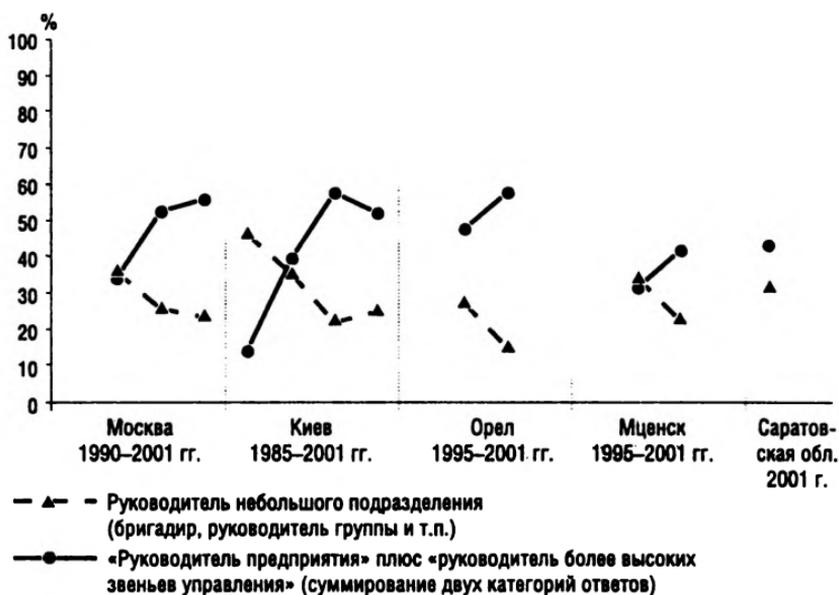


Рис. 1. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: «Какую должность Вы сочли бы для себя в будущем достаточной?» (1985–2001 гг., в %)

заний. Но, как и в столичных городах, эти изменения статистически незначимы¹.

Притязания, касающиеся *уважения и признания*, также были предметом изучения во всех четырех опросах. Как видно из рисунка 2, динамика этих притязаний в разных городах неодинакова. В Киеве, начиная с 1985 г., почти все время снижается доля тех, кто стремится к публичному признанию («широкому общественному признанию» и «всеобщему почету и уважению, признанию потомков»), и, наоборот, растет доля тех, кто готов ограничиться признанием и уважением в приватной сфере (со стороны «семьи, близких, друзей» и «большого круга знакомых»). Мы объясняли эту тенденцию разрушением старой советской систе-

¹ В дальнейшем тексте если специальные упоминания о статистической значимости отсутствуют, то это указывает на то, что различия незначимы.

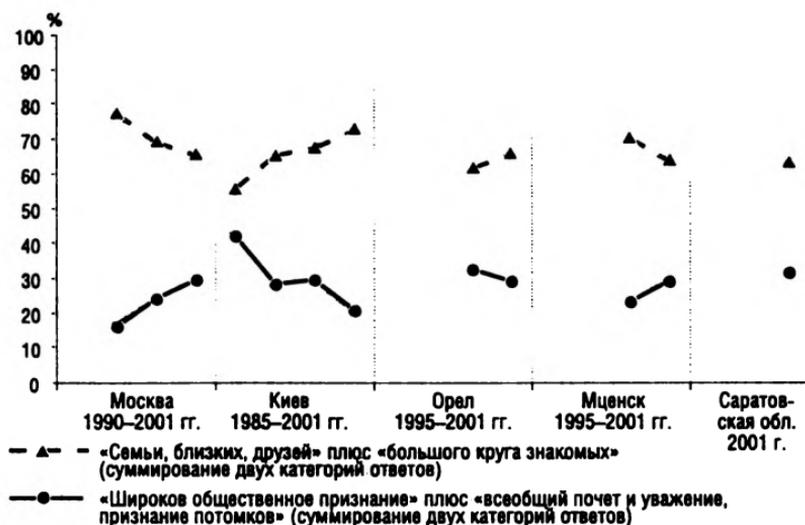


Рис. 2. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: «Чье признание и уважение Вы сочли бы для себя достаточным в будущем?» (1985–2001 гг., в %)

мы общественного признания в ходе радикальных социальных трансформаций постсоветских обществ, а также общей переориентацией системы ценностных доминант с публичной на приватную сферу¹.

Первый опрос *московских* старшеклассников был проведен в 1990–1991 гг., и если сравнить его результаты с данными 1985 г. по Киеву (допустив, что они в то время мало отличались от московских), то получается, что в первые годы социальных трансформаций, т.е. в период «перестройки», в Москве, как и в Киеве, притязания на публичное признание снижались, и росла готовность ограничиться более скромными формами

¹ *Магун В.С.* Ценностный реванш в современном российском обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под ред. Т. И. Заславской, Л. А. Арутюнян. М., 1994; *Magun V.* Labor Culture // *Russian Culture in Transition: Paradoxes of Postcommunist Consciousness.* Boulder, Co.: Westview Press, 1996.

**Таблица 1. «Достаточное» число комнат
(1985–2001 гг., значения средних*)**

	1985 г.	1990–1992 гг.	1995 г.	2001 г.
Москва	–	4,2	4,5	4,2
Киев	3,2	4,9	5,0	4,4
Орел	–	–	5,2	5,0
Мценск	–	–	4,8	4,4
Саратовская обл.	–	–	–	4,4
Четыре города	–	–	4,9	4,5

* Численность опрошенных в каждой группе указана выше (с. 265); ошибки средних не превышают 0,14.

признания со стороны семьи, друзей и знакомых. После же 1990–1991 гг. притязания *московских* старшеклассников на признание и уважение имеют иную динамику: публичное признание неуклонно набирает популярность, а готовность ограничиться приватным признанием, наоборот, снижается (различия между 1990–1991 и 2001 гг. в Москве по обеим группам ответов статистически значимы). Таким образом, судя по этим данным, у московских старшеклассников на протяжении 1990-х годов притязания на социальное признание росли, что, скорее всего, объясняется утверждением в постсоветском российском обществе новой системы социальных эталонов и оценок.

Переходим теперь к сфере потребления. Начнем с «жилищных» притязаний. Отвечая на вопрос: «Какие жилищные условия Вы считаете достаточными для Вашей будущей семьи?» — респонденты указывали *число комнат в квартире или в доме и ожидаемый размер будущей семьи*, для которой эти комнаты предназначены. Конечно, спрашивая о числе комнат, мы получали лишь самое грубое представление об уровне «жилищных» притязаний молодежи. Тем не менее

этот простой индикатор оказался достаточно информативным и чувствительным.

Во всех рассматриваемых группах во все годы ожидаемое число членов семьи приблизительно равнялось четырем (респондент, его брачный партнер и двое детей¹). Что же касается достаточного числа комнат, то оно менялось. Если в 1985 г. достаточное число комнат приблизительно равнялось трем, то начиная с 1990 г. оно ни в одном поселении не опускалось ниже четырех (табл. 1)².

Число комнат в жилище — это наглядное, хорошо понятное благо для каждого современного человека. Опыт пребывания в том или ином жилище есть у каждого из наших молодых респондентов, следовательно, этот вид притязаний — один из наиболее естественных, в наименьшей степени навязываемых молодому человеку самой процедурой опроса. Поэтому прибавление от одной до двух комнат в притязаниях юношей и девушек с 1985 по 1995 г. — одно из наиболее ярких проявлений «революции притязаний», произошедшей в этот период в России и Украине. Причем в конце 1980-х годов была преодолена важная граница: если в 1985 г. «достаточное» число комнат соответствовало официальной норме советских лет «число членов семьи минус 1», то в 1990–1995 гг. *число комнат сначала сравнивалось* (Москва, 1990–1991 гг.) *с числом членов семьи, а потом на единицу превысило это число* (Киев, 1992 г., Киев, Орел и Мценск, 1995 г.). Иными словами, люди стали более требовательны к важнейшему элементу повседневной жизненной среды и поменяли сам принцип подхода к определению желаемого размера жилья.

¹ Если быть точными, то число ожидаемых детей колебалось от 1,7 (Киев, 2001 г.) до 2,0 (Москва, 1990–1991 гг.).

² Цифры в таблице 1 несколько ниже тех, что приводились в более ранних публикациях по данному проекту. Это объясняется тем, что, готовя данную публикацию, мы исключили из рассмотрения «выбивающиеся» значения, превышающие десять комнат. Всего было исключено 2,5% ответов.

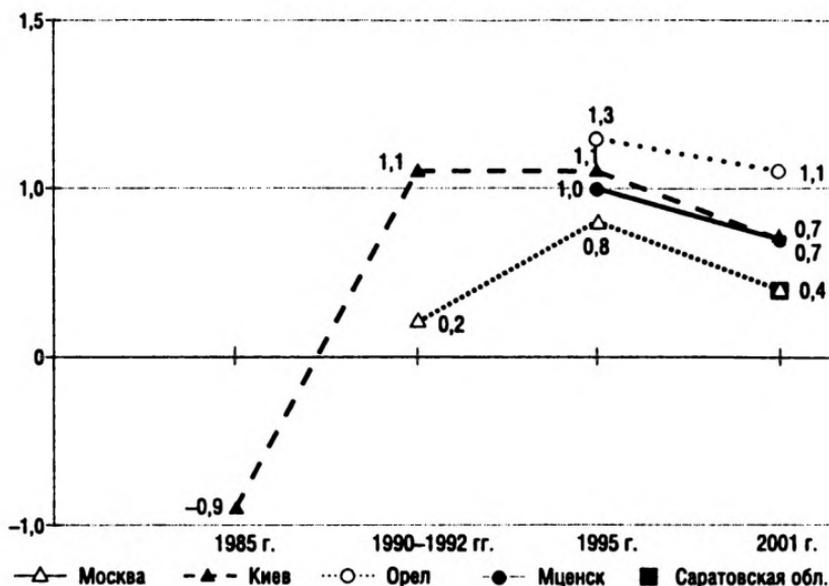


Рис. 3. Межпоколенная динамика индекса «достаточное число комнат минус ожидаемое число членов семьи», средние значения (1985–2001 гг.)

После 1995 г. динамика этого важного показателя изменилась: во всех четырех городах, по которым мы располагаем сравнительными данными за 1995 и 2001 гг., произошло снижение среднего числа комнат, которое респонденту представляется достаточным (см. табл. 1; для объединенного массива четырех городов это снижение статистически значимо). Таким образом, здесь ситуация похожа на ту, которую мы наблюдали в отношении должностных притязаний в Киеве, с той лишь разницей, что снижение жилищных притязаний имеет более явный и универсальный характер.

Снизилась и значения разности между числом комнат и числом членов семьи (рис. 3). Но важно отметить, что и в 2001 г. в каждом из пяти рассматриваемых поселений среднее число комнат *превышает* среднее число членов семьи (превышение

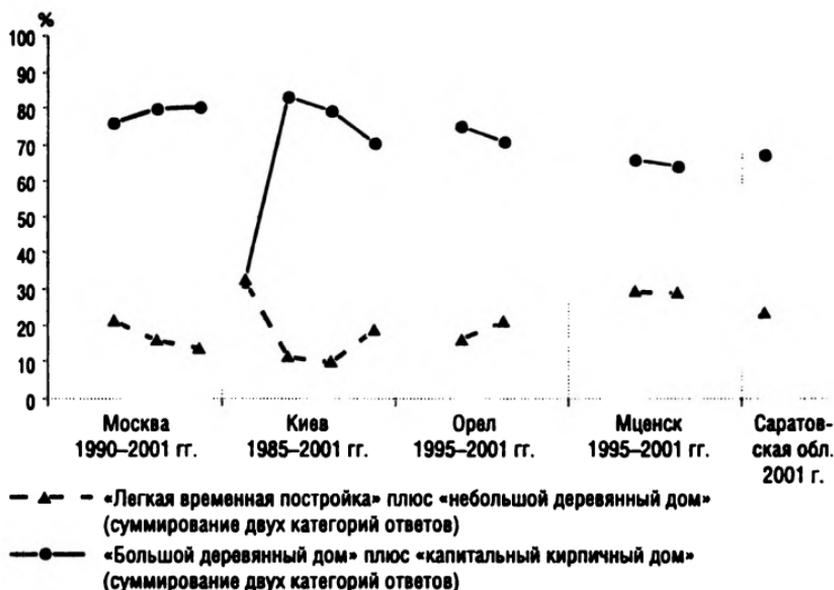


Рис. 4. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: «Если Вы предполагаете иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на нем была бы для Вас достаточна?» (1985–2001 гг., в %)

колеблется от 0,4 до 1,1). Это означает, что по-прежнему действует принципиально иной, по сравнению с советскими временами, подход к формированию жилищных притязаний, и некоторое их снижение с 1995 по 2001 г. не означает возврата к стандартам советского времени.

В качестве второго компонента жилищных притязаний рассматривались планы приобретения *садового участка и дачи («второго жилища»)*. Вопрос в анкете звучал так «Если Вы предполагаете в будущем иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на нем была бы для Вас достаточна?» Варианты ответов: 1 — не предполагаю иметь участка; 2 — легкая временная постройка («временка»); 3 — небольшой деревянный дом; 4 — большой деревянный дом; 5 — капитальный кирпичный дом (рис. 4).

Как и в других притязаниях, в запросах, относящихся к даче, резкий сдвиг вверх произошел к началу 1990-х годов: прежде всего сильно уменьшилась доля тех, кто вообще не планировал иметь земельный участок и загородный дом; уменьшилась также популярность «небольшого деревянного дома» и резко возросла частота выбора наиболее качественных домов — «большого деревянного» и «капитального кирпичного». На рисунке 4, где ответы сгруппированы в две укрупненные категории (относящиеся к наименее и наиболее качественным постройкам), прежде всего бросается в глаза самый длинный отрезок прямой. Он относится к данным, полученным в Киеве, и отражает взлет популярности двух наиболее качественных вариантов домов уже на начальном этапе социальной трансформации советского общества (с 1985 по 1992 г.).

Как видно из графиков, приведенных на рисунке, все последующие изменения несопоставимы по своему масштабу с тем, что произошло в самом начале. Что же касается последнего наблюдаемого периода (от 1995 к 2001 г.), то он характеризуется некоторым снижением уровня притязаний во всех четырех городах.

Каждый вид притязаний, который мы измеряли и анализировали, имеет свою специфику, но естественно ожидать, что притязания взаимосвязаны. В таком случае и динамику их изменений можно регистрировать не по каждому виду притязаний в отдельности, а по их интегральным характеристикам (индексам).

Для построения интегральных показателей притязаний мы воспользовались методом факторного анализа, который на первом этапе определяет структуру исходных признаков и их взаимосвязи, а затем на основе этих взаимосвязей формирует интегральные (факторные) индексы. Факторному анализу были подвергнуты шесть показателей, характеризующих притязания респондентов на определенную долж-

Таблица 2. Факторная структура показателей уровня притязаний у респондентов, опрошенных в 1990–2001 гг. (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, N= 2467 человек)

Показатели уровня притязаний	I фактор	II фактор
Достаточная должность	0,71	-0,25
Приемлемый уровень творческой работы	0,56	-0,23
Достаточная постройка на дачном участке	0,41	-0,18
Достаточное признание и уважение	0,50	-0,15
Достаточное число комнат	0,61	0,41
Предполагаемое число детей	0,24	0,86
Информативность факторов	28%	18%

ность, уровень творческой работы¹, уровень социального признания, размер будущего жилища и тип дачи, а также ожидания, касающиеся числа будущих детей². В массиве, объединяющем всех респондентов, опрошенных с 1990 по 2001 г., все эти притязания образовали два фактора³ (табл. 2).

В *первый из факторов* с одинаковыми по знаку и не слишком различающимися по абсолютной величине весами⁴ вхо-

¹ Соответствующий вопрос звучал так: «В будущем Вас вполне устраивал бы труд, который требует от работника...», можно было выбрать один из пяти ответов: от «выполнения хорошо освоенных приемов и правил, чтобы не тратить время на самостоятельный поиск новых решений» (балл 1) до «поиска исключительно новых решений, полной самостоятельности в выполнении своей работы» (балл 5).

² Соответствующий вопрос звучал так: «Как Вы думаете, сколько у Вас будет детей?». Строго говоря, он характеризует ожидания, а не притязания респондентов, но в данном случае эти две характеристики, скорее всего, тесно связаны между собой, и поэтому можно рассматривать ответ на указанный вопрос как приблизительную оценку притязаний.

³ Применялся общепринятый критерий для определения числа факторов — их собственное число должно быть больше 1.

⁴ Факторный вес ожидаемого числа детей несколько ниже, чем у остальных показателей; возможно, это как раз и связано с иной модальностью вопроса.

дят все показатели притязаний, и его можно интерпретировать как *общий (или генеральный) фактор высоких притязаний*: чем выше индивидуальные значения респондентов по данному фактору, тем выше все шесть показателей притязаний, входящих в данный фактор. Это значит, что все признаки — в той мере, в какой за них отвечает данный фактор, — ведут себя одинаково: рост или снижение одного из видов притязаний сопровождается соответственно ростом или снижением всех остальных. Значит, анализ интегрального индекса, образованного на основе этого фактора, способен заменить анализ шести отдельных показателей в той их части, которая описывается данным фактором.

Второй фактор — биполярный: два показателя (ожидаемое число детей и притязания на размер будущего жилья) входят в него с положительными знаками, а четыре остальных — с отрицательными. По абсолютным величинам нагрузки различных признаков сильно отличаются: доминируют веса признаков, характеризующих число ожидаемых детей и размер основного жилища, значительно меньшие веса у признаков, связанных с притязаниями в сфере труда и общественного признания. Этот второй фактор можно интерпретировать как *параметр высоких притязаний в семейной сфере с тенденцией к взаимно-обратным отношениям с притязаниями в сфере труда* (именно с тенденцией, поскольку эта вторая группа показателей имеет значительно меньшие веса)¹.

По обоим обнаруженным факторам респондентам были приписаны индивидуальные значения, и таким образом каждый из опрошенных получил индивидуальную оценку по каждому из двух интегральных параметров. Это дает возможность проследить динамику данных интегральных параметров за интересующие нас годы. Как уже говорилось, преимущество подобного анализа состоит в том, что он в какой-то

¹ Мы предположили, что высокие значения по этому фактору чаще характерны для девушек, а низкие — для юношей, что соответствовало бы социальным стереотипам в отношении этих двух гендерных групп. Но это предположение не подтвердилось.

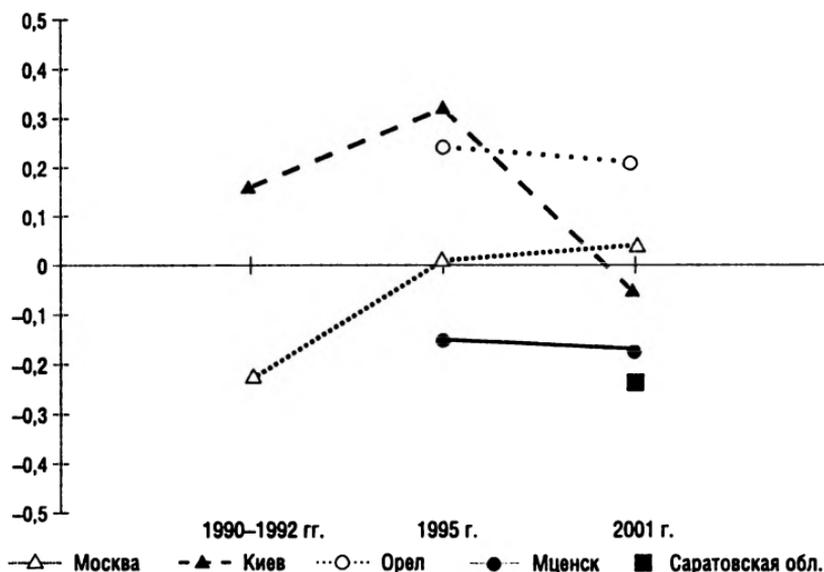


Рис. 5. Генеральный индекс притязаний (средние значения первого фактора, 1990–2001 гг.)

мере заменяет анализ множества отдельных показателей, «собранных» в соответствующие индексы.

На рисунке 5 показана динамика *общего (генерального) фактора притязаний* в 1990–2001 гг. в отдельных городах. Как видим, на протяжении первой половины 1990-х годов общий уровень притязаний старшеклассников значительно вырос, причем в Москве этот рост был статистически значим. Данный рост был описан в предшествующих публикациях, где фигурировали тогда еще не факторные индексы, а наблюдения за динамикой отдельных показателей притязаний. Новыми же на рисунке 5 являются тенденции второй половины 1990-х годов, и они, как видим, отличаются от того подъема, который был характерен для 1985–1995 гг. Динамика изменений в 1995–2001 гг. в разных городах совпала не полностью, но *ни в одном из них не наблюдалось статистически значимого роста обобщенного фактора притязаний*. В Киеве средний индекс обобщенного уровня притязаний резко (и статистически значимо) снизился, а в трех остальных горо-

дах изменения оказались очень невелики и статистически незначимы.

Таким образом, с 1995 по 2001 г. роста обобщенного индекса притязаний не наблюдалось, а в отдельных географических точках имело место даже его снижение. Само по себе отсутствие динамики не заслуживало бы, возможно, специального внимания, если бы не контраст с десятью предшествующими годами, на протяжении которых притязания юношей и девушек неуклонно росли. Налицо смена тенденций: рост уровня притязаний, наблюдавшийся с конца 1980-х годов, сменился консервацией или даже снижением достигнутого уровня.

Первоначальный взлет уровня притязаний объясняется изменениями, произошедшими в конце 1980-х — начале 1990-х годов в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества. На основе этих изменений, поначалу достаточно ограниченных, возникло общее настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного строя, который должен был прийти на смену государственному социализму¹. Представления о новом общественном устройстве формировались под влиянием описанного в психологии «принципа удовольствия». Важнейшей составляющей этих представлений был более высокий, чем при социализме, уровень возможных жизненных результатов и логически дополняющая его бо́льшая легкость их достижения.

Конкретные социальные механизмы, обеспечившие повышение уровня притязаний, были связаны со снятием барьеров на пути движения информации, людей и товаров между развитыми капиталистическими странами и бывшим Советским Союзом. Российским и украинским гражданам открылось и стало

¹ Обратим внимание, что бурный рост притязаний происходил уже в конце 1980-х годов, т.е. предшествовал августовской революции 1991 г. Это, кстати, согласуется с идеей Дж. Дэвиса о том, что рост притязаний является необходимой предпосылкой социальной революции (См.: *Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. P. 5–19*).

для них *референтным* новое, «западное», пространство с более высокими стандартами достижений, уровня и качества жизни. Эти новые образцы, сначала доступные только через средства массовой коммуникации, постепенно начали проникать и на территорию бывшего Советского Союза и воздействовать на людей, становясь элементами их повседневной среды обитания, как, например, товары, лежащие на прилавке магазина, или иностранные автомобили, движущиеся по городским улицам. Уже не на Западе, а в его собственной стране и в собственном городе начали формироваться новые социальные группы, становившиеся для человека референтными¹. При этом цены, которые платили за достижение этих благ люди, являвшиеся объектом

¹ Для иллюстрации этих новых реалий достаточно перечислить хотя бы некоторые слова, вошедшие в российский повседневный словарь в те годы: йогурт, доллар, евроремонт, виза, «Вольво» и др.

Как правило, притязания юношей и девушек дают в нашей выборке положительные корреляции с соответствующими характеристиками родительских семей. Но все же для формирования новых потребительских притязаний детей вовсе не было необходимо прямое влияние уровня жизни родителей. Например, доля садовых участков и дач у родителей наших подростков заметно повысилась в промежутке с 1985 по 1992 г.: в Киеве в 1985 г. участки и дачи были у 28% семей, а в 1992 г. — у 59%. И притязания детей тоже выросли, но гораздо более резко (см. рис. 4). А вот в распространенности реального владения автомобилями в конце 1980-х годов скачка не произошло (сдвиг наблюдался позже, в первой половине 1990-х годов, когда доля семей, имеющих автомобили, выросла в киевской выборке с 34 до 46%, а в московской — с 36 до 53%). Между тем притязания на владение автомобилем резко выросли уже к началу 1990-х годов, когда почти все юные москвичи и киевляне заявили, что хотят в будущем иметь машину (см.: Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи. С. 20). Эти факты наглядно подтверждают вывод о том, что референтными при формировании притязаний молодежи были не столько родительские семьи, сколько более отдаленные социальные общности — «западные», а потом и отечественные, о которых мы только что упоминали. Это, в свою очередь, позволяет понять парадоксальную ситуацию взлета уровня притязаний молодежи в тот самый период, когда жизнь многих семей ухудшалась.

подражания, т.е. неотделимые от соответствующих благ трудовые и иные затраты, первоначально оставались скрытыми, что вообще характерно для восприятия людьми чужих затрат¹.

Одновременно возникали новые ресурсы, способствовавшие реализации этих новых уровней достижения, и снимались многие социальные ограничения, данным достижениям препятствовавшие (запрет на предпринимательство, ограничения товарно-денежных обменов, свободы выезда за границу и других видов территориальной и социальной мобильности, свободы слова и политической деятельности и т.п.). Все это составные части процессов разрушения тоталитаризма и освобождения личности, происходивших в бывшем Советском Союзе с 1985 г. и повлиявших на процесс социализации поколений юношей и девушек, оканчивавших среднюю школу в начале и в середине 1990-х годов.

Формировались и новые социальные нормы, *предписывающие* высокий уровень притязаний. Так, в 2001 г. подавляющее большинство (более 85%) опрошенных нами выпускников школ соглашались с тем, что «всегда надо стремиться к большему: чем выше ставишь для себя планку, тем большего достигнешь в жизни и больше получишь от нее». Скорее всего, массовое распространение этой и подобных норм можно отнести к тому же периоду конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда происходил общий идеологический поворот в бывшем советском обществе, и влияние этих социальных норм было еще одной причиной описанного выше роста притязаний.

¹ В уже упоминавшейся статье Ю. Левада отмечает, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов советским и постсоветским обывателям стали доступны «витрина» и «прилавок» сегодняшней западной цивилизации, но не ее «кухня» и «фабрика» (см.: Левада ЮА. «Человек ограниченный»: Уровни и рамки притязаний. С. 12). Кухня и фабрика — это как раз те места, где совершаются основные затраты ресурсов и, фигурально выражаясь, проливаются невидимые миру слезы.

Стагнация уровня притязаний молодежи, наступившая во второй половине 1990-х годов, а частично даже его снижение, может быть понята в рамках того же подхода, что был использован для объяснения его предшествующего роста.

Можно предположить, что представления молодежи об абстрактно возможных уровнях достижений изменились мало, но что изменениям подверглись представления о процессе воплощения этих притязаний в жизнь. Первоначальный всплеск общественных ожиданий и идея богатства возможностей, открываемых новым общественным строем, постепенно дополнялись более трезвым осознанием ранее скрытых барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. Сформировалось мнение о гораздо более медленной, чем ожидалось, скорости позитивных социальных изменений. В связи с этим характерно название одной из последних статей выдающегося российского социолога Л. Гордона — «Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения»¹.

Подобное изменение общественных настроений, прямо или косвенно отразившееся и в изменениях сознания молодежи, происходило под влиянием огромного числа больших и малых событий, важнейшим из них был финансовый кризис 1998 г., заставивший как элиты, так и массовые слои населения в России и Украине остро осознать упомянутые барьеры и ограничения. Труднее преодолимыми ко второй половине 1990-х годов стали выглядеть и границы между разными социальными стратами.

В то же время важно со всей определенностью подчеркнуть, что возврата к уровню притязаний, который был характерен для поколения, опрошенного в 1985 г., не произошло.

¹ Гордон ЛА. Времена и сроки демократических перемен: Тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 5.



Рис. 6. Межпоколенная динамика притязаний на должность, загородный дом и размер основного жилища в Киеве и Москве (1985–2001 гг.)

Даже более умеренные притязания образца 2001 г. резко превосходят те, которые были присущи «доперестроечной» молодежи. Об этом наглядно свидетельствует динамика отдельных видов притязаний молодых киевлян и москвичей, представление о которой даст рисунок 6.

Как уже говорилось, наряду с основной, наиболее явной, системой взаимосвязей между различными показателями притязаний, воплощенной в первом факторе, есть и взаимосвязи «второго плана», воплощенные в описанном выше втором факторе. На рисунке 7 изображена динамика этого второго интегрального индекса притязаний. Напомним, что с увеличением

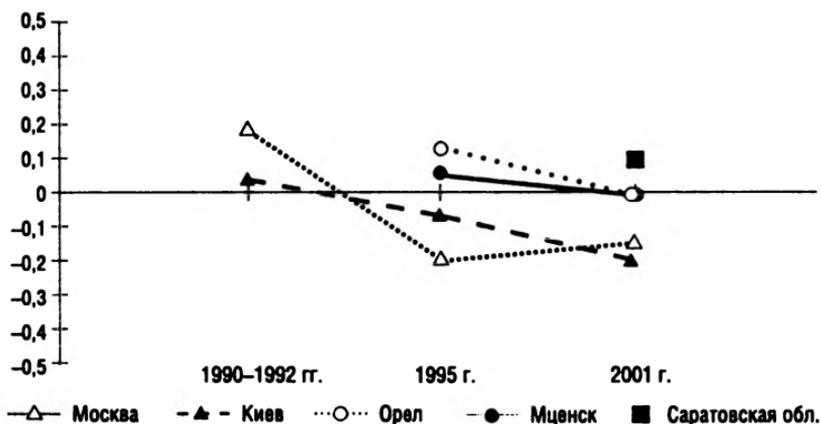


Рис. 7. Фактор высоких притязаний в сфере семьи (средние значения, 1990–2001 гг.)

его значений растут притязания, связанные с числом детей и размером жилья, и, наоборот, несколько снижаются притязания, касающиеся должности, а также уровня содержательности и творческой нагрузки.

Итоговая (с 1990–1992 по 2001 г.) динамика значений этого фактора в Москве и Киеве указывает на снижение жилищно-семейных притязаний и сопровождающий его некоторый рост притязаний в сфере труда (различия по Москве статистически значимы: 1990–1991 гг. значительно отличаются от 1995 и 2001 гг.). Таково же направление динамики в Орле и Мценске.

Причины этого снижения, по-видимому, те же, что и снижения генерального индекса притязаний. Но в данном случае они касаются наиболее дорогого и труднодоступного блага, каким является жилье, с которым, в свою очередь, связан процесс создания собственной семьи. В Москве, где жилье особенно дорого, снижение соответствующих притязаний резко проявилось уже в первой половине 1990-х годов. Поскольку речь идет о тенденции «второго плана», то при анализе отдельных, не расщепленных в процессе факторного анализа показателей

она была незаметна, замаскирована генеральной тенденцией общего роста притязаний, воплощенной в динамике первого фактора. То, что снижение притязаний, касающихся дорогих благ, сопровождается некоторым повышением трудовых притязаний, вполне объяснимо. Возможно, молодые люди откладывают приобретение дорогих благ, предпочитая прежде сосредоточиться на трудовых достижениях, которые позволят накопить соответствующие ресурсы.

Структура и межпоколенная динамика готовности к собственным жертвам и усилиям

Чтобы оценить готовность молодых людей к собственным жертвам и усилиям, им была предложена серия вопросов о том, согласятся ли они ради осуществления своих жизненных планов разлучаться с семьей, выполнять физически тяжелую, или вредную, или монотонную работу, трудиться в условиях сурового климата, жертвовать своим свободным временем, выполнять работу, связанную с опасностью для жизни, усердно учиться в «трудном» институте, переучиваться и осваивать новую профессию и т.п. С каждым из перечисленных действий можно было согласиться или не согласиться, для чего предлагалось три варианта ответов: «скорее нет» (несогласие на трудности и жертвы, оцениваемое баллом «1»), «трудно сказать» (полусогласие-полунесогласие, оцениваемое баллом «2») и «скорее да» (согласие, оцениваемое баллом «3»).

Основываясь на данных начала и середины 1990-х годов, один из авторов данной статьи сформулировал представление о двух типах жертв: первый из них был условно назван «стратегией уступок в качестве жизни», а второй — «страте-

гией накопления высокой квалификации (человеческого капитала)¹.

Между различными типами жертв есть заметные отличия в готовности респондентов идти на них. Когда от учащихся требуют того, что мы условно назвали «уступками в качестве жизни», то они выражают минимальную готовность к преодолению подобных трудностей. Именно так они реагируют на предложение работать в условиях сурового климата, в условиях вредных для здоровья, выполнять работу однообразную либо неквалифицированную, ниже уровня их способностей и умений, а также работу, требующую частой смены места жительства и разлуки с семьей. Ни юноши, ни девушки не хотят жертвовать чувствами при заключении брака, кроме того, девушки не согласны на физически тяжелую или на опасную работу. Во всех перечисленных случаях ответ «скорее нет» является наиболее частым.

Готовность к жертвам второго типа, которые ведут к саморазвитию, накоплению и полному использованию человеческого капитала, наоборот, сравнительно высока: когда респондентов спрашивают о готовности усердно учиться в «трудном» институте, выполнять работу с повышенной ответственностью и жертвовать ради нее свободным временем, перучиваться и осваивать новую профессию, не заводить семью до достижения определенного уровня образования, материального и социального положения, они чаще всего дают ответы «согласен» или «трудно сказать» (табл. 3).

Таким образом, респонденты, которые участвовали в наших опросах, склоняются к тому, чтобы продавать на рынке рабочей силы прежде всего свою будущую высокую квалификацию. Ярким примером жертв противоположного типа является, в частности, работа в условиях, вредных для

¹ *Магун В.С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия?.. 1996; *Он же.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи 1985–1995 гг. // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы.

Таблица 3

**Готовность респондентов к собственным жертвам и усилиям
(1985–2001 гг.)**

Согласны ли Вы:	Средние значения (в баллах)*						Частотные распределения по всему массиву, %, 1990–2001 гг., Москва, Орел, Мценск, Саратовская обл. и Киев, N=2467 человек		
	1985 г., Киев (N=625)	1990–1992 гг., Москва и Киев (N=592)	1995 г., Москва, Орел, Мценск и Киев (N=797)	2001 г., Москва, Орел, Мценск, Саратовская обл. и Киев (N=1078)	1990–2001 гг., Москва, Орел, Мценск, Саратовская обл. и Киев (N=2467)		Скорее нет	Трудно сказать	Скорее да
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Работать в условиях, вредных для здоровья?	1,4	1,3	1,2	1,3	1,2	80	17	4	
Выполнять работу низкой квалификации, ниже уровня Ваших способностей и умений?	–	1,5	1,3	1,3	1,3	73	21	6	
Выполнять работу, связанную с частой переменой места жительства?	1,9	1,5	1,4	1,6	1,5	62	24	13	

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Отслужить срочную службу в армии?	-	-	-	1,5	1,5	65	20	16
Пожертвовать чувствами при заключении брака	-	1,5	1,5	1,5	1,5	61	29	10
Работать в условиях сурового климата?	2,1	1,7	1,5	1,5	1,6	59	28	14
Контактировать с людьми, связанными с преступным миром?	-	-	1,7	1,6	1,6	54	29	17
Выполнять работу, которая потребует частой разлуки с семьей?	1,8	1,7	1,6	1,7	1,7	48	38	14
Выполнять физически тяжелую работу?	1,9	1,7	1,6	1,8	1,7	49	31	20
Пойти «на сделку с совестью»?	-	-	1,7	1,7	1,7	44	42	14
Выполнять работу интересную, но на которой трудно рассчитывать на высокую материальную обеспеченность?	2,3	1,6	1,9	1,9	1,8	39	43	19
Выполнять опасную работу?	2,1	1,7	1,8	1,7	1,8	47	30	23
Выполнять работу, которая требует, чтобы Вы часто жертвовали свободным временем, отдыхом, досугом?	2,1	2,0	2,0	2,0	2,0	31	39	29
Усердно учиться в «трудном» институте?	-	2,0	2,2	2,4	2,2	22	32	46

Окончание таблицы 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Выполнять работу с повышенной ответственностью?		2,4	2,1	2,1	2,3	2,2	18	42	40
Переучиваться, осваивать новую профессию?	–	2,2	2,1	2,2	2,2	2,2	24	37	39
Не заводить семью, пока не достигнете определенного уровня образования, материального и социального положения?	–	2,0	2,3	2,4	2,3	2,3	20	31	49

* Респондентам предлагалась трехбалльная шкала: «скорее нет» (1 балл), «трудно сказать» (2 балла) и «скорее да» (3 балла).

Ошибка средней в целом по массиву колеблется в диапазоне 0,01–0,02, а по подмассивам, характеризующим отдельные годы, — в диапазоне 0,02–0,03 балла.

здоровья. Она подразумевает как бы продажу своего здоровья в обмен на текущие материальные льготы и более ранний выход на пенсию. Эта жертва, как и те, что связаны с примитивным содержанием и плохими условиями труда, по-видимому, ассоциируется в сознании учащих с обликом людей, не имеющих высокой и пользующейся спросом профессиональной квалификации, и не вписывается в их представление о трудовой роли профессионала¹.

Перейдем теперь к структурным взаимосвязям между готовностями к различным жертвам и трудностям и анализу

¹ Более высокая готовность к преодолению трудностей, ведущих к накоплению и использованию человеческого капитала, тесно связана с притязаниями учащих получить высшее профессиональное образование, которые характерны для подавляющего большинства респондентов (для 86% городских учащих по всем опросам с 1985 по 2001 г.). Что же касается здоровья, то, судя по специальному вопросу, который был включен в анкеты 1995 и 2001 гг., для 60% респондентов оно входит в число ценностных приоритетов, и им, конечно, не готовы жертвовать.

**Таблица 4. Факторная структура готовностей
к собственным жертвам и усилиям у респондентов,
опрошенных в 1990–2001 гг. (Москва, Киев, Орел, Мценск,
Саратовская область, N=2467 человек)**

Виды жертв	I фактор	II фактор*
Выполнять работу низкой квалификации, ниже уровня Ваших способностей и умений	0,37	0,52
Выполнять однообразную, монотонную работу	0,30	0,36
Работать в условиях, вредных для здоровья	0,45	0,28
Пожертвовать чувствами при заключении брака	0,18	0,23
Работать в условиях сурового климата	0,63	0,21
Выполнять физически тяжелую работу	0,58	0,11
Выполнять работу, которая потребует частой разлуки с семьей	0,52	0,03
Выполнять работу, связанную с частой переменой места жительства	0,47	0,00
Выполнять работу интересную, но на которой трудно рассчитывать на высокую материальную обеспеченность	0,30	-0,02
Выполнять опасную работу	0,57	-0,02
Выполнять работу, которая требует, чтобы Вы часто жертвовали свободным временем, отдыхом, досугом	0,60	-0,13
Переучиваться, осваивать новую профессию	0,31	-0,21
Не заводить семью, пока не достигнете определенного уровня образования, материального и социального положения	0,24	-0,42
Выполнять работу с повышенной ответственностью	0,45	-0,45
Усердно учиться в «трудном» институте	0,42	-0,52
Информативность факторов	20%	9%

* Для удобства дальнейшего сопоставления с факторами ожиданий помощи знаки факторных нагрузок во втором факторе данной матрицы изменены на противоположные, что, конечно, никак не сказывается на содержательной трактовке материала.

образующихся на основе этих взаимосвязей интегральных индексов. В таблице 4 приводятся два первых, наиболее информативных фактора (всего в матрице оказалось четыре фактора, собственное число которых превышало 1).

С *первым* из этих факторов положительно связаны все 15 показателей готовности к жертвам и преодолению трудностей. По абсолютной величине веса разных показателей неодинаковы, лидирует среди них готовность к работе в условиях сурового климата, к физически тяжелому труду, опасной работе, к работе, требующей жертвовать свободным временем и отдыхом. Существенно, что с данным фактором тесно связаны оба упомянутых выше типа жертв и трудностей: заметные положительные веса имеют, с одной стороны, готовность трудиться в условиях сурового климата, выполнять физически тяжелую и вредную работу, а с другой — готовность учащихся усердно учиться в «трудном» вузе, а также их готовность к работе с повышенной ответственностью, оставляющей мало свободного времени для отдыха и досуга. Данный фактор, таким образом, является *общим (генеральным, универсальным) параметром готовности к преодолению различных жизненных трудностей.*

Второй из рассматриваемых факторов более сложен по своей структуре: одна группа признаков входит в него с положительными, а другая — с отрицательными нагрузками. Положительно с фактором связаны готовности выполнять работу ниже уровня своих способностей, выполнять монотонную работу, работать в условиях, вредных для здоровья, в условиях сурового климата, а также готовность пожертвовать чувствами при заключении брака, отрицательно — готовности усердно учиться в «трудном» вузе, выполнять работу с повышенной ответственностью, переучиваться, осваивать новую профессию, отложить создание семьи.

Общий смысл показателей, связанных с фактором *положительно*, — это готовность человека к физическим (тяжелая работа, условия сурового климата), информационным (однообразная работа) и эмоциональным (чувства при заключении

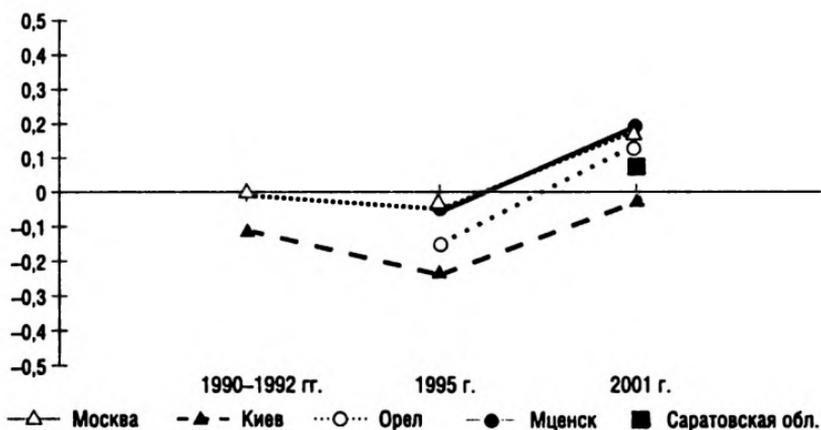


Рис. 8. Готовность к собственным жертвам и усилиям (средние значения генерального фактора, 1990–2001 гг.)

брака) лишениям, а также к лишению себя возможности полностью использовать имеющиеся способности, реализовать свой потенциал (соответствующий показатель имеет наиболее выраженную положительную нагрузку). Общий же смысл показателей, имеющих по фактору отрицательные нагрузки, состоит, наоборот, в том, чтобы накапливать новые умения и способности (усердно учиться в «трудном» институте, осваивать новую профессию), обеспечивать для этого необходимые условия (откладывать создание семьи) и полностью реализовывать накопленный потенциал (выполнять работу с повышенной ответственностью).

Эти две группы готовностей как раз и воплощают два типа стратегий, о которых шла речь выше. Идя на физически тяжелую, вредную, монотонную работу или на брак по расчету (симптоматично, что установки в сферах труда и семейной жизни оказались взаимосвязаны), на недоиспользование имеющихся способностей, человек тем самым ухудшает свои физические качества, свое эмоциональное состояние и утрачивает свои способности как работника, поскольку неиспользуемые знания и навыки забываются. Хотя он получает за это те или иные блага, но не развивается и, более того, утрачивает

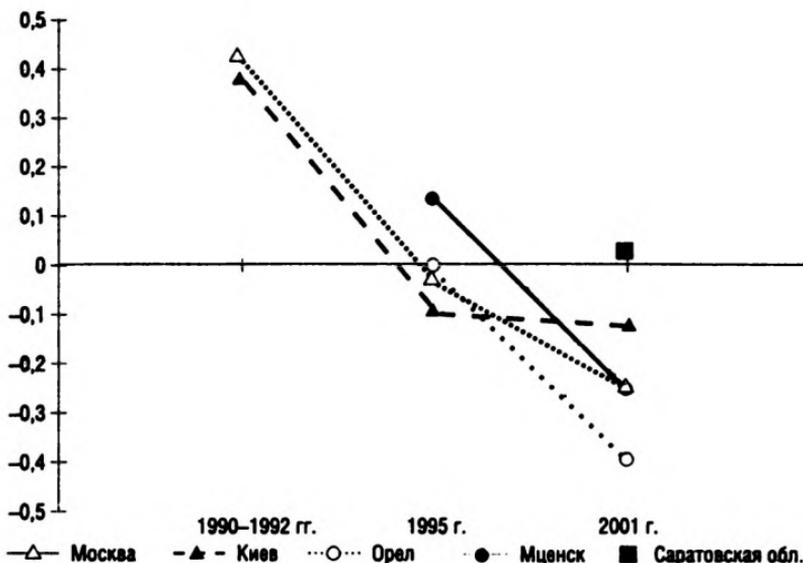


Рис. 9. Фактор «трудности учения и ответственности (-) vs преодоление физических, информационных и эмоциональных лишений (+)» (средние значения, 1990–2001 гг.)

даже то, чем располагал ранее как субъект жизнедеятельности. Соглашаясь же учиться и переучиваться, откладывать брак или идти на ответственную работу, человек тоже испытывает лишения, в частности жертвует отдыхом и досугом, но при этом поддерживает имеющиеся у себя способности и накапливает новые, развивается, сохраняет и наращивает свой человеческий капитал.

В итоге, уточняя сформулированные в предшествующих публикациях представления о двух типах жертв и трудностей, назовем рассматриваемый параметр *фактором взаимно-обратных соотношений между двумя стратегиями достижения успеха — стратегией жертвы своими качествами и способностями и стратегией сохранения и приумножения своих способностей (человеческого капитала)*.

На рисунках 8 и 9 приводятся средние значения описанных выше факторов, характеризующие молодежь нескольких поколений в различных географических точках.

Как видим, межпоколенная динамика каждого из рассматриваемых интегральных индексов оказалась в *разных городах практически одинаковой*.

Что касается *генерального фактора* готовностей к жертвам (см. рис. 8), то в *первой половине 1990-х годов* его средние значения снижались. (Эти изменения совпадают с теми, что были выявлены ранее при анализе динамики *отдельных* готовностей¹.) При переходе же от 1995 к 2001 г. направление изменений интегрального показателя готовности резко изменилось, он начал расти, и в результате у поколения 2001 г. готовность идти на жертвы и преодолевать трудности превысила значения не только 1995 г. (различия по объединенному массиву четырех городов статистически значимы), но и 1990–1992 гг.

Итак, судя по значениям *генерального фактора*, выпускники школ в середине 1990-х годов были *менее* склонны идти на жертвы и преодолевать трудности, чем их сверстники в начале 1990-х годов (и тем более в середине 1980-х годов), но затем тенденция сменилась на противоположную, и учащиеся, заканчивавшие школу в 2001 г., демонстрировали уже гораздо *большую* готовность к жертвам, чем их сверстники не только в середине, но и в начале 1990-х годов².

Межпоколенная динамика *второго фактора*, описывающего конфликт двух стратегий при выборе человеком собственных жертв — стратегии сохранения и накопления человечес-

¹ Магун В.С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г.

² В связи с отсутствием первичных данных мы не имеем возможности вычислить значения этого интегрального показателя для киевской выборки 1985 г. Но судя по сопоставлениям частных показателей готовности к жертвам, можем заключить, что в 2001 г. полного возврата к уровню 1985 г. (в абсолютном смысле не столь уж высокому) не произошло: в 9 из 10 случаев показатели готовности к собственным усилиям были в 2001 г. *ниже*, чем в 1985 г., а итоговый средний разрыв составил 0,2 балла, что примерно в 10 раз превышает величину ошибки средних (см. табл. 3).

кого капитала (саморазвития) и стратегии жертвы своим человеческим капиталом, — имеет иной характер (см. рис. 9). С 1990 по 2001 г. средние значения данного фактора во всех исследуемых географических точках неуклонно снижались, и это означает, что у каждого следующего поколения выпускников школ баланс все больше сдвигался в пользу стратегии накопления человеческого капитала (значимыми являются различия в Москве и Киеве между оценками 1990–1992 и 1995 гг., а в Орле, Мценске и объединенном массиве четырех городов — между оценками 1995 г. и 2001 г.)¹. Подобная тенденция согласуется и с описанной в наших прежних публикациях динамикой *отдельных* показателей: при анализе изменения этих показателей в Киеве и в Москве с 1990 по 1995 г. было установлено, что готовности усердно учиться в «трудном» вузе, осваивать новую профессию, откладывать создание семьи, выполнять работу с повышенной ответственностью не снижались, а иногда и росли на фоне явного снижения готовностей к преодолению большинства других трудностей².

Для объяснения описанной выше межпоколенной динамики интегральных показателей отношения молодежи к трудностям и лишениям используем *две линии рассуждений*.

¹ О динамике этого фактора в первой половине 1990-х годов см. также: *Магун В.С.* Изменения притязаний и жизненных стратегий выпускников школ, 1999. <http://www.isras.ru/files/20759-ob_izmeneniya_khofprityazani.pdf>.

² Примечательно, что с ростом *готовности* молодежи откладывать создание семьи до достижения определенного уровня образования, материального и социального положения происходило и *реальное* повышение брачного возраста. По данным С. В. Захарова, с 1993 по 2001 г. возраст вступления в брак увеличился с 21,7 до 22,8 лет у российских женщин и еще сильнее — с 23,8 до 25,3 лет у российских мужчин (См.: *Захаров С.В.* Возраст при регистрации браков повышается // *Население России, 2001. 9-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Изд-во «Книжный дом Университет», 2002. С. 27–30*). Одновременно повышается и средний возраст матери при рождении первого ребенка (См.: *Захаров С.В.* Растет ли российская рождаемость? // *Население и общество. 2002. № 68. Ноябрь*).

Первая нацелена на объяснение ведущей тенденции, поглощенной в динамике первого фактора, характеризующего обобщенную (универсальную) готовность к жертвам и преодолению трудностей. И здесь снова сошлемся на соображения, уже изложенные выше при объяснении сдвигов в уровне притязаний. Как уже говорилось, высокий уровень возможных жизненных результатов и логически дополняющее его представление о легкости их достижения были следствием общего настроения социального оптимизма в отношении возможностей нового общественного строя — настроения, возникшего в советском обществе в конце 1980-х – начале 1990-х годов и обеспечившего в конечном счете успех социальной революции. Сдвиг в сознании молодежи заключался, таким образом, в *общем* изменении картины будущей жизни к лучшему, и он затрагивал не только притязания, но и средства их достижения. Смысл этого сдвига состоял в том, что можно достичь большего и ценой меньших собственных усилий. В свете этих соображений и может быть понято общее снижение на протяжении 1985–1995 гг. готовности молодежи к собственным усилиям.

В этом же контексте можно понять и тот перелом в динамике отношения молодежи к жизненным трудностям, который наступил во второй половине 1990-х годов. Причины перелома — те же самые, которыми мы выше объясняли изменение динамики уровня притязаний в тот же период. Подобно тому как «принцип удовольствия» на начальном этапе быстрых социальных изменений одновременно влиял и на рост притязаний, и на снижение ожидаемых затрат, ассигнуемых на их достижение, «принцип реальности», позволяющий более трезво осознавать трудности и ограничения, привел на более позднем этапе одновременно и к снижению притязаний, и к росту готовности больше «платить» за их достижение.

Вторая линия рассуждений об изменениях готовности молодежи к собственным жертвам имеет более сфокусированный характер и направлена на объяснение «тенденции вто-

рого плана». Напомним, что эта тенденция выразилась в межпоколенной динамике второго фактора, где наблюдается сдвиг в пользу стратегии поддержания и накопления способностей и квалификации (человеческого капитала) при одновременном отказе молодых людей от стратегии саморазрушения.

Известно, что в советскую эпоху сам по себе квалифицированный труд, как правило, не обеспечивал работнику высокого уровня благосостояния, наоборот, квалифицированная часть средних слоев оказывалась «в наиболее невыгодных условиях»¹. Поэтому жертва условиями и содержанием труда была наиболее распространенным способом заметно повысить доход. Но в ходе социально-культурных и социально-экономических трансформаций, стартовавших в конце 1980-х годов, ситуация начала меняться, и общество все в большей степени стало активно вознаграждать некоторые виды квалифицированного профессионального труда, отказавшись от существовавших ранее «потолков» заработка и дохода². Это и привело к тому, что молодые люди стали все больше видеть путь реализации своих притязаний не в жертвах «экстенсивного» характера, типичных для советского времени, а в жертвах и усилиях, направленных

¹ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. С. 210.

² Речь прежде всего шла о труде юриста, финансиста, компьютерного специалиста, менеджера, бизнесмена, а также других категорий работников, занятых преимущественно в сфере услуг. В целом это как раз те профессии и занятия, которые входят в число наиболее привлекательных для наших респондентов и для других групп молодежи. См.: Дубин Б.В. Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: Межпоколенческая репродукция и разрыв поколений // Экономические и социальные перемены... 1995. № 1. С. 14–18; Константиновский Д.Л. Динамика привлекательности профессий и социальные изменения // Профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных школ / Под ред. В. Н. Шубкина, Д. Л. Константиновского. М., 1996. С. 12–49; Чередищенко Г.А. и др. Когда наступает время выбора. (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений.) М.: ИС РАН; СПб: РХГИ, 2001.

на приобретение высшего образования, которое, в свою очередь, улучшало их положение на рынке труда¹.

Правда, как показывают многочисленные факты, обучение в системе высшего профессионального образования сегодня очень часто не связано с той профессией, по которой молодой человек идет впоследствии работать. Поэтому ориентация молодежи на получение высшего образования — это в значительной степени желание получить *общее* высшее образование (с последующей специализацией в ходе обучения на рабочем месте или в специализированных образовательных учреждениях, или в процессе получения второго высшего образования)².

В предшествующих публикациях по данному вопросу один из авторов данной статьи высказывал предположение о

¹ Об усилении в 1990-х годах внимания молодежи к приобретению образования и квалификации свидетельствуют и некоторые факты, полученные в исследованиях наших коллег. Одно весьма тонкое наблюдение принадлежит Е. А. Хибовской: оказалось, что, мотивируя свое *неучастие* в образовательной деятельности, молодые люди (выборка от 16 до 30 лет), опрошенные в 1995 г., лишь в 15% случаев приводят аргумент «у меня достаточно высокий уровень образования». Особенно примечательно, что, по сравнению с 1991 г., эта цифра снизилась в три раза (см.: *Хибовская Е.А.* Ориентации молодежи в сфере образования // *Экономические и социальные перемены...* 1995. № 5. С. 29). В исследовании И. И. Харченко, проведенном в Новосибирске и Новосибирской области в 1990 и 1996 гг., установлено, что доля 11-классников, намеревающихся поступать в вузы, за эти годы возросла или, во всяком случае, не уменьшилась. И только немногие юноши и девушки согласились в 1996 г. с утверждением «хорошее образование сейчас потеряло свое значение» (см.: *Харченко И.И.* Образование в системе ценностей и жизненных планах старшеклассников: Методология и результаты социологического исследования в Новосибирске // *Социальные изменения в России и молодежь* / Под ред. В. С. Магуна. М.: МОНФ, 1997. С. 52, 54).

² Об ориентации на общее высшее образование см.: *Магун В.С.* Об оценке российского высшего образования и его перспектив. 1999. <http://www.isras.ru/files/20773-Ob_otstenkeofrussion_education.pdf>.

том, что в постсоветской России и Украине стала сильнее вознаграждаться квалификация, только в качестве *гипотезы*. Она призвана была объяснить рост готовности молодых людей преодолевать трудности, связанные с получением высшего образования и последующим выполнением ответственной работы: естественно было предположить, что эта готовность повышалась, поскольку люди ожидали, что с наличием квалификации действительно будет связано большее вознаграждение. Но на сегодняшний день имеются уже серьезные *эмпирические доказательства* обоснованности выдвинутой ранее объяснительной гипотезы. Д. Нестерова и К. Сабирьянова показали, что в России и в других постсоциалистических странах «отдача» на образование в виде прироста заработной платы на каждый дополнительный год обучения действительно заметно выросла в первой половине 1990-х годов, по сравнению с временами социализма¹. Впоследствии К. Сабирьянова показала также, что «отдача» на образование вообще и на высшее образование в частности устойчиво росла на протяжении всего периода 1990-х годов и приблизилась к уровню, характерному для экономически развитых стран. Например, в 2000 г. в России каждый дополнительный год обучения в вузе сопровождался увеличением заработной платы более чем на 12%².

Говоря языком социогеографии, наиболее демократичным и лишенным моральных издержек способом заработать деньги в Советском Союзе была напряженная работа «на Севере» или «на Востоке», т.е. в неблагоприятных природных

¹ *Nesterova D., Sabirianova K. Investment in Human Capital under Economic Transformation in Russia. EERC Working Paper Series. 1999. N 99/04.*

² *Sabirianova K. Skill-Biased Transition: The Role of Markets, Institutions, and Technological Change (Доклад на конференции «Микроэкономический анализ перераспределения рабочей силы». Мичиган. Август 2003 г. Метод доступа: <<http://www.upjohninstitute.org/confindex.htm>>).*

условиях. Кроме того, для части молодых людей «Север» и «Восток» страны приобретали и романтическую окраску, представлялись тем пространством, где молодой человек мог испытать себя. Характерно название известного очерка С. Соловейчика, опубликованного в 1965 г. в «Комсомольской правде» и посвященного молодым людям, ищущим такое место, где каждый из них мог бы почувствовать себя «человеком, элементарным человеком», — очерк назывался «Посевернее, повосточнее»¹. Сегодня же мечты о благосостоянии связываются в сознании молодежи прежде всего с «Западом», который ассоциируется у нее как раз с наиболее благоприятными социально-экономическими и природными условиями, а также с достойными условиями труда для квалифицированных специалистов².

Часть молодых людей не возражали бы учиться и работать на Западе, переехав туда насовсем или на время³. Но не менее сильно желание работать «как на Западе» у себя на родине, где «западные», «капиталистические», «цивилизованные» условия труда предлагают уже не только иностранные, но и продвинутые отечественные компании, достойно вознаграждающие квалификацию и ответственность своего персонала.

¹ Этот очерк был позднее перепечатан: *Соловейчик С. Посевернее, повосточнее // Алый парус / Сост. И. Зюсюкин, С. Соловейчик. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 22–28.*

² В России и Украине центрами притяжения для молодежи сегодня стали Москва и Киев, которые и социально и географически ближе к Западу, нежели к Северу или Востоку (см.: *Зайончковская ЖА, Мкртчян НВ. Миграция // Население России, 2001. 9-й ежегодный демографический доклад.*

³ 70% отвечавших на вопросы нашей анкеты в 2001 г. российских респондентов хотели бы поехать за границу на временную работу, 42 — учиться, 53 — на постоянное место жительства, если будет работа по специальности, 19% — уехать в любом случае. В Киеве соответствующие цифры несколько выше: 72, 57, 58 и 29%.

**Таблица 5. Средние значения ожиданий
респондентами различной помощи
со стороны родителей, родственников,
друзей и знакомых (1985–2001 гг.)***

Город	Год	Число опрошенных	В осуществлении планов, связанных с будущей работой	В осуществлении планов, связанных с образованием	В достижении признания и уважения	В приобретении жилья	В приобретении загородного дома	В осуществлении планов жизни за границей
Москва	1990–1991	387	2,0	1,9	–	2,1	–	1,9
	1995	200	2,1	2,0	1,8	1,9	1,8	1,7
	2001	230	2,1	2,1	1,9	1,9	1,8	1,6
Киев	1985	625	1,6	1,9	1,4	1,8	1,8	–
	1992	205	1,9	2,1	1,6	2,0	1,9	–
	1995	203	2,1	2,0	1,8	1,9	1,7	1,7
	2001	200	2,1	2,2	2,0	1,9	1,8	1,7
Орел	1995	208	2,2	2,1	1,8	2,0	2,0	1,7
	2001	253	2,2	2,2	2,0	2,0	1,8	1,8
Мценск	1995	186	2,0	1,9	1,9	1,9	1,9	1,7
	2001	219	2,2	2,3	2,1	2,1	2,0	1,8
Саратовская область	2001	176	2,2	2,2	2,1	2,0	1,8	1,8

* Ошибки средних не превышают 0,05.

Структура и динамика ожиданий помощи

Чтобы оценить ожидания учащихся, касающиеся помощи в реализации притязаний, их после вопросов о соответствующих притязаниях спрашивали: «В какой мере при осуществлении этих планов [уточнялось, каких] Вы можете рассчитывать на помощь родителей, родственников, друзей и знакомых?» Во всех случаях респондентам предлагались следующие варианты ответов: «на помощь не рассчитываю» (1 балл), «рассчитываю на некоторую помощь» (2 балла), «рассчитываю на значительную помощь» (3 балла). При этом психологические образования, стоящие за ответами респондентов об их расчетах на помощь, могли различаться: это могли быть как пассивные ожидания (упования на помощь), так и ожидания, связанные с намерениями респондента активно привлекать внешние ресурсы¹.

Как выяснилось, большинство средних оценок колеблется в районе двух баллов, что соответствует варианту ответа «рассчитываю на некоторую помощь» (табл. 5). В Киеве с 1985 по 1992 г. эти средние оценки выросли (в среднем на 0,2 балла, при ошибке средней, равной 0,05), рост наблюдался и на последнем этапе — с 1995 по 2001 г., и в итоге у киевских учащихся ожидания помощи в 2001 г. превысили исходные показатели 1985 г. На рисунке 10 приводятся средние оценки ожидаемой киевскими школьниками помощи в достижении искомого признания и уважения, в осуществлении замыслов, связанных с будущей работой², в приобретении загородного

¹ *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. С. 91–103.

² Формулировки «помощь... в осуществлении замыслов, связанных с будущей работой» в киевском опросе 1985 г. не было. Для приближенной оценки выраженности соответствующих ожиданий была рассчитана средняя по ожиданиям двух видов помощи, относящихся к будущей работе: помощи в получении «достаточного заработка» и «достаточной должности». Эта средняя и фигурирует в таблице 5, а также на рисунке 10.

Таблица 6. Факторная структура ожиданий респондентами различной помощи от родителей, родственников, друзей и знакомых (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, 1990–2001 гг., N=2467 человек)

Направления помощи	I фактор	II фактор
В осуществлении планов, связанных с будущей работой	0,69	-0,45
В осуществлении планов, связанных с образованием	0,68	-0,46
В достижении признания и уважения	0,64	-0,22
В приобретении жилья	0,62	0,31
В приобретении загородного дома	0,56	0,56
В осуществлении планов жизни за границей	0,57	0,44
Информативность факторов	40%	18%

дома и городского жилища, а также в осуществлении образовательных планов.

Проанализируем теперь структурные взаимосвязи между различными ожиданиями помощи и образующиеся на основе этих взаимосвязей интегральные индексы.

Факторному анализу были подвергнуты шесть показателей, которые образовали два фактора (табл. 6).

В *первый фактор* (его информативность 40%) с высокими и примерно одинаковыми положительными весами входят все шесть ожиданий помощи. Лица с высокими значениями этого фактора рассчитывают на сравнительно заметную помощь в получении образования, в осуществлении планов, связанных с будущей работой, а также в получении признания, приобретении жилья и дачи и в реализации планов жизни за границей¹. Те же, кто имеет низкие значения по

¹ Варианты ответов, касающиеся планов жизни за границей, см. выше, в сноске на с. 304.

данному фактору, рассчитывают на меньшую помощь в достижении всех этих благ или не рассчитывают на нее вовсе. Данный фактор, таким образом, является *обобщенным (генеральным, универсальным) параметром ожиданий помощи в реализации жизненных притязаний*.

Во *второй* фактор (его информативность 18%), как и в случае с готовностями идти на жертвы, одна группа признаков входит с положительными, а другая — с отрицательными нагрузками. Положительно с фактором связаны ожидания помощи в приобретении дачи, городского жилища и в осуществлении планов жизни за границей, отрицательно — ожидания помощи в получении образования, в реализации планов, связанных с будущей работой и получением искомого признания.

Можно предположить, что критерием, разделяющим две группы ожиданий помощи, является содержание задач этой помощи, направлена ли она *на приобретение конечных благ* (результатов) или же *на приобретение ресурсов* (средств, инструментов). Действительно, работа с хорошим заработком, хорошее высшее образование, позволяющее находить подобные рабочие места и удерживаться на них, а также хорошая репутация («уважение и признание») как раз и являются ресурсами для приобретения потребительских благ (в том числе таких дорогих, как городское жилье и дача) и условиями, благоприятствующими успешной работе и жизни за границей¹.

¹ Таким образом, исходное для статьи упрощенное деление потребностей на целевые («притязания») и инструментальные («ресурсные стратегии») усложняется, ибо оказывается, что сами выбранные для анализа притязания раздваиваются на целевые и инструментальные. В этом нет ничего неожиданного, так как понятия целевых и инструментальных потребностей относительны, а сами эти потребности образуют многопорядковые целеинструментальные цепочки (см.: Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Гл. 1).

В таком случае противостояние двух указанных групп показателей в данном факторе свидетельствует о том, что значительная часть респондентов осуществляет выбор: просить ли и ждать помощи родителей в приобретении конечных благ или же мобилизовывать эту помощь и рассчитывать на нее для решения иной задачи — приобретения универсальных собственных ресурсов, какими являются хорошее образование, хорошая работа и уважение окружающих¹. В определенной степени эти два вида помощи заменяют друг друга, поэтому в сознании молодых людей они выступают как альтернативы.

Итак, рассматриваемый фактор можно было бы назвать *фактором взаимно-обратных соотношений между двумя группами ожиданий помощи — помощи в приобретении конечных благ и помощи в овладении универсальными собственными ресурсами, позволяющими эти блага впоследствии получать*.

Межпоколенная динамика *первого (генерального)* фактора (рис. 11) в целом совпадает с тем, что мы наблюдали при сопоставлении ожиданий по шести *отдельным* видам помощи в киевской выборке (см. рис. 10). Средние оценки этого фактора в рамках объединенного массива данных по четырем городам в 2001 г. заметно выше, чем в 1995 г. Иными словами, в 2001 г. в новых социально-экономических и социокультурных условиях молодежь рассчитывает на большую помощь со стороны родителей, а также друзей, родственников и знакомых, чем в середине 1990-х годов и чем в 1985 г., в условиях прежнего советского общества (последнее видно из рис. 10).

Но оказывается, что в Москве изменения обобщенного индекса ожиданий помощи шли вопреки общей тенденции, характерной для молодежи других городов. В первой половине 1990-х годов ожидания помощи в Москве снижались (в Киеве подобного снижения не было), а во второй половине

¹ Фактически речь идет о варианте знаменитой дилеммы — подарить ли человеку рыбу или же подарить удочку, научив его пользоваться.

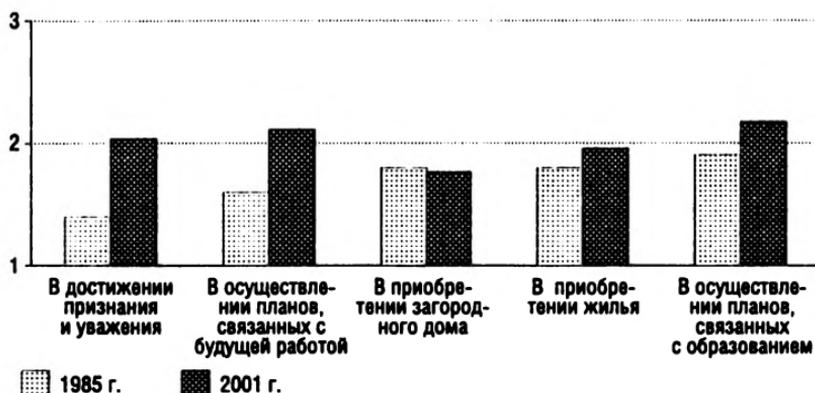


Рис. 10. Ожидания респондентами различной помощи со стороны родителей, родственников, друзей и знакомых (средние значения, Киев, 1985 и 2001 гг.)

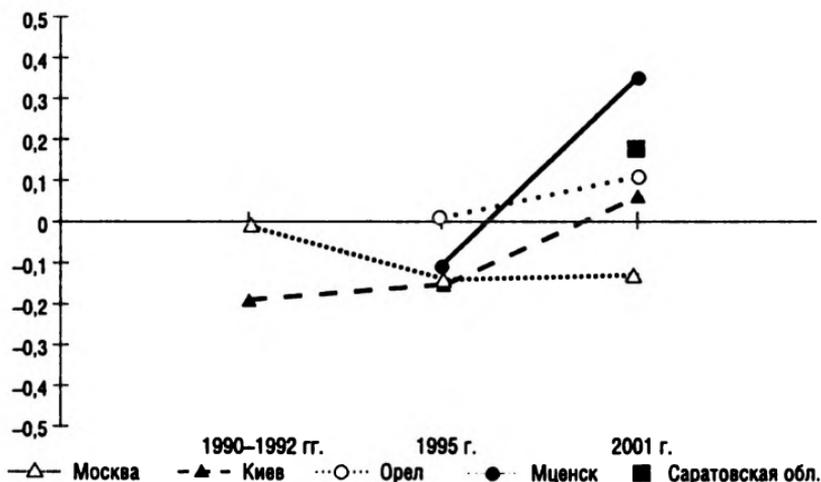


Рис. 11. Ожидания помощи со стороны родителей, родственников, друзей и знакомых (средние значения генерального фактора, 1990–2001 гг.)

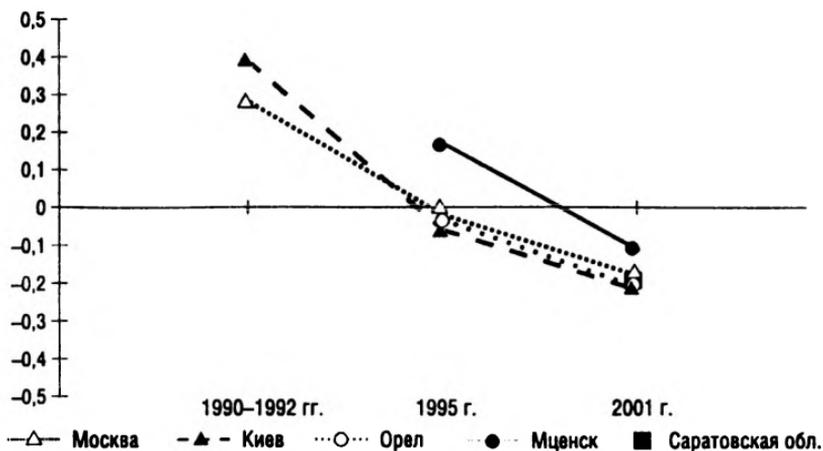


Рис. 12. Ожидания помощи со стороны родителей, родственников, друзей и знакомых: фактор «помощь в приобретении конечных благ (+) vs помощь в приобретении ресурсов (-)» (средние значения, 1990–2001 гг.)

1990-х годов средние оценки ожиданий в Москве практически не изменились. В итоге в Москве оценки ожидаемой помощи в 2001 г. оказались ниже, чем в это же время в трех других городах (различия с Мценском статистически значимы), и ниже, чем в Москве начала 1990-х годов.

Межпоколенные изменения второго фактора, описывающего конфликт между ожиданиями двух разных видов помощи — «результатной» и «ресурсной», во всех обследованных городах одинаковы и однонаправленны. С 1990 по 2001 г. средние значения данного фактора неуклонно снижались, что означает, что у каждого следующего поколения выпускников школ баланс все больше сдвигался в пользу ожиданий «ресурсной» помощи в ущерб помощи «результатной» (рис. 12; статистически значимы эти сдвиги в первой половине 1990-х годов как в Москве, так и в Киеве, а также по объединенному массиву четырех городов — с 1995 по 2001 г.).

При попытке объяснить межпоколенные изменения первого (генерального) фактора помощи сразу возникает сле-

дующая трудность. Она состоит в том, что вторая половина 1980-х и вторая половина 1990-х годов — два периода, которые резко различались по своему социально-психологическому воздействию на *притязания* и *готовность молодежи к собственным усилиям*, характеризуются *одной и той же динамикой ожиданий помощи*: в оба эти периода ожидания помощи во всех обследованных городах, кроме Москвы, растут.

Ключом к преодолению этой трудности, возможно, является упомянутый выше факт наличия двух типов соотношений между ожиданиями помощи и готовности к собственным усилиям, за которыми стоят и два разных по своим социально-психологическим механизмам типа отношения человека к чужой помощи. В одном случае — это пассивное ожидание чужого участия, а в другом — активное генерирование чужой помощи, т.е. комбинированное использование индивидом ресурсов как собственных, так и социального окружения¹. Внешне одинаковый рост ожиданий помощи можно отнести на счет этих разных механизмов: в конце 1980-х годов оценки ожидаемой помощи могли быть индикаторами пассивной стратегии, а их рост выражал стремление человека уравновесить свое нежелание идти на жертвы и преодолевать трудности (в контексте «принципа удовольствия»). В конце же 1990-х годов в тех же самых показателях, возможно, возрос вес иной, активной стратегии молодых людей, которые не просто уповали на помощь, но и организовывали ее. Поэтому не случайно рост ожиданий помощи сопровождался в этот период не снижением, а *повышением установок на собственную активность*. Как бы то ни было, поколение выпускников 2001 г. в большей мере, чем их предшественники, склонно к мобилизации *как своих, так и чужих ресурсов* для реализации притязаний, достижение которых стало представляться им процессом более трудным, чем раньше.

¹ Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью.

Особая динамика ожиданий помощи в Москве, вероятно, связана с общепризнанными отличиями ее как «города больших возможностей», города, благоприятствующего индивидуальным достижениям, что, должно быть, и позволило молодым москвичам обойтись в конце 1990-х годов только повышением готовности к собственным усилиям и не потребовало в дополнение к этому еще и мобилизации ресурсов окружающих¹.

Для объяснения межпоколенной динамики *второго* фактора ожиданий помощи воспользуемся теми же соображениями, которые оказались полезны для понимания динамики *второго* фактора готовностей к собственным жертвам. Речь, напомним, шла о том, что новый общественно-экономический строй оказался более меритократичным и что в новых социально-экономических условиях 1990-х годов в большей степени, чем в условиях советского общества, стала вознаграждаться профессиональная квалификация и продуктивность работника. В связи с этим, естественно, стали менее вознаграждаться различные характеристики, которые не столь сильно, как квалификация, связаны с продуктивностью, — прежде всего стаж и тесно коррелирующий с ним возраст. (В уже упоминавшейся публикации Д. Нестерова и К. Сабирьянова привели факты, свидетельствующие о снижении в процессе социально-экономических преобразований 1990-х годов «отдачи» от общего трудового стажа в виде прироста заработка².)

Из этих рассуждений следует, что в современных условиях молодые люди, если они имеют хорошую квалификацию и работу, вполне могут заработать деньги на приобретение разно-

¹ Возникло предположение, что могли сказаться и отличия в ориентациях московской молодежи. Но гипотеза, что у молодых москвичей сильнее, чем у жителей других городов, выражены ценности самостоятельности и опоры на собственные силы, не подтвердилась. (Для проверки этой гипотезы сопоставлялись ответы учащихся разных городов на вопрос о локусе контроля: «Как Вы полагаете, от чего главным образом зависит то, как в целом складывается Ваша жизнь?» Варианты ответов варьировались начиная с «главным образом от внешних обстоятельств» до «главным образом от меня».)

² *Nesterova D., Sabirianova K. Op. cit.*

образных потребительских благ. Это происходит потому, что, во-первых, в рыночной экономике сняты характерные для советского времени ограничения на личные заработки и доходы, и, во-вторых, произошло перераспределение доходов между поколениями в пользу молодежи, вызванное отмеченными выше противоположно направленными сдвигами в отдаленности на образование и стаж.

Отсюда понятной становится и межпоколенная динамика значений обсуждаемого фактора на протяжении 1990-х годов. По-видимому, каждое следующее поколение молодежи все яснее осознавало, с одной стороны, свои постоянно возрастающие возможности, предоставляемые хорошим образованием и хорошей работой, с другой — снижающиеся возможности родителей напрямую помочь в приобретении жилья и других потребительских благ. Логическим выводом из этого и стало перераспределение предпочитаемых «потоков» родительской помощи в пользу хорошего образования, работы и репутации.

Немаловажным аргументом в пользу подобного перераспределения стало и то, что для оказания подобной помощи родители могут использовать не только и даже не столько дефицитные для них материальные и финансовые ресурсы, сколько имеющиеся в их распоряжении запасы человеческого, морального и социального капитала.

Совместная динамика интегральных показателей, характеризующих притязания, готовности человека к собственным жертвам и ожидания помощи. Индекс приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости притязаний

Сопоставим теперь динамику описанных выше *интегральных показателей*.

На рисунке 13 приводятся графики изменений средних значений генеральных (и первых по порядку в соответствующих

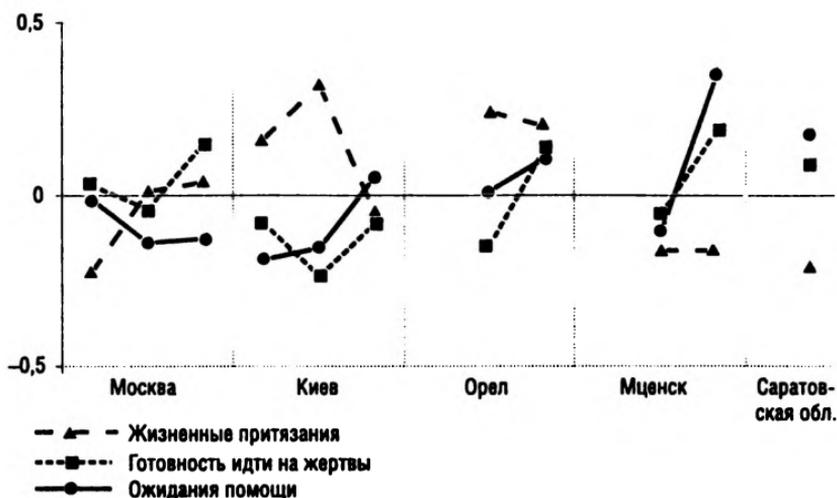


Рис. 13. Жизненные притязания, готовность идти на собственные жертвы и ожидания помощи (средние значения первых факторов, 1990–2001 гг.)

факторных матрицах) факторов притязаний, готовностей к собственным жертвам и ожиданий помощи с 1990 по 2001 г. в каждом из четырех городов. Напомним, что по содержанию эти факторы представляют обобщенные индексы уровня притязаний, готовности к жертвам и ожидаемой помощи. Линии, относящиеся к Москве и Киеву, построены на основе трех точек (начало 1990-х годов, 1995 и 2001 гг.), линии для Орла и Мценска — на основе двух точек (1995 и 2001 гг.).

Графики, характеризующие динамику рассматриваемых переменных в разных городах, неодинаковы, но все же в динамике притязаний и готовности к собственным усилиям можно выделить ряд общих черт.

Что касается *притязаний*, то четко видно, как в первой половине 1990-х годов притязания росли (продолжая подъем, начавшийся после 1985 г.), а затем с 1995 по 2001 г. снизились (Киев, Орел) или, по меньшей мере, прекратили расти (Москва, Мценск).

Кривые, характеризующие динамику *готовности к собственным жертвам*, не однонаправлены с теми, что характеризуют динамику *притязаний*, а часто идут в противофазе с ними. В первой половине 1990-х годов, когда притязания росли, согласие идти на собственные жертвы снижалось (продолжая снижение, начавшееся во второй половине 1980-х годов). С 1995 по 2001 г., когда притязания начали снижаться (или прекратили рост, как в Москве и Мценске), готовность к собственным жертвам, наоборот, стала увеличиваться.

Что касается динамики *ожиданий помощи*, то здесь налицо отличия Москвы от других городов. После 1995 г. во всех городах, кроме Москвы, эта динамика *однонаправлена* с изменениями *готовности к собственным жертвам*: готовность к мобилизации обоих типов ресурсов повышается. Причем это происходит на фоне стагнации или снижения показателя, характеризующего обобщенный уровень притязаний. В первой половине 1990-х годов налицо тоже два разных варианта соотношения между перспективами использования *ресурсов окружающих* и *своих собственных*: в Киеве ожидания чужой помощи за этот период несколько повысились — на фоне снижения импульсов к собственным жертвам и роста притязаний, а в Москве на том же фоне ожидания помощи явно понизились.

Итак, на приведенных выше графиках отражена межпоколенная динамика трех интегральных показателей, характеризующих жизненные программы молодежи — интегрального уровня притязаний, интегрального импульса к собственным жертвам и интегрального ожидания чужой помощи.

В реальной жизни люди обычно принимают решения, ориентируясь не на величины притязаний или ресурсов в отдельности, а на их *соотношения*. Например, в экономике широко применяется показатель резервированной заработной платы, представляющий собой как раз величину денежных притязаний, приходящуюся на единицу рабочего времени (например, на один месяц). Так, если резервированная заработная плата для

человека равна 15 тыс. руб. в месяц, то это значит, что данный индивид готов работать в течение месяца не менее чем за такую сумму. По аналогии можно построить и обратный показатель, характеризующий максимальную величину ресурсов, которую человек готов потратить на единицу притязаний (желаемых достижений). Например, если считать, что в месяце 21 рабочий день, то в приведенном выше примере человек готов за 1 тыс. руб. работать не более 1,4 рабочего дня.

Построим похожий показатель, используя данные о притязаниях респондентов и приемлемых/ожидаемых ими затратах ресурсов¹. Для этого *разделим суммарную величину тех ресурсов, которые люди готовы или ожидают использовать, на суммарную величину тех благ, которые они при этом хотели бы получить*. Получим индекс приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний, характеризующий тот объем ресурсов, которые человек готов сам потратить на достижение единицы своих притязаний, плюс тот объем затрат, который он ждет от окружающих. Сразу подчеркнем, что, в отличие от приведенного выше примера с заработком и рабочим временем, единицы измерения суммарных показателей, стоящих в числителе и знаменателе индекса, условны, и поэтому смысл имеют только его сравнительные значения.

В качестве заготовки для этого индекса был рассчитан *суммарный индекс ресурсов*, которые человек согласен/ожидает ассигновать на достижение своих притязаний. Он представлял собой сумму индивидуальных оценок респондентов по гене-

¹ Мы вынуждены использовать двойное определение ресурсов — «приемлемые/ожидаемые», поскольку оно относится к ответам на два разных типа вопросов. В отношении собственных жертв респондент говорит, в какой степени он «согласен» на них пойти, и тем самым оценивает их приемлемость для себя. В высказываниях же респондента о помощи окружающих («рассчитываю») оценочный компонент не столь очевиден, и поэтому заключать о приемлемости этой помощи на основе его ответов нельзя.

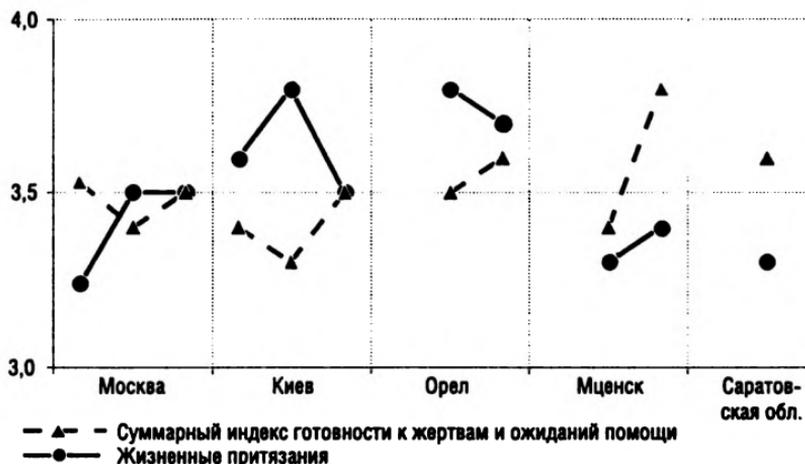


Рис. 14. Шкалированные значения первого фактора притязаний и сумма шкалированных значений первых факторов готовности к собственным жертвам и ожиданий помощи (средние величины по шестибалльным шкалам, 1990–2001 гг.)

ральным факторам готовности к собственным жертвам и ожиданий помощи¹. Межпоколенная динамика этого «подготовительного» индекса приведена на рисунке 14 вместе с динамикой генерального фактора притязаний; оба эти индекса выражены в шестибалльной шкале.

Теперь, когда имеются оба компонента искомого индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости, разделим суммарный индекс ресурсов на индекс уровня притязаний, т.е. на индивидуальные значения генерального фактора притязаний; частное от

¹ Индивидуальные оценки по генеральному фактору притязаний, фактору готовности к собственным жертвам и фактору ожиданий чужой помощи были переведены в шестибалльные шкалы (размах колебаний был разделен на шесть равных частей). Далее для каждого индивида вычислялась сумма оценок по факторам собственных жертв и ожиданий помощи. Чтобы привести эти суммарные значения к той же шестибалльной шкале, в которой выражены оценки притязаний, полученная сумма была *разделена на 2*.

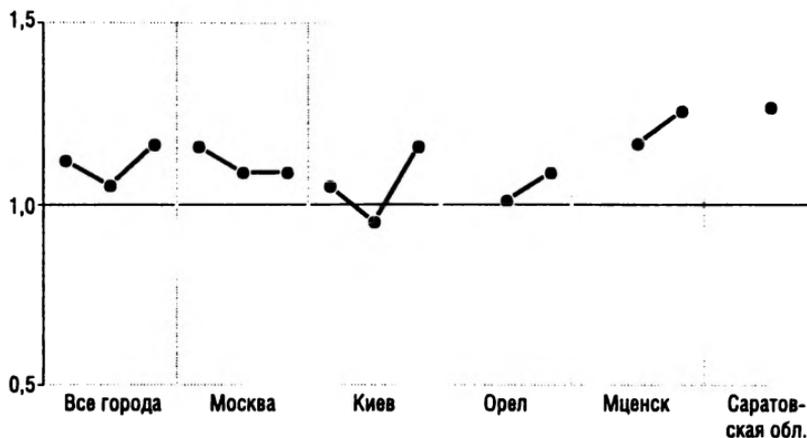


Рис. 15. Средние значения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний (1990–2001 гг.)

деления этих двух величин как раз и будет описывать тот объем ресурсов, которые молодой человек планирует или ожидает мобилизовать на единицу желаемых достижений (притязаний)¹.

На рисунке 15 приведены значения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний для каждого обследованного нами поколения во всех выделенных географических точках.

Как видно из рисунка 15, кривые, характеризующие межпоколенную динамику индекса на протяжении изучаемого нами периода, в различных городах выглядят в основном похоже, а именно: объем ресурсов, ассигнуемых на единицу достижений, в первой половине 1990-х годов снижается, а при переходе от 1995 к 2001 г. возрастает. (Исключение составляет только Москва, где указанного роста не наблюдается.)

¹ Процедура вычисления этого индекса следующая: суммарный индекс ресурсов, выраженный в шестибальной шкале, был разделен на шестибальный же факторный индекс уровня притязаний.

Подобный характер изменений вызван тем, что в первые годы радикальных социальных трансформаций у молодежи росло ощущение легкости жизненных достижений, а по мере становления нового общественного порядка эта тенденция изменилась и потенциальные жизненные достижения стали представляться более трудными, требующими больших затрат ресурсов (со стороны как самого человека, так и его окружения) на преодоление различных сопротивлений.

Изменения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости соответствуют анализировавшимся выше изменениям отдельных его компонентов (притязаний, готовности к собственным жертвам, ожиданий помощи). Статистически значимыми отличия между средними значениями индекса в 1990–1992 и 1995 гг. оказались в объединенном массиве Киева и Москвы, а между значениями индекса в 1995 и 2001 гг. — в объединенном массиве четырех городов. Значимые различия есть также и между средними значениями индекса в Киеве в 2001 и 1995 гг.

Кроме того, в пользу валидности предложенного индекса и его эвристичности свидетельствует ряд значимых отличий между его значениями в разных социогеографических точках. С учетом статистической значимости этих отличий можно констатировать, что в 2001 г. *самые высокие* значения индекса приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости были характерны для молодежи Мценска и Саратовской области. Они превышали значения этого индекса в Москве (1995 и 2001 гг.), в Орле (1995 и 2001 гг.) и в Киеве (в 1992 и 1995 гг.). Отсюда можно заключить, что *именно молодежи небольшого районного центра (Мценск) и сельской молодежи желаемые достижения представляются наиболее трудными*, и это вполне согласуется с большим массивом информации о резких социальных различиях жизни в малых городах и сельской местности, с одной стороны, и в крупных городах и мегаполисах — с другой.

Примечательно также, что обе точки с *наиболее низкими* значениями приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости притязаний (Киев и Орел) получены в опросах 1995 г., и это подтверждает представление о V-образной динамике воспринимаемого соотношения ресурсов и притязаний, нижняя точка которого, соответствующая наименьшей затратности желаемых достижений, приходится на 1995 г.¹

Рассматривая соотношения между интегральными показателями притязаний, мы до сих пор ограничивались анализом *первых* по порядку (генеральных) факторов. В каждый из этих факторов все исходные показатели входили с примерно одинаковыми по знаку весами. Напомним, что сходными оказались также и *вторые* факторы, характеризующие готовность респондентов к собственным жертвам и ожидаемую помощь. Эти факторы имеют более сложную структуру, в каждом из них примерно «на равных» противостоят две группы показателей, причем одна из них в обоих случаях связана с получением образования. Поэтому есть смысл сравнить межпоколенную динамику и этих факторов².

Межпоколенная динамика вторых факторов отображена на рисунке 16. Напомним, что минимальные значения *фактора готовности к собственным жертвам* соответствуют ориентации респондентов на преодоление трудностей обу-

¹ При измерении готовностей респондентов к собственным жертвам и ожиданий ими помощи близость этих показателей к минимальным или максимальным значениям в вопросах не уточнялась. Но измеряемые в наших опросах притязания явно сдвинуты к минимальным значениям: напомним, что речь шла о «достаточных», а не о «максимально возможных» величинах благ. Исходя из этого, можно считать, что рассчитанные индексы тяготеют, наоборот, к *максимально* приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний.

² Тема образования связана и со вторым фактором притязаний. Но мы не включаем его в этот сопоставительный анализ, поскольку показатель образовательных притязаний входит в указанный фактор не «на равных», а занимает в нем подчиненное положение.

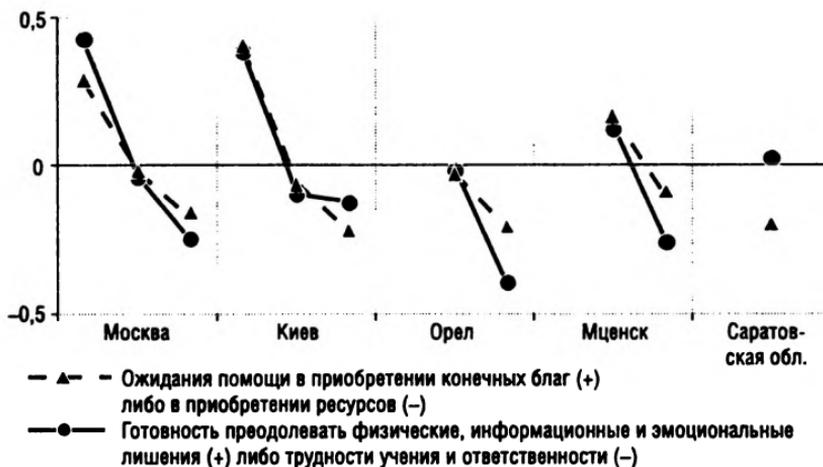


Рис. 16. Готовности к собственным жертвам и ожидания помощи (средние значения вторых факторов, 1990–2001 гг.)

чения и ответственной, побуждающей к самореализации и саморазвитию работы, а максимальные значения — ориентации на жертвы, связанные с невозможными потерями и растратой имеющегося у человека потенциала. Минимальные же значения фактора ожидаемой помощи соответствуют ориентации на помощь окружающих в приобретении молодым человеком хорошего образования, хорошей работы и репутации — долговременных и универсальных ресурсов для достижения разнообразных благ. Максимальные значения, наоборот, соответствуют ориентации на помощь окружающих в непосредственном приобретении этих «результатных» благ, а не тех ресурсов, благодаря которым человек впоследствии мог бы приобретать данные блага самостоятельно.

Как видно из графиков, приведенных на рисунке 16, оба рассматриваемых факторных индекса от поколения к поколению устойчиво меняются в одном и том же смысловом направлении: опрошенная нами молодежь от года к году все более склонна направлять и свои, и чужие силы и средства на про-

фессиональное образование и приобретение иных внутренних ресурсов, т.е. на накопление человеческого, экономического и социального капиталов, которые в дальнейшем откроют доступ к разнообразным благам и достижениям¹.

ВЫВОДЫ

В статье изложены результаты исследования, предпринятого в России и Украине на протяжении периода, когда шли быстрые социальные изменения в странах бывшего СССР. Исследование осуществлялось в четыре этапа. Первый опрос был проведен в Киеве в 1985 г., второй — в Москве (в конце 1990 — начале 1991 г.) и Киеве (в 1992 г.), третий — в столицах (Москве и Киеве) и провинциальных российских городах (Орле и Мценске) в 1995 г., четвертый в 2001 г. — в дополнение к четырем упомянутым городам также в сельских районах Саратовской области. Объектами изучения каждый раз были 16-17-летние учащиеся выпускных классов обычных общеоб-

¹ Как отмечалось выше, заметная часть этих изменений статистически значима.

Обратим внимание на то, что сдвига в образовательных *притязаниях* нам обнаружить не удалось. Возможно, это объясняется тем, что они были высоки на протяжении всего периода с 1985 по 2001 г. (напомним, что 86% городских учащихся считали достаточным для себя образование не ниже высшего), и поэтому рост образовательных ориентаций молодежи мог выражаться главным образом в усилении ресурсного обеспечения этих притязаний. Кроме того, недостаточно чувствительной могла оказаться и используемая нами шкала уровней образования. Например, в нее не был включен вариант получения двух высших образований, который, как показывают опросы последних нескольких лет, привлекает голоса заметной части молодежи (см.: *Левинсон А.Г.* Промежуточный отчет по первой волне исследования «Мониторинг эксперимента по изменению структуры и содержания образования в старшей школе». Рукопись. М., 2002; *Магун В.С., Энговатов М.В.* Жизненные притязания молодежи Самарской области).

разовательных школ, что позволило сравнить жизненные притязания и стратегии их ресурсного обеспечения (в форме готовностей к собственным жертвам и ожиданий помощи со стороны окружающих) у четырех поколений российской и украинской молодежи.

Межпоколенные сравнения притязаний и стратегий их реализации проводились главным образом на основе интегральных показателей, полученных в ходе трех факторных анализов — факторного анализа притязаний (1), готовностей к собственным жертвам (2) и ожиданий помощи со стороны (3). Рассматривались по два первых, наиболее информативных фактора, характеризующих притязания, готовности к собственным жертвам и ожидаемую помощь.

Структура *первых факторов* в каждой из матриц оказалась сходной: во всех случаях были обнаружены общие (или генеральные, или универсальные) факторы, обозначенные нами соответственно как общий фактор высоких притязаний в разных сферах жизни, фактор общей готовности к различным жертвам и лишениям, общий фактор ожиданий помощи в решении различных жизненных задач.

Анализ межпоколенной динамики этих первых (генеральных) факторов показал, что с 1990–1992 по 1995 г. продолжались тенденции изменений, характерные для второй половины 1980-х годов: росли притязания и снижалась готовность молодежи к собственным жертвам и усилиям по преодолению трудностей. Но с 1995 по 2001 г. эти тенденции изменились: несколько снизились притязания (или, как минимум, прекратился их рост) и возросли готовности молодых людей к собственным жертвам и усилиям. В то же время существенно, что возвратные тенденции, характерные для притязаний и готовности к собственным жертвам, не вернули эти показатели к значениям 1985 г., сохранив существенную часть изменений, накопленных с 1985 по 1995 г.

Первоначальный взлет уровня притязаний и снижение готовности людей идти на жертвы ради их воплощения в жизнь

интерпретируются в статье как результат революционных изменений, произошедших в конце 1980-х — начале 1990-х годов в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества, и в то же время как условие, обеспечивающее сам процесс этих изменений. Господствовало настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного строя, начавшего утверждаться в этот период в России и Украине. Это настроение формировалось под влиянием описанного в психологии «принципа удовольствия» и вело как к более высокому уровню притязаний, так и к логически дополняющему его представлению о большей легкости их воплощения в жизнь. Цены и затраты, неотделимые от нового уровня жизни, оставались при этом скрытыми.

Стагнация уровня притязаний молодежи и частично даже его снижение, наступившие во второй половине 1990-х годов, и сопровождавший их рост готовности молодых людей идти на жертвы и трудности интерпретируются в статье как следствия изменений, которым подверглись представления людей о возможностях воплощения их притязаний в жизнь. Первоначальный всплеск ожиданий и идея богатства возможностей, открываемых новым общественным строем, постепенно дополнились более трезвым осознанием барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. Сформировалось представление о гораздо более медленной, чем казалось ранее, скорости позитивных изменений. Важнейшим из событий, повлиявших на формирование подобных представлений, был финансовый кризис 1998 г., заставивший как элиты, так и массовые слои населения в России и Украине остро осознать упомянутые барьеры и ограничения.

Динамика генерального индекса ожиданий помощи оказалась неодинаковой в разных городах: он снижался или стоял на месте в Москве и повышался, в том числе и статистически значимо, в трех других городах.

В итоге за счет сложения динамики всех трех категорий показателей получилось, что приемлемая/ожидаемая молодыми людьми «ресурсоемкость» единицы притязаний сначала (до 1995 г.) снижалась, а затем (во всех городах, кроме Москвы) начала расти. Это связано с тем, что на первом этапе социальных трансформаций жизненные достижения представлялись молодым людям все более легкими, а в дальнейшем произошла коррекция этой тенденции и воспринимаемая трудность мира как места для жизни стала расти.

Существенно, что в наших данных выявились статистически значимые различия приемлемой/ожидаемой ресурсоемкости единицы притязаний между молодыми жителями разных поселений: наиболее трудными желаемые достижения в 2001 г. представлялись молодежи малого города (Мценска) и сельских поселений Саратовской области.

Вторые факторы также оказались сходными для разных групп показателей: во всех трех случаях они биполярны, причем один из полюсов всегда включал показатели, связанные с образованием и квалификацией — *притязания*, касающиеся сложности и творческости труда, *собственные жертвы и усилия*, необходимые для учения и ответственной работы, *ожидания помощи* в образовании.

В итоге *второй фактор притязаний* был обозначен как параметр высоких притязаний в семейной сфере с тенденцией к взаимно-обратным отношениям с притязаниями в сфере труда, *второй фактор готовностей к собственным жертвам* — как параметр взаимно-обратных соотношений между двумя стратегиями достижения успеха: стратегией жертвы своими качествами и способностями и стратегией сохранения и приумножения своих способностей (человеческого капитала) и *второй фактор ожиданий помощи* — как параметр взаимно-обратных соотношений между ожиданиями помощи в приобретении конечных благ и помощи в овладении универсальными ресурсами, позволяющими эти блага впоследствии получать.

Десятилетняя динамика этих вторых факторов с 1990–1991 по 2001 г. оказалась однонаправленной, и их изменения свидетельствуют о том, что имеет место межпоколенческий прообразовательный сдвиг. Каждое следующее поколение молодых людей все больше перераспределяет свои и чужие ресурсы в пользу решения задач собственного профессионального образования. Данные тенденции связаны с тем, что постсоветский социально-экономический порядок оказался более меритократичным и в новых социально-экономических условиях 1990-х годов гораздо в большей степени, чем в условиях советского общества, стала вознаграждаться общая и профессиональная квалификация работника и его продуктивность.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Поколенческий анализ современной России

Редактор
И. Калинин
Дизайнер
П. Конкалович
Корректор
Л. Морозова
Компьютерная верстка
А. Ким

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (095) 976-47-88
факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 60x90/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 20,5. Тираж 1500
Заказ № 433
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

В статьях сборника, который представляет собой избранные материалы рабочего семинара по проблемам поколенческого анализа, действовавшего в Московской высшей школе социальных и экономических наук в 2000 – 2003 гг., рассматриваются смысловой состав понятия "поколение" и границы его применимости в эмпирической работе историка, демографа, социолога. "Проблема поколений", анализируемая в данном сборнике, включается в специфические условия отсроченной или задержанной модернизации, заблокированного социального продвижения, прежде всего – на примере России XIX – XX вв. Кроме того, авторы сборника рассматривают ценности и установки молодых поколений российского общества в нынешний момент и во временной динамике. Книга носит междисциплинарный характер, в ней анализируются данные социальной истории, результаты социологических опросов, биографические источники, литературные тексты.

антропология культурология **социология** политология



ISBN 5-86793-370-9



9 785867 493370 8 >